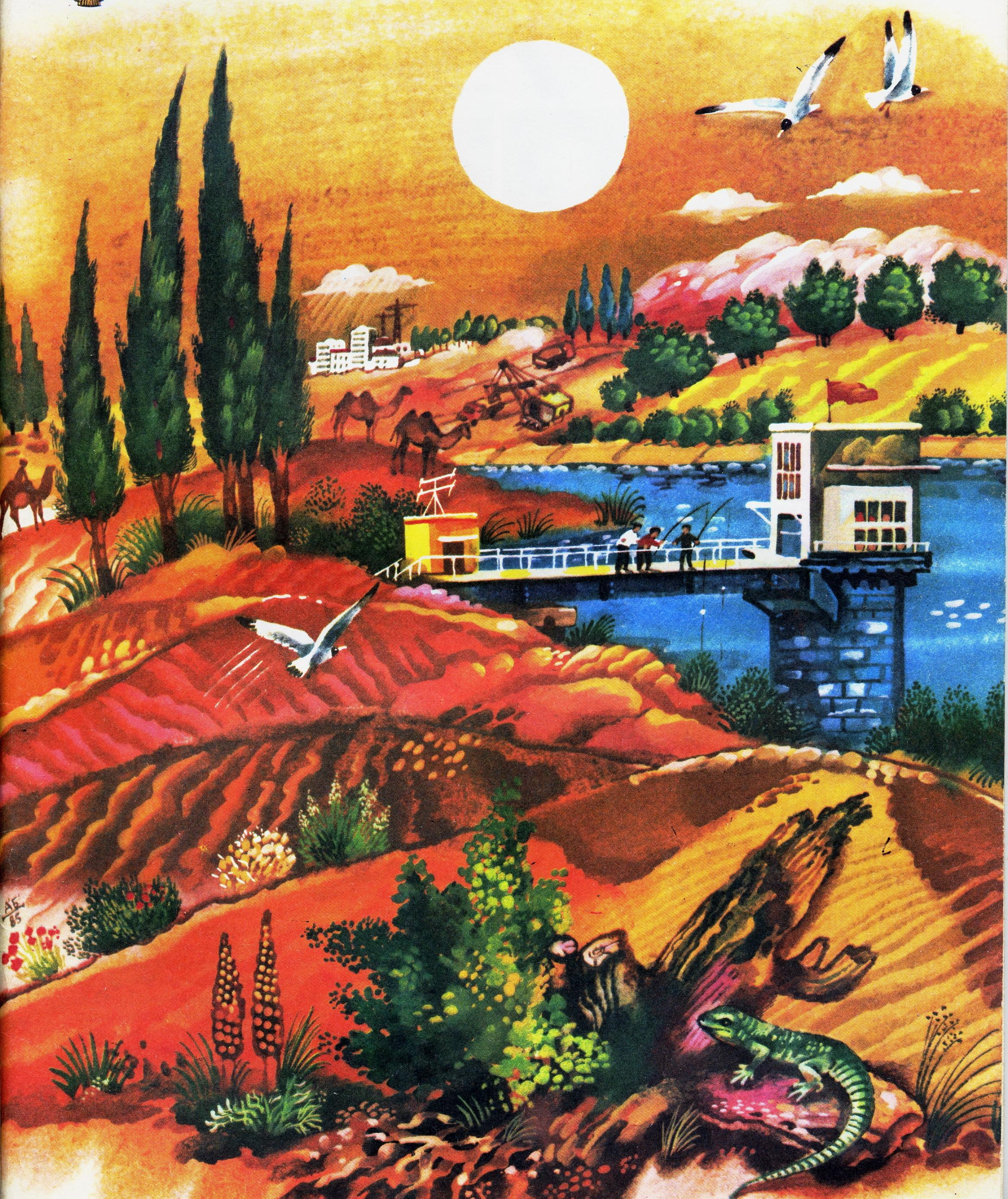
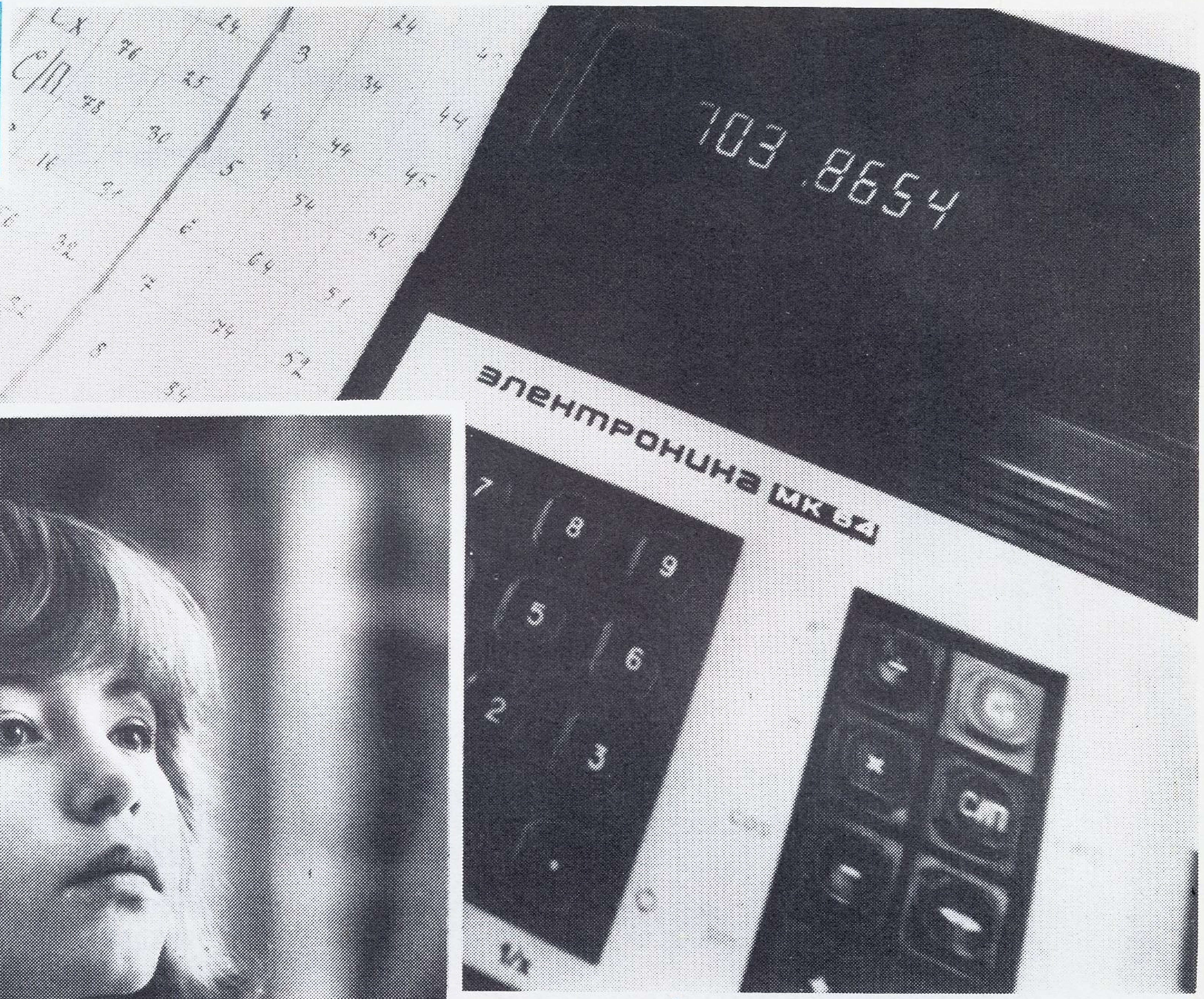
ПИОНЕР

10

1985



ТЫ И РЕФОРМА



БИЛЕТ В XXI ВЕК

Кому и зачем нужно программирование?

В редакции я получила задание: рассказать о школе, где четвероклассники обучаются программированию. По дороге в 183-ю московскую школу я обдумывала вопросы, которые буду задавать ребятам и преподавателю. И в какой последовательности.

Когда я вышла из школы, то сообразила, что программировала: выстраивала в уме план своей работы.

Мы сталкиваемся с программированием ежедневно. После школы тебе надо, к примеру, и в бассейн сходить, и в магазин за хлебом сбегать, и сестренку из садика ближе к вечеру привести, и уроки выучить. А вечером фильм интересный, и посмотреть его очень хочется! И так — каждый день. Ты распределяешь свои дела в определенной последовательности, короче, программируешь. А как было бы здорово, если бы у каждого из нас была своя собственная электронно-вычислительная машина! Закладываешь в нее программу, в которой перечислены все твои дела на следующую неделю с учетом учебного расписания. И машина быстренько выдает результат: что надо сделать в первую очередь, что во вторую, что в третью...

Работа и учеба — вот где ЭВМ экономит время! Она считает, выдает нужные сведения, обрабатыва-

ет любые данные, и все это в считанные секунды. Хорошая ЭВМ — это секретарь, калькулятор, записная книжка, педагог, редактор, картотека, энциклопедия.

Когда-нибудь в магазинах будут продаваться индивидуальные компьютеры (ЭВМ). Их будет много, как сейчас, скажем, магнитофонов. Разной цены, разных видов. Ясно одно: в ближайшие 10 лет компьютеры начнут появляться повсюду на рабочих местах. Уже сегодня на ЭВМ работают инженеры-конструкторы, филологи, медики и физики. На заводах действуют станки с программным управлением.

Искусственный интеллект... Интеллект, то есть ум? Значит, машина за человека думает?! Ни в коем случае! Думать и решать умеет только человек. Машина всего лишь помогает ему в этом, как бы додумывает за него. Она способна заменить человеческий мозг в выполнении некоторых простейших логических операций: в счете, в обработке данных, в мгновенном извлечении из памяти (условное название запоминающего устройства) нужных сведений. С этим она справляется много быстрее человеческого мозга.

Знать до тонкостей устройство ЭВМ всем нам не обязательно, это дело специалистов по вычислительной технике, но человеку любой специальности придется выучить язык машины.

Нам, взрослым, не умеющим программировать, придется учиться «второй грамотности» в личное время, так сказать, идти в ликбез. Тебе, сегодняшнему школьнику, повезло: с нынешнего года в школах страны введен новый курс «Основы информатики и вычислительной техники», выпущено учебное пособие. А учителям разрешено экспериментировать — вместе с учениками использовать ЭВМ на разных уроках.

Четвертому «В» повезло!

Изучение микрокалькуляторов начинается с 7-го класса. А в школе №183 Тимирязевского района столицы основам вычислительной техники и информатики учат уже в четвертых классах. В прошлом учебном году 4 «В» (в числе других четвертых) с удовольствием принялся штудировать новую науку. Приятно почувствовать себя сразу на три года старше — недосягаемые в своей взрослости семиклассники учат то же самое.

Решилась на такой эксперимент учительница математики Тамара Сергеевна Коржикова. А перед тем, как решиться, долго думала и наблюдала. Предлагала четвероклассникам задачи из учебника 7-го класса. Они удачно решали их. Кстати, ученые давно подметили: чем человек моложе, тем гибче его ум. Пятилетний малыш собирает кубик Рубика намного быстрее, чем взрослый. Детям легче дается иностранный язык.

В один прекрасный день Тамара Сергеевна объяснила ребятам, что такое отрицательное число. Потом дала еще несколько понятий из курсов старших классов: «стандартные числа», «степени», «периодическая дробь» (последнее понятие — из учебника 9-го класса). Без всех этих понятий нельзя было подступиться к работе с микрокалькуляторами.

Первый экспериментальный учебный год «удался» на славу: ребята прекрасно справились с программой 7-го класса. А 4 «В» свою первую контрольную по программированию написал ничуть не хуже, чем седьмые классы, а контрольные-то были одинаковые...

Чудо-кабинет

Таких удивительных кабинетов мне еще не приходилось видеть! Шторы опускаются и поднимаются автоматически. Доска складывается и раздвигается так, что общая ее площадь раза в четыре больше площади обычной доски. А с виду — доска как доска, только намного толще, чем надо. Ну, магнитофон, кинопроектор — этим сейчас никого не удивишь. А вот эпидиаскоп, фильмоскоп с дистанционным управлением, пульты программированного обучения есть далеко не везде. Но самое поразительное — парты. На каждом ученическом месте — местное освещение. Держатели для линеек, чтоб всегда под рукой была: для начинающего программиста и оператора ЭВМ первое дело — линейка. И на каждой парте посередине 2 калькулятора — краса и гордость кабинета математики. Один из них — МКШ-2 — простой, инженерного типа. На нем можно только считать. Другой — похитрее, называется он МК-64 программируемый.

Старшеклассники, ученики Тамары Сергеевны, работают с МКШ-2 уже третий год. А МК-64 поселился в кабинете совсем недавно, с год примерно. Ребятам новичок нравится. У него больше возможностей, с ним интересней работать, чем с МКШ-2!

Урок

И вот я, взрослый человек, сижу за школьной партой и пытаюсь принять участие в уроке. Внимательно слушаю объяснения Тамары Сергеевны. Записываю в блокнот то же самое, что и мои соседи в школьные тетради.

Надо решить с помощью калькулятора несложный пример. Перво-наперво нужно сделать прикидку, то есть подсчитать в уме и на бумаге приблизительное число, которое должен выдать МКШ-2. Для этого числа округляются.

Кому нужна эта прикидка, можешь спросить ты, калькулятор все подсчитает! Хорошо, представь себе ситуацию: ты — инженер и конструируешь с помощью ЭВМ мост. Полученный ответ внесли в расчеты конструкции. Вот мост построен и... рухнул! Калькулятор-то был неисправен. Хоть он и

Выходит с 15 марта 1924 г.
ПИОНЕР
Ежемесячный детский журнал Центрального Комитета ВЛКСМ и Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина
ОКТЯБРЬ 10
Москва 1985 г.
Издательство «Правда»

интеллект, но искусственный, он разум, но он машина, которая иногда срабатывает неправильно. Поэтому прикидка очень нужна.

А дальше мы составляли программу. Говоря просто, программа — это порядок действий, очередность математических операций. И прикидка, и программа у меня получились — впервые в жизни!

Моя радость, однако, быстро улетучилась, когда ребята занялись составлением программы для МК-64. Тут уж для меня начался самый что ни на есть темный лес, в котором я немедленно «заблудилась». Ребята лихо нажимали на кнопки и закладывали программу в калькулятор непостижимым для меня образом. И почему-то возникла мысль: а умеют ли считать начинающие программисты? Прикидка прикидкой, там все округляется для легкости...

И как бы в ответ на мои мысли прозвучал голос Тамары Сергеевны: «Ребята, минуточку внимания. Вы только что видели, как долго считал калькулятор, сколько будет 3 × 5. Машина выполняет тысячи операций в секунду, но такое простое арифметическое действие ей «дается» тяжелей, чем вам. Вот почему таблицу умножения знать просто необходимо».

Почти на каждом уроке математики четвертые классы решают арифметические задачи, тренируются в устном счете. И таблицу умножения знают назубок.

...В 4 «В» тишина как в настоящем вычислительном центре. Разговаривают шепотом. Это понятно. На вычислительном центре работает много людей, машинное время ограничено, и все должны быть предельно собраны и внимательны. ЭВМ не терпит расхлябанности и нечеткой работы. И помогает только дисциплинированным.

А мы учимся по системе самоподготовки!

Так они мне ответили на вопрос: как они умудрились окончить четвертый класс по математике за три четверти, а последнюю в году четверть посвятить только вычислительной технике и программированию,— и это при том, что Тамара Сергеевна проболела месяц! Ребятам нравится учиться без домашних заданий. Прорва времени высвобождается на уроке и дома!

Леша Самсонов сравнивает такую учебу со спортом.

— Я тренирую свои знания на уроке, когда слушаю объяснения, и дома, когда как бы объясняю себе урок еще раз. Просматриваю тетрадь по математике и, если я все, что записал на уроке, понимаю и помню, откладываю ее в сторону. Но когда я в чем-то не разобрался или не до конца разобрался, то открываю учебник, читаю и думаю. Иногда для себя делаю расчеты на бумаге.

— Учиться без домашних заданий — не значит не учиться,— говорит Паша Новиков. — Попробуй приди на урок неподготовленным. Ты же плохо поймешь следующую тему. Обязательно отстанешь! Жалко, когда не очень понимаешь интересное.

А Олег Креснин вообще считает вычислительную технику и программирование самой интересной вещью в мире и не понимает, как можно тратить 10—15 минут такого урока на какую-то проверку домашних заданий, которые, как правило, делаются с помощью родителей или, чего греха таить, списываются. Мы с Олегом быстро подсчитали,

сколько минут можно сэкономить за учебный год при, скажем, четырех уроках математики в неделю. Получилась интересная цифра: 2160 минут, или 47 уроков! Убеждает?

Система самоподготовки себя давно оправдала. Выпускники Тамары Сергеевны успешно справились с последним школьным экзаменом, все, кто поступал в вузы, поступили. Многие из выпускников 8-х классов пошли в ПТУ, где успешно учатся работать на станках с программным управлением.

Но есть в 4 «В» и свои «истории болезни». «История болезни» — это когда много «пробелов» накопилось у человека. «Пробелы» — невыставленные двойки, их в журнале специальным знаком обозначают. Чтобы не отнимать у товарищей время, тот, кто «пробел» заработал, сдает его после уроков. «Тяжких болезней» в 4 «В» не наблюдается, все скоропроходящие, типа простуды, и легко поддаются лечению.

Коллективный опрос

...тоже входит в систему самоподготовки. Мне это напомнило репетицию оркестра, когда дирижер мгновенно улавливает малейшую фальшь любого инструмента. Я не самих ребят сравниваю с инструментами, а их ум, мозг. Тренировка ума и сообразительности, а также быстрой реакции чем-то сродни обучению игре на музыкальном инструменте. Только научиться виртуозно «играть» на этом от природы данном инструменте во много раз сложнее, чем на клавишах рояля. Кстати, работа с калькулятором, а затем и с ЭВМ (которая тоже есть в школе, и к которой ребята подойдут несколько позднее) вырабатывает в человеке ряд замечательных качеств, среди которых есть и быстрота мышления, и сообразительность.

Представьте себе затемненный класс. Лампочки местного освещения, естественно, включены. Тамара Сергеевна задает задачу и включает пульт. Через кодоскоп на экран проецируется пять ответов. Из них лишь один правильный, но никто не знает, какой именно. Каждый ученик решает задачу и нажимает на кнопку с цифрой — числом правильного, по его мнению, ответа. Загорается лампочка на пульте у Тамары Сергеевны. Если ученик не укладывается в отпущенный на задачу срок, его лампочка на пульте не загорается. Тамара Сергеевна сразу видит: кто успел, а кто нет, сколько человек решило задачку правильно, а сколько — неправильно. Она, как дирижер, как бы «слышит» весь класс, слышит каждую неверную ноту.

Экзамен

— Тамара Сергеевна, можно я сдам экзамен завтра?

— И я!

— И я!

4 «В» окружил на переменке Коржикову. Да, у них, четвероклассников, действительно будет экзамен. И они его не боятся, а ждут с нетерпением. От экзамена будет зависеть годовая отметка по математике, и все равно — не боятся!

Будет 20 экзаменационных билетов, в каждый из которых входит с десяток вопросов. 20 билетов вместили в себя весь учебный год.

Еще одно преимущество самоподготовки: материал хорошо усвоен, настолько хорошо, что многие хотят сдавать прямо сейчас. Тамара Сергеевна охлаждает пыл самых прытких: «Хотите, я вам задам вопрос, на который никто сейчас не ответит? А вопрос из билетов! Не хотите? Тогда повторяйте пройденное, экзамен в назначенный день, исключений ни для кого не будет».

Пропуск в будущее

Урок закончен. Класс опустел. Смотрю на парту с компьютером и думаю: неужели это парта XX века? Парта, за которой учится десятилетний человек? Могли ли себе представить такое ребята, которые учились шестьдесят лет назад? Да нет, для них это было бы такой же фантастикой, как романы Герберта Уэллса. И для школьников 30—50-х годов — сплошная фантастика! Даже ученики 70-х годов с трудом могли себе представить парту с программируемым калькулятором. А для героев нашего рассказа, школьников 1985 года, компьютер — дело привычное. Как таблицы Брадиса или логарифмическая линейка.

Сдаст 4 «В» свой экзамен по математике и разбежится, разъедется на каникулы, кто куда... Вряд ли кто-нибудь из этих ребят подумает после экзамена, что билет, который он вытянул и держал в руке,— как бы пропуск в будущее, в XXI век. Хотя, что об этом думать, XXI век не за горами.

Е. ПЛЕТНЕВА

Фотографии М. ВЫЛЕГЖАНИНА.

Людмила ФАДЕЕВА

Впервые в библиотеке

Здравствуйте, книги!
Вот он я, вот он!
Мы же знакомы
По классным работам!
Нам диктовали из вас предложенья,
Теперь я пришел почитать продолженья.
Узнать,
Что там было в конце,
Что в начале,
Куда это быстрые кони помчали
И чей обелиск под пушистою вербою...
Здравствуйте, книги,
Друзья мои верные!

Знаки препинания

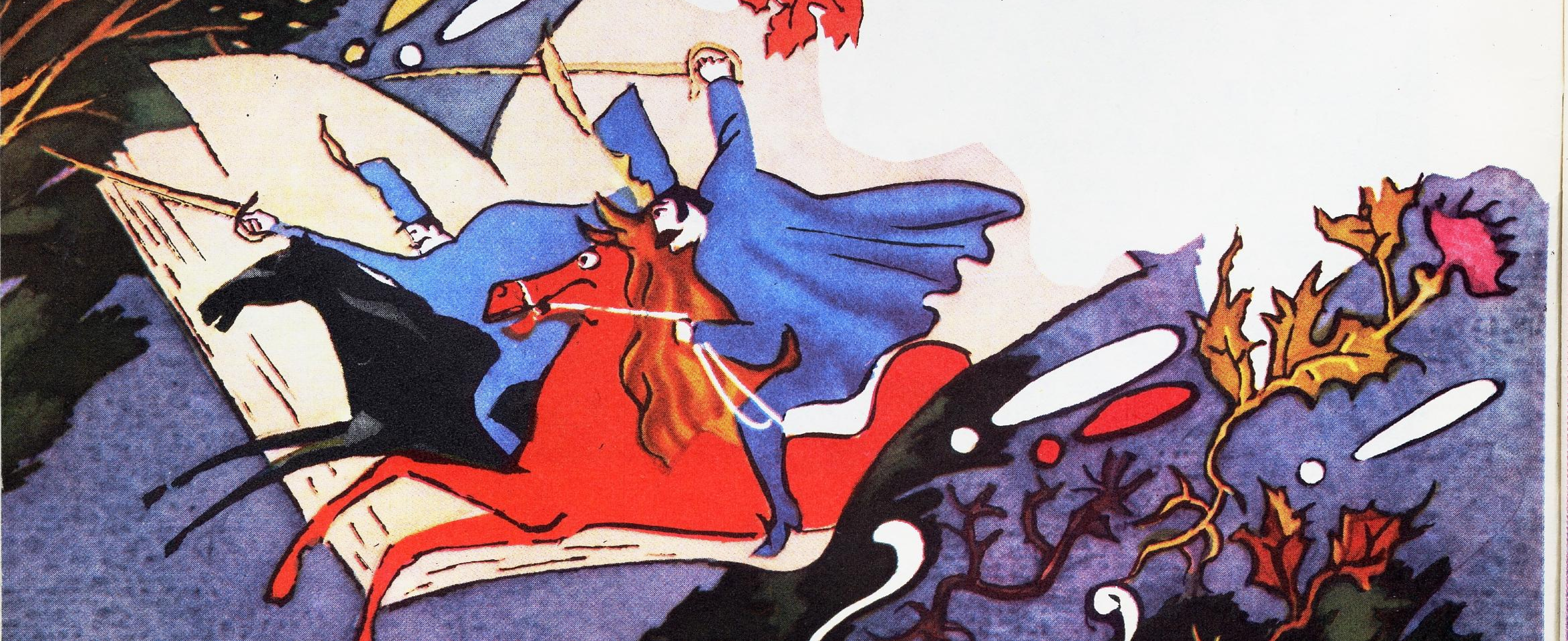
Вот знаки в конце предложенья.
Какие хорошие знаки!
При помощи соображенья
Теперь догадается всякий,
Что Лиля у нас — **вопросительница,**
А я у нас — **восклицательница,**
А умная наша учительница —
ГЛАВНАЯ ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНИЦА!

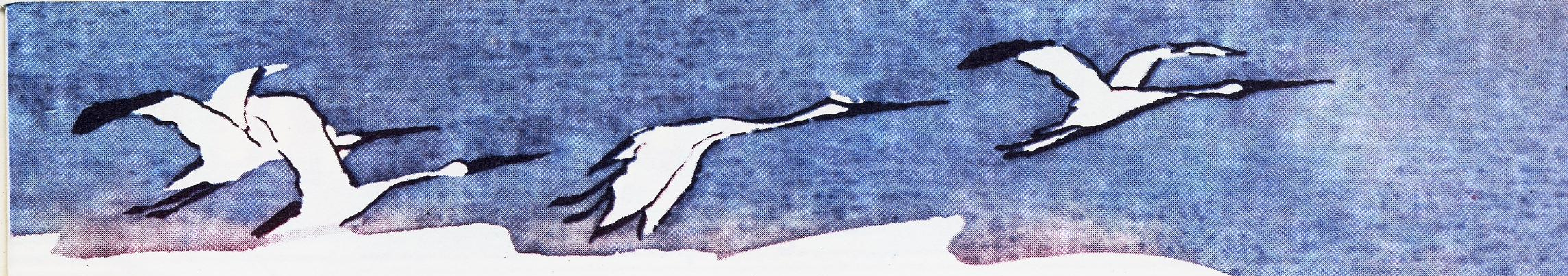
Субботник

Эти — на «свеклу», те — на «картошку»...
Школьный наш двор опустел понемножку.
Уехал автобус, машины умчались.
А мы-то куда?
Почему мы остались?
— А третье звено —
На пришкольный участок!
Но мы же мечтали,
Что — по ветру галстук!
Несется машина, навстречу — поля!..
Пришкольный участок,
Грустят тополя,
Хранят свои раны
Бедняги каштаны,
Зато веселы лопухи-великаны,
На грядках — раздолье для чертополоха.
Пришкольный участок, ой, как тебе
плохо...
Доверенный школе
Участок земли...
Как правильно
Мы на субботник пришли!

На уборке листьев

Был на уборке листьев
Пятый класс.
Наш пятый класс
Заметил в первый раз:
Срывает осень с дерева листки,
Так, словно тихо гасит огоньки...
От этого вдруг стало грустно всем:
Ведь листья угасали насовсем!
Один Серега яблоко жевал,
За осень вовсе не переживал.





Тает первый снег

Тает, тает
Первый снег.
А ведь падал, как навек:
Шел и шел он мимо окон
Целых первых два урока.

Посветлело в классе нашем,
Стал он тихим и домашним,
Стал еще белее мел,
Математик подобрел...

Тает первый снег, сдается,
Во дворе уже болотце...
В день второго снегопада
Будет школа так же рада.

Но полюбится всех больше,
Будет помнится всех дольше
Этот самый
Не навек
Первый снег.

Зимние скворечники

Застывшие скворечники,
Похуже и получше,
Весь день с утра до вечера
Дрожат на голых сучьях.
И крыши надвигают,
Как шляпы на лицо:
От ветра охраняют
Замерзшее крыльцо.
Еще не скоро с юга
Скворечный перелет,
И только злая вьюга
В скворечниках живет.
На том, на самом донышке,
Пушисты и легки,
Теплеют тихо перышки,
Как в пепле угольки.

Яблоко

Я на яблоко гляжу,
Тихо пальцем провожу
По прозрачной кожице,
По румяной рожице.
Это тут,
Это тут
Притаились и живут,
Не теряют красоты
Дни,
Когда цвели цветы
На яблоне ветвистой,
Совсем еще безлистой.

Отряд говорит

29 ОКТЯБРЯ — ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ КОМСОМОЛА.

Салют тебе, наш старший товарищ, наш вожатый, Ленинский комсомол!

ИМЯ, КОТОРОЕ НОСИТ ОТРЯД

Маргарита Калинина училась во 2-й клинской школе, и там приняли ее в октябрята, а потом в пионеры. А когда построили большую красивую новую школу, 16-ю, Маргарита ушла туда в шестой класс. Училась прилежно. А после восьмого класса поступила в московское медицинское училище № 19. Работала, когда окончила его, операционной медицинской сестрой во 2-й железнодорожной больнице. Получила звание «Ударник коммунистического труда», награждена была Знаком ЦК ВЛКСМ «Молодой гвардеец пятилетки». Потом обстоятельства ее жизни сложились так, что некоторое время поработала она в Ленинграде и приняла решение попроситься на работу в ограниченный контингент советских войск в Афганистане.

Характер у Маргариты был такой, что хотелось ей быть там, где труднее, и дело она для себя выбирала всегда поответственнее. Работала в военном госпитале. Свой интернациональный долг она выполняла так, что награждена была медалью «За боевые заслуги» и двумя Почетными грамотами.

С детства, с пионерских лет Маргарита воспитывалась на примерах мужества и героизма советских людей, боровшихся с фашизмом в Испании, во время Великой Отечественной войны в интернациональных бригадах, и всегда, всюду, где нужна была братская помощь в битве за демократию, свободу и независимость.

Санитарная машина, в которой Маргарита Калинина ехала, была обстреляна и задержана на горной дороге.

Комсомолка Маргарита Анатольевна Калинина пала смертью храбрых, отражая вооруженное нападение врагов Апрельской революции. Но память о ней и подвиг ее бессмертны!

Ее имя присвоено пионерской дружине 16-й школы Клина, где она училась. Пионеры этой школы создали в честь комсомолки-героини музей ее имени. Здесь, в музее, ее личные вещи, книги, воспоминания о ней. Здесь ее комсомольский билет, ее награды, грамоты. Среди книг героини был обнаружен томик стихов В. В. Маяковского, и в нем подчеркнуты слова:

«Комсомолец! Живя в твои лета,
Октябрьским озоном дыша,
Помни, что каждый день — этап,
К цели намеченной шаг!
Не наши, которые времени вспять
Уперли лбов медь.
Быть коммунистом — значит дерзать,
Думать, хотеть, сметь!»

Каждый год в пионерской дружине имени Маргариты Калининой проходит День ее памяти. Выносят пионерское и комсомольское знамена, к фотографии Маргариты в ее музее кладут цветы. И звучит песня о Маргарите Калининой, стихи которой написала учительница этой школы, а музыку ученик-комсомолец:

«Мальчишки и девчонки о подвигах мечтают,
Мечтают о полетах в межзвездные миры,
Но если нужно Родине, но если трудно станет,
Они готовы выполнить любой наказ страны».

Л. Н. ЗУБАЧЕВ,
заведующий клубом Клинского торга,
младший сержант запаса.

Ребята! Расскажите, чье имя носят ваши отряды и дружины. Что знаете вы об этих людях? Как добивались чести присвоения высокого звания?

КОГО СЧИТАТЬ АКТИВИСТОМ?

Разговор на эту тему мы завели в начале года. И продолжаем его, потому что откликнулись десятки ребят — тема оказалась интересной и важной для многих. МАЛЬЧИКИ МОЛОДЦЫ! Приняли активное участие в разговоре.

Андрей ДРОНОВ, город Волгоград. Кто активист? Человек, который может повести за собой ребят. Но не просто повести, а так, чтобы они сознательно пошли. Так объяснить задачу, цель, во имя которой надо что-то делать, чтобы всем захотелось это сделать. Повести за собой людей может только тот, кто обладает привлекательными качествами для других: смел и честен, справедлив и трудолюбив. Организует, но и сам делает, носа не задирает. Вот каким я представляю себе человека — активиста.

Святослав ГОРДИН, город

с отрядом

Ростов-на-Дону. Я считаю активистом того, у кого слово не расходится с делом, кто никогда плохое не выдает за хорошее, кто никогда не скажет за глаза, а всегда прямо и правду. Активист не боится правды и борется за нее. Активист сам не останавливается на том, что уже достиг, и товарищей ведет за собой вперед, к новым более сложным целям. И в пути никого не оставляет. Не отрывается от других, а оглядывается на тех, кто отстал, помогает им догнать себя.

Светлана ДОНЧЕНКО, город Гюворино Воронежской области. Мне кажется, активист — тот человек, который умеет делать не то, что интересно или даже необходимо, но и сам видит, что еще можно сделать. Он принимает участие не только в делах отряда и дружины, но и города, и поселка. Ему

до всего есть дело. И не только, конечно, ему. Он за собой увлекает других. Умеет повести за собой на хорошее дело. И еще он в любую минуту придет на помощь, и все об этом знают и верят в него. А он умеет защитить товарища, отстоять свое мнение, свою позицию. Такого человека можно считать активистом.

Марина КУЗНЕЦОВА, город Алма-Ата. Был у нас один мальчик. Учился хорошо, с первого класса был отличником. Хорошо играл на пианино. Но наш класс не проявлял к нему никакого интереса. Потому что он смотрел на всех свысока. А еще у нас есть две девочки-близнецы. Они учатся похуже, чем этот мальчик. Но знают много, и их знания открыты для всех. (Не правда ли, как хорошо сказано: «ОТКРЫТЫ ДЛЯ ВСЕХ!».) Они всегда среди ребят и всегда умеют всех завести (ЗАВЕСТИ!). Они заводилы. И с ними весело. И КВН знают, как организовать, и вечер стихов, и конкурс интересных историй: прочтет кто-то хорошую книгу, съездит куда-нибудь с родителями или увидит что-то интересное в природе — всем рассказывает. Активист — тот, кто умеет сам быть активным и делится с другими своими знаниями и умениями. Но, главное, и других может научить делиться с товарищами всем, что у него есть.

ПРЕКРАСНЫЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ! ОНИ НЕ ТРЕБУЮТ КОММЕНТАРИЯ. МОЛОДЦЫ, РЕБЯТА!

ЕСТЬ ПРЕДЛОЖЕНИЕ!

ДАВАЙТЕ И МЫ, ВСЕ ВМЕСТЕ, на страницах раздела «Отряд говорит с отрядом» проведем КОНКУРС ИНТЕРЕСНЫХ ИСТОРИЙ, которые случались с нами или с нашими друзьями, которые нам приходилось наблюдать или слышать. ЖДЕМ ПИСЕМ. На конверте пишите: «ИНТЕРЕСНАЯ ИСТОРИЯ».

АКТИВНАЯ ЖИЗНЕННАЯ ПОЗИЦИЯ

Разговор на эту тему тоже не нов для читателей наших страничек «Отряд говорит с отрядом». Он продолжает размышление о том, кого считать активистом, и дополняет его.

Саша КЛЕВЦОВ, член пресс-центра «Родник», город Феодосия. Один раз произошел такой случай. Отряд должен был собрать макулатуру. Человек десять собирали, остальные отсиживались. Хотя все знали, что если отряд соберет больше, чем положено, то деньги перечислят в Фонд мира. А то, что от нас требовалось, сбережет живой лес, переработается на бумагу для наших же учебников. Человек с активной жизненной позицией не отсиживается. Это уважающий себя человек.

Кира ПОДЛИНЯЕВА, член пресс-центра «Родник», город Феодосия. Как-то была весна, лес был такой красивый. Я любовалась его красотой. И вдруг вижу: один человек вырезает на березе свое имя. Зачем он это делал? Просто так. Приносил вред. Ребята многие тоже просто так вырезают на деревьях, малюют на стенах домов, подъездов свои имена, делают разные рисунки. Надо научиться не проходить мимо. Человек с активной позицией умеет не проходить мимо.

Владимир ЕГОРОВ, город Воскресенск, Московская область. Активная жизненная позиция — это осмысленная позиция, которую человек избирает для себя сам. Он крепко стоит на своем пути к правде, и его убеждения нельзя сломить. Человеку интересны не свои только, порою мелкие дела, он заинтересован в жизни всей планеты.

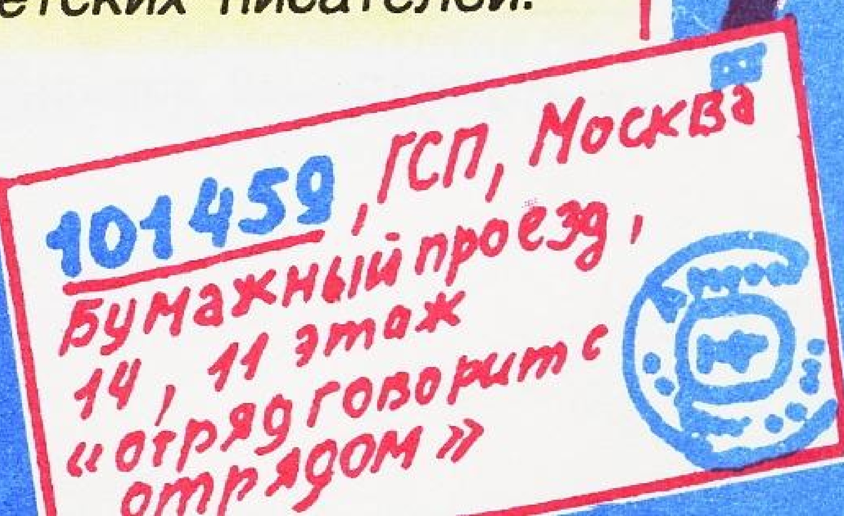
Он всегда готов помочь в беде товарищу, защитить слабого, но он не останется в стороне, если его помощь понадобится стране или делу мира. Я хотел бы всегда иметь активную жизненную позицию.

ЕЩЕ ОДИН КОНКУРС!

Участвует в нем тот, кто хочет и может рассказать о своем поступке или поступке товарища, когда удалось проявить активную жизненную позицию и завоевать уважение. Договорились?

На конверте просим писать: «ПОСТУПОК».

Лучшие письма будут опубликованы на страницах раздела «Отряд говорит с отрядом». Их авторы получат книги детских писателей.



Александр ЯКОВЛЕВ

КНИГИ

ПОВЕСТЬ

Рисунки А. ИВАШЕНЦЕВОЙ.

В школе с первого класса я сидел на задней парте, потому что был самым высоким. Как-то вдруг в классе третьем я заметил, что не разбираю того, что написано на доске. Я никому ничего не сказал, но мои скромные школьные успехи стали еще скромнее. Учительница упрекала меня в нерасторопности, медлительности и, наконец, в лени. А я не понимал, что со мною, почему я не могу быстро списать с доски задачи и упражнения, почему не вижу того, что видят все вокруг. Но ребята в нашем классе были хорошие, они мне все подсказывали к негодованию Веры Александровны.

Через год мама заметила, что я читаю, чуть не уткнувшись лицом в книгу, и отвела меня к врачу.

Пожилая грузинка-врач долго вертела мою голову под ярким светом лампы, а я вынужденно смотрел в упор на ее желтое, морщинистое лицо, с полоской черных усиков под носом. Наконец она опустила лампочку и повернулась к маме:

— Ну что ж, милая моя, близорукость, и сильная. Почему раньше не пришли? Теперь очки выпишу.

— Доктор,— спросила мама робко,— а отчего это у него?

— Читает, наверное, много. Много читаешь?— обратилась она ко мне.

— Да.

— Ну вот. Лежа читает, при плохом освещении читает — пожалуйте, результат. Помни,— снова повернулась она ко мне и погрозила пальцем,— читай меньше, гуляй на улице больше. Тогда и зрение улучшится, и дразнить не будут. Понял?

— Понял,— сказал я.— Большое спасибо.— И, мгновенно взвесив в уме, что важнее, решил, что читать меньше не буду.

Так в девять лет я вдруг осознал: книги — единственное, что меня интересует пока в этом мире. Лишь первое время я стеснялся очков, а потом перестал замечать их, как и прозвище «очкарик». Я был даже рад очкам, потому что глаза в них меньше уставали от чтения.

Это было безумное счастье — смотреть книги на длинных деревянных полках, листать их, находить вдруг пугающую или очень смешную строчку, перелистать книгу, заглянуть в конец, в начало, и потом, едва дождавшись, когда библиотекарь запишет название книги в формуляр, бежать домой. А дома забраться с ногами в кресло и читать. Первая моя библиотека — библиотека маминой поликлиники — вначале казалась мне огромной. Потом я увидел, что это всего лишь маленькая комната, заставленная высокими, до потолка, стеллажами, на которых в невероятной тесноте стоят книги: толстые и тонкие, с картинками и без, те, что мне читать можно, и «а это пока что рано». Но не умея выразить словами, я ощущал величие и огромность этой комнаты. В ней я нашел свой мир.

То есть второй свой мир. Первый мир — комната в большой коммунальной квартире с длинным коридором, по которому пятилетний Юрочка, сын наших соседей, катался на велосипеде. В большой кухне стояло девять столов, на кухонной двери — расписание очереди уборки квартиры.

В коридоре висел черный телефон, к которому чаще всех подходила Александра Яковлевна, жившая напротив и обладавшая большим терпением, так как всегда без раздражения стучала соседям в дверь: «Вас к телефону! Подойдете?»

Мир этот был уютный и добрый. Можно было прийти в гости к Софье Александровне. У нее на стене висел ковер, на пианино стояли две вазы из красного камня. Был телевизор, первый телевизор в нашей квартире. Иногда ее муж стучал нам в стену, это значило, что мне надо к ним бежать, по телевизору показывают что-то интересное.

Надежда Сергеевна часто пекла пироги и непременно оделяла меня куском пирога, еще жарким, от него шел вкусный дух только что пропеченного теста и запах капусты или мяса, или это был сладкий пирог, и так пахло, что слюнки текли.

Старая и ворчливая Слава Романовна, такая

* Журнальный вариант.

старая, что у нее уже борода начала расти, не любила шума, не любила выходить на кухню. Она сидела в своей узкой, затемненной тяжелыми шторами комнате и читала газету «Известия» и журнал «Здоровье» (а Софья Александровна выписывала «Огонек», в котором я любил смотреть картинки). Слава Романовна часто вела бесконечные длинные разговоры по телефону со своими знакомыми, вызывая справедливые нарекания других жильцов, которым тоже надо было звонить по телефону.

Читал я везде и всегда. День начинался с того, что, выпив кофе с молоком и дожевывая на ходу бутерброд с сыром, я совал в портфель книгу, недочитанную вчера, и бежал в школу. Я мог и не читать ее в школе (что было трудно), но расстаться с ней казалось невозможным.

И обыкновенно вскоре после начала урока я тихонько доставал книгу и быстро клал поверх учебника. И во время биологии, алгебры или физики можно было урвать немного страниц о капитане Немо или увлекательнейших приключениях сержанта Раска в Африке.

Бывало, что книгу замечали. Я вдруг видел рядом учительницу, которая под хихиканье ребят брала с парты книгу и говорила мне, слегка смущенному (ибо особого греха я в своем поступке не видел):

— Опять? Ведь таким путем ты из троечников не выберешься. Чтобы в последний раз это было!

А я не хотел выбираться из троечников (то есть хотел, но только для мамы), а больше всего я хотел, чтобы математика поскорее кончилась и мне вернули книгу, и я узнал бы, что будет дальше.

Что будет дальше? Этот вопрос мучил меня и гнал через страницы. Что за письмо? Поедет ли он? Кто тот незнакомец в широкополой шляпе? Найдет ли герой остров? Встретится ли с любимой? Кто придет к ним раньше, тот в шляпе или друзья?

Наконец все в порядке. Герой получил сокровище и невесту, злодей наказан. Можно закрыть книгу, вздохнуть с облегчением, посмотреть в окно, вымыть посуду («Сколько раз можно повторять? Оторвись ты от книги!»), сделать уроки.

Но на тумбочке лежит другая книга, не менее, а может, и более интересная. И я вновь открываю книгу.

— А ты уроки сделал?

— Конечно, мама.

Мама целые дни работала. Я целые дни читал.

Я не просил марки, велосипед, мячи. Я просил книги.

Ехал ли я в метро, сидел ли в сквере, со мной всегда была книга. Я все более переселялся в тот, второй свой мир, изредка выходя из него, когда было уж действительно необходимо.

Мне было хорошо в моем мире. Здесь я был умным, сильным, красивым и чувствовал себя если не на равных, то, во всяком случае, не чужим в компании искателей приключений, партизан Отечественной войны и ученых.

А вот в мире реальном я чувствовал себя неуютно. Меня того — умного, сильного, красивого — не замечали. Все видели обыкновенного худого мальчика в очках, неловкого и застенчивого. Но ведь это был не я!

Я любил книги про войну. Их было в то время много, и почти все были для меня интересны. И у нас дома, в тумбочке, я нашел одну — «В Смоленских лесах» Линькова. Дело в том, что и сама война была еще где-то рядом.

Обычным было, когда безногие инвалиды на тележках катили по улице. Мама еще хранила «американские» платья, присланные в войну из далекой, пугающей Америки. В особом ящике буфета с документами и облигациями займов лежала бабушкина медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне».

По праздникам собирались родственники, и после того, как были съедены весь винегрет и колбаса, женщины начинали громко петь «Катюшу» или «Каким ты был, таким ты и остался», а мужчины выходили на кухню покурить. Сидя на табуретках между тесно стоящими столами и плитами, они дымили папиросами, дым вился вверх, к развешенным под потолком для просушки простыням и рубашкам. Мужчины курили и иногда вспоминали войну.

Вслед за ними я вылезал из-за стола и спешил на кухню, чтобы послушать рассказы о том, как они бежали в атаку, переправлялись через реки, ели липовую кору...

Но они и не думали говорить о войне. Они ерошили мне волосы и говорили: «Иди, иди к маме. И скажи, чтоб чай накрывали». Я бежал в комнату и думал, что, наверно, и мой отец воевал. Отца я не знал совсем, спросить у мамы стеснялся, но очень хотелось верить, что он такой же сильный, добрый и воевал на войне.

Во дворе мы не уставали играть в войну, мы были поочередно летчиками, танкистами, пехотинцами, партизанами. Мы сбивали «мессершмитты» и «хейнкели», поджигали «тигры» и «фердинанды», и пускали под откос вражеские эшелоны.

И тут в моей жизни произошло значительное событие. Я был принят в компанию Васьки Новикова. И только потому, что с самим Васькой был давно и хорошо знаком, иначе бы меня, слабака и очкарика, туда не взяли. Мальчишки в компании были крепкие, ловкие, смелые. Книг они не читали, но с ними я ощущал себя героем многих романов сразу.

В компании было несколько паролей, по которым все собирались в разных местах — за школой, во дворе дома номер два по Боброву переулку, под голубятней или на чердаке нашего дома, там бывали самые важные встречи. Ради этих встреч я забывал и про книги.

Игры наши состояли из сумасшедшей беготни по переулкам и запутанным проходным дворам, короткого обмена паролем и встреч на чердаке, где всегда немножко дух захватывало от таинственной пустынности его пространства. Там было пыльно, паутина и песок. Когда все собирались, Васька вел нас к двери, обитой войлоком так давно, что шляпки ржавых гвоздей можно было отковырять руками, открывал большой висячий замок (никто не знал, откуда у него ключ), и мы выходили в башенку на крыше. Стекол там не было, мы толпились у окна, с восторгом разглядывая бульвар, машины и людей далеко внизу. А еще были видны шпили высотных домов на Комсомольской площади и на Котельнической набережной и совсем рядом узорная луковка церкви архангела Гавриила. Нам никогда не надоедало рассматривать все это, потому что весной и осенью, или зимой, при солнце или когда шел дождь, все наши улицы, переулки, дома выглядели совсем по-разному. Однажды мы смотрели из башенки салют!

Встречаясь вечером во дворе, мы садились между высокими воротами и «Победой» Сергея Николаевича из семьдесят шестой квартиры, так что нас сразу было и не заметить, и разговаривали о разном. Тут мне представлялась возможность отли-

читься. Самый большой успех имел рассказ о капитане Бладе. Иногда мы пели песни, и самая наша любимая была: «В Джорджтаунском порту С какао на борту «Жанетта» поправляла такелаж...» Эта песня приносила в наш обычный московский переулок соленый воздух морских кораблей, везущих какао, хлопок и шерсть из далекой Австралии в дымный Лондон. И каждый представлял себя угрюмым Гарри...

Все это разом было прервано.

Однажды вечером, когда я прибежал домой и, на ходу стаскивая свитер, закричал: «Мама, я есть хочу!», она не сказала как обычно: «Скорей раздевайся, гулена»,— а промолчала. Я стащил с головы свитер и увидел, что она сидит, сжав губы, и смотрит на меня. Мне стало тревожно.

— Алик, скажи мне, где ты сейчас был?

— Гулял.

— С кем гулял?

— С ребятами. Васька Новиков был, Петька и еще, ты их не знаешь.

— Зачем ты водишься с этой шпаной!.. Васька Новиков! Да ты знаешь, что он уже на примете у милиции, твой Новиков! Вчера соседка видела, как вы курили и пели дурацкие песни. Как тебе не стыдно! Мать из сил выбивается, с утра до вечера работает, чтобы тебя одеть, накормить, а тут... В общем, так: больше ты с Новиковым гулять не будешь! Недаром его из вашей школы выгнали! Теперь придешь из школы — садись за уроки. Выучил — возьми книгу, читай. А я приду с работы, тогда будем гулять...

Я не мог опомниться от несправедливости этого бурного обвинения. Я только набирал воздуха, чтобы возразить, но поток маминого гнева трудно было остановить. Едва она умолкла, я попытался оправдаться:

— Мамочка! Но я не курил!.. А выгнали Новикова неправильно... И зачем ты слушаешь соседку, она же ничего не понимает. И потом она врет, я не курил!

— Я сама знаю, кто врет, а кто нет. А вот сейчас по твоим глазам вижу, что ты мне говоришь неправду. Как тебе не стыдно!..

— И песни мы пели не дурацкие...— робко продолжал я.

— Все! Разговор окончен! Не сметь больше видеться с этим Новиковым!

Как я плакал тогда, как умолял ее разрешить выходить во двор. Все напрасно.

Когда приходила баба Глаша, мама спешила ставить чайник и немедленно выкладывала на стол все, что было вкусного в доме. И, наконец, она покорно ожидала неизменных поучений и замечаний.

И я снова стал сидеть дома. Поначалу даже читать хотелось не очень, но постепенно таинственные острова, капитаны и приключения завладели мной. Я взял в библиотеке Жюля Верна.

Несколько раз в год к нам в гости приходила баба Глаша, мамина родственница. Приносила в подарок пачку вафель и триста граммов лимонной карамели.

И на этот раз, войдя в комнату, баба Глаша, как всегда, неторопливо сняла пальто, спустила на плечи большой черный платок и, пригладив седые масляные волосы, собранные на затылке в узел, прочно села на стул возле буфета. С этого стула она вставала только для того, чтобы уйти.

— Ну, родные мои,— говорила баба Глаша твердым, но ласковым голосом,— как живете? — А сама осматривала сначала мать, потом меня, потом комнату.

Мама ужасно суетилась с ее приходом. Она беспокоилась, все ли чисто у нас, и старалась незаметно стереть пыль с буфета, хотя баба Глаша на буфет даже и не смотрела. Мама спешила поставить чайник и немедленно выкладывала на стол все, что было вкусного в доме. И наконец, она покорно ожидала неизменных замечаний и поучений.

— ...Что медсестрой в «помощи на дому» ездишь, хорошо. Чай, все трояк или что там сунут в благодарность. Это хорошо. Клавка вон мается в своей конторе, а куда идти, не знает. Привет тебе от нее и Василия... Платье, гляжу, новое купила. Ничего. А пояс лакированный зачем? Сколько стоит? Два восемьдесят? Зачем же такие деньги на такое барахло? Ты что, большие тыщи получаешь? Так все деньги профукаешь на пояса да на брошки... Книжку-то вон твой читает, небось купила?.. Библиотечная? Ну ладно... А ты не слушай, не слушай, как я мать учу. С тобой я после говорить буду...

А я и не слушал, с головой погружаясь в книгу.

— Что читаешь-то?

— Жюля Верна.

Баба Глаша совсем не разбиралась в книгах, и мне не хотелось рассказывать ей, что читаю, хотя обычно я любил пересказывать прочитанное.

Лицо у тетки большое и как будто вылепленное из сдобного теста. Глаза темные и пронзительные, я боялся в них смотреть.

— Это в школе, что ли, задали?

— Нет. Просто интересная книга.

— Ты погляди на него! Парню всего одиннадцать лет, а он уже в очках ходит и все читает... Зачем шоколад купила? Мотаешь деньги! Ты ему лучше моркови покупай, для глаз полезно. ...Мне вот шестьдесят восемь стукнуло, а до сих пор без очков хожу. Что надо, все вижу.

— Баба Глаша, может, вы сейчас поговорите с Аликом?— вдруг сказала мама.

— А, ну да... Нет, больше не буду, напилась.

Она всегда так говорила после второй чашки, и мама всегда ее уговаривала выпить еще чашку.— Ну, ладно, налей последнюю. Покрепче, покрепче... Так вот, Алик, ты уже большой. Должен понимать, что матери одной тебя растить трудно...

Я молча смотрел на нее. И когда только она уйдет!

— ...Она целые дни работает, а ты один.

— Ну и что?

— Как «ну и что»? Свяжешься с фулюганами, курить начнешь. Это дело обычное. Мне мать уже все рассказала. Так вот, я договорилась, и тебя возьмут в интернат. Там тебе будет хорошо, а матери большое облегчение. Ей тоже надо жизнь устраивать, молодая еще. Понимаешь?

Ошеломленный новостью, я лишь послушно кивнул головой.

А в понедельник утром мама отвезла меня в интернат.

Он находился неподалеку от Преображенского рынка в большом сером здании. И все там было какое-то серое. В спальнях серо-зеленые одеяла, в столовой — невзрачная серая горка каши на серой тарелке, в классах парты — не черно-коричневые, как у нас в школе, а серо-белые.

Ребята в интернате казались не то слишком тихие, не то забитые. Посматривали на меня с любопытством, но никто не подошел.

Мы посидели с мамой в коридоре, ожидая директора. А потом посмотрели друг на друга и...

Я вернулся в свою школу.

И опять, в точном соответствии с расписанием, чередовались алгебра и физкультура, русский язык и физика, биология и труд. Но как хорошо было по утрам говорить «Привет!» Вовке Резникову, играть на переменках в «морской бой» с Гришей Амираджиби, даже слушать надоедливую Любку Бычихину.

Но, как и раньше, после школы я дни напролет просиживал дома.

Соседи наши не менялись. Все так же Надежда Сергеевна угощала меня горячими пирогами, все так же Слава Романовна не уставала ворчать: «Алик, ну разве можно так топать! Ты ужасно громко топаешь!»

Софья Александровна очень одобряла то, что я много читаю. От нее я впервые услышал: «Вот станешь большим и прочитаешь «Войну и мир».

И я представлял, какой это будет для меня важный этап в жизни — прочитать «Войну и мир». По рассказам Софьи Александровны, которая говорила, что читает лишь «мир», а «войну» всегда пропускает, я представлял себе большую книгу, в которой чередуются части разного цвета: синие — мир, а красные — война.

Ровное течение моей жизни было потревожено событием, которое произошло во втором мире. Внешнее течение жизни не нарушилось, никто ничего не заметил, но сам я понимал его значение, чувствовал что-то новое в себе.

Событие это — космос. Я вдруг обнаружил, что живу не на земле, в чем был ранее твердо уверен, а в космосе.

«Аэлита» была одной из первых прочитанных мною книг, но космос книжный и реальный никак не связывались у меня. После первого искусственного спутника полетели спутники с собаками Белкой и Стрелкой. Это было страшно интересно, но немного обидно. Я населил Луну и Венеру и Марс разными человечками, они там жили, и вдруг — собаки, дворняжки. Собаки и человечки не совмещались, и я с грустью расстался с мыслью о населенных планетах.

А спутники тогда всех интересовали. «Вечерка» печатала объявления, что такого-то числа, в такое-то время над Москвой будет виден пролетающий спутник. И вот жители нашей квартиры — Ефим Натанович, муж Софьи Александровны, я, дядя Боря с маленьким Юрочкой, который пищал: «Я тоже хочу спутник»,— мы выходили на Сретенский бульвар.

Выходили обыкновенно минут за десять до назначенного срока, но на бульваре уже стоял народ, толпившийся вокруг какого-нибудь громко вещав-

шего пенсионера. И, конечно, за две-три минуты до назначенного времени кто-нибудь поднимал панику: «Летит!» Знающие люди авторитетно объясняли, что это летит всего лишь самолет. Но вот наконец все, и знающие люди тоже, поднимали головы, приставляли к глазам бинокли и подзорные трубы (их было две на весь бульвар. Как мне хотелось в них посмотреть!) и замолкали. «Вот он! Летит!» — восклицал кто-нибудь, и поднимался гомон: «Летит! Спутник! Смотри, смотри, вон он!»

В первый раз я не мог поверить, что можно увидеть космический аппарат, просто стоя на Сретенском бульваре. Я признавал многие чудеса, но в это поверить никак не мог. И потому, выйдя впервые на бульвар, я пристроился к одному высокому дядечке (наша квартира, увы, была лишена биноклей), у которого на шее висел здоровенный «морской» бинокль. Мальчишек шныряло немало, и я подумал, что, пожалуй, если все они попросят посмотреть в бинокль, то мне времени уже не останется. Не будет же спутник висеть над бульваром полчаса. Я покрутился вокруг облюбованного мною дядечки и, решившись, тронул его за брючину: «Дяденька...» «Чего тебе?» «Когда будет спутник, дайте мне, пожалуйста, посмотреть в ваш бинокль». Он щелкнул меня по лбу, что я покорно стерпел, и сказал: «Дам. Тебе первому дам». Но ничего я в этот бинокль не увидел. Что-то туманное и фиолетовое. А когда я отдал бинокль толкающему меня в плечо мальчишке и, надев очки, поднял голову, то увидел далеко вверху быстро летящую яркую звездочку. Это и был спутник.

С того времени, услышав по радио голос Левитана: «Внимание. Внимание. Работают все радиостанции Советского Союза...», — я уже знал, что наши запустили еще один спутник. Я садился у репродуктора и внимательно слушал до конца сообщение ТАСС. Потом спутники стали привычными, но все ахнули, когда полетел Гагарин. Что творилось на улицах! Музыка, все веселые, радостные, толпы вокруг автомашин, из радиоприемников которых разносятся всем уже известные, но все-таки необыкновенные слова о полете человека в космос. Да, Гагарин — это было посильнее «Аэлиты».

Я любил наш дом, улицы, переулки, бульвар. После дождя на бульваре стоял запах белых цветков табака, а еще пахли земля, трава, листья. Удивительно хорошо и немного тревожно становилось на душе в эти минуты. Отчего?

— О чем ты думаешь, Алик? — Мама оторвалась от мясорубки и поправила фарш, вываливающийся из тарелки.

— Так. Ни о чем.

Это неправда. Но сказать, о чем я задумался, я не умел. И, чтобы мама больше не приставала, я открыл тумбочку и вытащил оттуда почти всю нашу библиотеку. «Акушерство», «История СССР», «Анна Каренина». Я начал ее читать, но уже первые фразы не понравились, что-то тягучее. «Детство. В людях. Мои университеты» отложил после «Детства», такая серая, невеселая жизнь вставала на шероховатых желтых страницах книги. А другую книгу, всегда стоявшую в глубине, я как открыл, так и зачитался. Читал вначале, сидя на корточках возле тумбочки, потом меня окликнула мама, и я пересел на кресло к окну и листал, и читал книгу до сумерек, пока строчки не стали сливаться. Мама пришла с работы, зажгла свет и удивленно посмотрела на меня: «Все читаешь?»

Это была антология «Русские поэты XIX века», первый том.

Я знал, конечно, что Пушкин, великий поэт, что есть Некрасов («Дед Мазай и зайцы») и Маяковский («Что такое хорошо и что такое плохо» и по радио: «Я гражданин Советского Союза»). Но в тот день я открыл в своей второй стране океан поэзии.

Дома я не расставался с этой книгой. Первое время читал стихотворения, наугад открывая страницы, потом стал перечитывать те, что особенно нравились, и оказалось, что больше всего мне нравятся стихи Лермонтова.

Певучий «Парус» я сразу выучил наизусть. Меня пленили удивительная, светлая печаль этого стихотворения и гордая уверенность в будущей победе. «Бородино» и «Песню про купца Калашникова» я узнал и полюбил задолго до того, как мы начали проходить их на уроках литературы.

Не меньше, а может, и больше стихов меня захватила биография Лермонтова. Я примерял ее к себе, и лермонтовские одиночество и готовность любить оказывались моими. Я достал в библиотеке книги о детстве Лермонтова и роман Сизова, книжку Андроникова о лермонтовских рукописях, прочитал все их по нескольку раз, и далекий поэт стал вдруг необыкновенно близок и понятен.

Конечно, Лермонтов был самый лучший поэт. Я был уверен, что об этом знают не многие, но таил в себе эти мысли. Это было настолько мое, кровное, что нельзя было сказать словами.

Как часто силой мысли в краткий час
Я жил века и жизнию иной,
И о земле позабывал. Не раз,
Встревоженный печальною мечтой,
Я плакал; но все образы мои,
Предметы мнимой злобы иль любви,
Не походили на существ земных.
О нет! Все было ад иль небо в них.

Но «Героя нашего времени» я все откладывал. Мне так нравились стихи Лермонтова, что я боялся читать его роман, боялся, что он понравится мне меньше.

Летом мама отправила меня в пионерский лагерь под Звенигород. По приезде в лагерь, я дал себе слово, что вот теперь-то займусь спортом. Но, начав вместе с другими играть в баскетбол или прыгать в длину, я обнаруживал, что играю и прыгаю хуже всех мальчишек. И все это видели. Было стыдно, но, кроме стыда, во мне зрело убеждение, что физкультурные неудачи — это мой естественный недостаток, такая же моя принадлежность, как очки. В глубине же души я был уверен: стоит только мне захотеть и я буду играть лучше всех и прыгать дальше всех. Конечно, не так, как Боб Матвеев из первого отряда, но немногим уступая ему.

Как бы то ни было, спортом я так и не занялся и старался относиться ко всем спортивным мероприятиям со снисходительным пренебрежением, так как там на глазах у всех я неизменно сходил с вершины, на которой себя видел.

Жизнь и так была нескучная. После завтрака отряд шел на речку или в далекий Сальковский лес. Раза три-четыре ездили помогать в колхоз. После обеда и «мертвого», совершенно пропащего часа можно было вволю читать.

Между тем в моем мире жить становилось все труднее. Мучил рассказ, прочитанный год назад в сборнике зарубежной фантастики. Он пришел на память, когда после отбоя я ожидал своей очереди рассказать какую-нибудь историю. Я вспомнил его, но пересказать ребятам не смог.

Вот о чем он. Однажды один человек вдруг не

пошел, как всегда, на службу по асфальтовой дороге, а отправился, сам не зная почему, по узкой тропинке куда-то вдаль. Он долго шел и внезапно увидел, что впереди ничего нет. Небо, деревья, трава, тропинка — все позади, а впереди ничего — пустота. И вдруг огромная рука осторожно взяла его, и он услышал голос, сказавший с укоризной: «Зачем же ты пошел по тропинке? Вернись домой и никому не говори о том, что видел». Человек вернулся домой и повесился.

Рассказ этот произвел на меня оглушающее впечатление и вызвал обвал чувств и мыслей, с которыми я долго не мог справиться. Прежде всего поражала сама унизительная возможность того, что я и весь мир вокруг — всего лишь лаборатория для кого-то. Нет, этого быть не может, решил я. Но тут же подумал, что да, может. И это требует выбора: либо покорно подчиниться потоку обыденности, с ее буднями и согревающими сердце праздниками, с ее установившимся порядком, где мое место определено («очкарик, который все читает»), либо постараться найти ту тропинку, которая приведет меня к познанию правды жизни.

Я не чувствовал в себе сил на то, чтобы выбрать второе, чтобы жить, зная, что все прожитые тобой годы и все, что тебе отведено прожить, все мысли, мечты, чувства, все твои дела, любовь, вся жизнь твоя и твоих детей и детей твоих детей, все это — лишь миг, лишь мгновение поставленного кем-то опыта, который этот кто-то может и прервать...

Лежа ночью в кровати, я холодел от этих мыслей, закрывался с головой одеялом, но не мог заснуть. Но я уже знал, что есть выбор и, если я стану сильным, то смогу избрать второе.

Громкая и бурная жизнь вокруг отвлекала меня от раздумий. В живой уголок привезли обезьяну. Наш отряд готовился к КВНу с первым отрядом. С легкой руки Миши Ковальчука мальчишки нашего отряда начали спорить по самым разным причинам на полдники, и многие уже проспорили полдники до конца смены. Старший вожатый Максим устроил трехдневный поход для первого и нашего отрядов. Это было страшно интересно, потому что мы зашли в такие дебри, что видели лису и лося, а на второй день набрели на поляну, сплошь усыпанную земляникой, так что все пятьдесят три человека как сели на траву, так и стали есть ярко-красные ягоды. Вообще-то здорово устали к концу, но было удивительно, особенно в ту ночь, когда все ходили купаться на реку, потом вернулись и забрались в палатки. Там пахло лапником и жидкостью от комаров. Я не пошел спать, а остался с вожатым первого отряда Толей у костра. Он рассказывал про Камчатку, про звезды, а еще там была Наташа... А потом какая-то ночная птичка села неподалеку от костра, и мы с ней долго пересвистывались. Потом выпала роса, и Толя отправил нас спать.

Я не мог поверить,
что можно увидеть космический аппарат,
просто стоя на Сретенском бульваре.

Наконец я взял тоненькую книжку, на обложке фигура офицера в сюртуке на фоне гор. Во время очередных футбольных битв нашего отряда с соседними, сидя на краю футбольного поля, начал читать и зачитался.

Одиночество, гордое одиночество Печорина, его нежность и страстное желание любить я почувствовал, понял. Но более всего мне понравилось властолюбие Печорина, его естественное превосходство над другими людьми. В этом я ощутил неожиданное сходство с ним. Примерно так же, как относился Печорин к обществу на водах, я относился к своим товарищам по пионерскому отряду № 2.

После романа Лермонтова я ничего больше не мог читать. Мне все казалось либо скучным, либо наивным, либо таким далеким от меня... в общем, все было не то. И теперь свободное время я проводил в зарослях сирени за домиком медсестер, а когда там ложились загорать медсестры, уходил к ограде лагеря, за живой уголок. Я садился, чтобы видеть поле за забором, и опять перечитывал полюбившуюся мне часть романа — «Княжну Мэри». А потом, когда я уже все помнил и читать стало неинтересно, ложился в траву, клал рядом книжку и мечтал. И я был Печориным или Лермонтовым. Только не на Кавказе, а здесь, возле Звенигорода. Я гулял с княжной Мэри по солнечной березовой роще, срывая для нее бледно-фиолетовые лесные колокольчики с росинкой внутри и ранние орехи в зарослях орешника на спуске к реке. Я охотился в дальнем Сальковском лесу и, опустившись на мох, смотрел, как суетятся муравьи на гнилом еловом пеньке и как заползают они на ствол ружья, которое я прислонил к пеньку. Это я стрелялся с

Грушницким у стен Саввино-Сторожевского монастыря и видел, как его тело упало с высокого обрыва на берег Москвы-реки.

Так я жил в своем мире, лишь изредка выходя из него, чтобы принять участие в самом необходимом — утреннем построении, зарядке, походах в столовую четыре раза в день и разных мероприятиях.

Надо сказать, что в отряде в первые же дни я завоевал некоторый авторитет тем, что вечером после отбоя рассказывал разные приключения. Начали по очереди, каждый рассказывал, что помнил, а поскольку я помнил много и рассказывал интересно, на мне очередь остановилась. После «Лунного камня», который я уложил в три вечера, я приступил к изложению Сименона. «Цену головы» я читал давно и помнил лишь основную канву. Недолго думая, я начал сочинять сам, импровизируя с ходу, и получалось неплохо. Сименона я рассказывал тоже три вечера, и их слушал даже вожатый Володя.

Благодаря своим вечерним историям я получил уважение ребят, но, к сожалению, не всех. Меня слушала лишь половина мальчишек, те, что спали в комнате нашего дома. А другая половина спала на веранде. Компания, сколотившаяся на веранде, была боевая, самостоятельная, нас они не признавали. Они вообще мало кого признавали, но ко мне относились особенно недоброжелательно. Я платил тем же, называя их про себя мартышками. Вражда наша медленно закипала и, наконец, забурлила открыто.

Я был дежурным по отряду и, следя за чистотой и порядком, сделал замечание Валерке Коптеву, он намусорил возле кровати. Валерка был маленького роста, но страшно задиристый. Он мне что-то не то ответил, я что-то не то ему сказал, он назвал меня очкариком, я в ответ шлепнул его по затылку. «Ну ладно,— пригрозил он мне,— будет тебе бенц».

В тот день на всех построениях мне кто-то давал щелбан сзади, а когда я оборачивался, у всех были абсолютно невинные рожи. Только девочки хихикали. Это было страшно унизительно, но ничего поделать с этим я не мог, оставалось терпеть. Не жаловаться же Володе.

Я вспомнил Печорина. Я подумал, кто я и кто они? Я — это я, они — мартышки! И, видя ехидные улыбки на лицах Толика, Жорки, Мишки Курканцева и всей их компании, я стал усмехаться им в ответ. В тот день за обедом в меня бросили половиной котлеты. Я успел заметить, что бросил Жорка, толстый, грубый парень. «Идиот,— громко сказал я.— Жирная мартышка». Тишина воцарилась за столами нашего отряда.

— Скорее доедайте, ребята,— торопил нас Володя.— А то на «мертвый час» опоздаем.

Отряд поел, вошел в дом, лег. Ребята спали или тихо болтали, мой сосед Миша Ковальчук слушал свой самодельный транзисторный приемник, а я, сжавшись под простыней, все думал, что же будет. Что что-то будет, я не сомневался. Я знал, что «мартышку» они мне не простят. Ворочаясь с боку

Я не пошел спать, а остался с вожатым первого отряда Толей у костра...

на бок, я соображал, что, конечно, можно подойти к Толику, их вожаку. Он был высокий, симпатичный, очень сильный. Он был совсем не глупый, не то что Жорка. Мне очень хотелось с ним подружиться, но он меня не признавал. Можно подойти, как-нибудь подлизаться, и они меня не тронут.

Но тут же я понимал, что я-то им всего не прощу. Меня начинало колотить, когда я представлял их четверых, ненавидящих меня. И появись сейчас лучник Карла IX и спроси меня, как он спрашивал героя Вальтера Скотта: «Они?»,— я ответил бы: «Они!» И все. Надежнее было бы, конечно, использовать гиперболоид, у Гарина ведь был ручной гиперболоид. И лишь только Жорка или Валерка подошли бы ко мне, я бы небрежно достал из кармана гиперболоид и... не знаю, что бы они делали. Их унижения я не хотел. Я хотел заставить их уважать себя.

После полдника было «кружковое время». Юннаты пошли к кроликам и черепахам в живой уголок, юные техники — паять свои хриплые приемники, певцы и танцоры — в клуб, готовиться к концерту на закрытии лагеря, в общем, кто куда. Я направился с книжкой к сирени.

Едва я сел, как из-за кустов вышли они. Толик, Жорка, Мишка и Валерка.

— Ну что, очкарик, все читаешь,— начал Толик. Он говорил без злобы, и мелькнула мысль, что, может, ничего и не будет.

— Глазки побереги,— нарочно тоненько пропищал Валерка.

— Ну, кто мартышка?— выступил вперед Жорка.— Ну, повтори, повтори! Ну?

В груди у меня все заледенело. Но ненависть к тому тупому, что я видел в Жорке, опьянила меня. Я встал и, стараясь изобразить презрительную улыбку, сказал ему в лицо:

— Ты. Ты мартышка, идиот, болван...

Жорка сильно толкнул меня в грудь, и я упал, так как Валерка стал у меня за спиной на корточки. И они меня побили.

Было не больно, но обидно — страшно. И я никак не мог понять, почему, за что. То есть и понимал, и не понимал.

Не все в отряде знали, что было, а те, что знали, молчали. И я молчал. Ожесточение, возникшее в моей душе в тот вечер в кустах сирени, постепенно сошло. Но в эти заросли я больше не мог заходить.

Сидя на краю футбольного поля, я вновь перечитывал «Героя нашего времени» и все пытался понять, как же стать настоящим, сильным человеком. Может быть, нужно только найти такую книгу, в которой бы говорилось о самом-самом главном, о том секрете, зная который жить на свете легче легкого. А мне пока не везет.

В то лето в лагере я подружился с Кириллом. В третьей смене он спал на той же кровати, что и Миша Ковальчук, оба мы оказались неважными спортсменами, Кирилл — неуклюж, я — медлителен и неловок, и в ходе футбольных битв нашего отряда неизменно сидели на скамейке возле поля; наконец Кирилл как-то рассказал мне, что у него дома очень много книг, есть и иностранные про художников, с большими цветными иллюстрациями. Но я поразился, узнав, что его отец пишет книги. Оказалось, он доктор наук и пишет учебники по английскому языку. Таких людей я еще не знал.

Мы договорились встретиться в Москве.

ПРОДОЛЖЕНИЕ
В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ.

XII·МОСКВА·1985

Про мир и дом, где мы живем

Так называется необычная книга, которая вышла в дни XII Всемирного фестиваля молодежи и студентов. Почему необычная? Потому что это книга-письмо и оформлена она как письмо. Кто же написал эту книгу? Написали ее ребята из 15 союзных республик нашей страны. Не всем удалось побывать на Всемирной встрече молодежи в нашей столице, но каждый хотел сказать самое заветное зарубежным гостям и делегатам молодежного форума. Письма приходили в «Пионерскую правду», журналы «Пионер» и «Костер», во все республиканские газеты и журналы. Журналистка «Пионерской правды» Ирина Михайловна Земская просмотрела десятки тысяч ваших писем и отобрала для книги самые интересные, а Наталья Николаевна Красильникова, которая занималась международной выставкой детских рисунков «Я вижу мир»,— яркие и красочные рисунки.

Получилась увлекательная книга. Книга, в которой вы сами рассказали о нашей Родине — городах больших и малых, об аулах и кишлаках, поделились с зарубежными гостями своими мыслями о мире. Пригласили поиграть в любимые игры. В книге много ваших стихов. Вот какое стихотворение прислал для этой книги Гриша Дулькин из Рязани:

— Мистер Рейган, вы скажите:
Для чего войны хотите?
Может, нужен вам весь мир
И любимый мой зефир?
Кубик-рубик нужен вам?
Хоть сейчас его отдам!
Может, плачете без клюшки?
Заберите все игрушки,
Мишку, книжку, карандаш —
Только мир не троньте наш!
Мир так дорог на планете,
Нужен взрослым он и детям.

Книжку-письмо выпустило для вас издательство «Молодая гвардия».

Здравствуй, отряд!

Беседы с третьеклассником Алешкой

Продолжение. Начало в № 9.

ЗВЕНО

Обычно пионерский отряд создается из учеников одного класса. Не всегда, но чаще всего именно так. Тут уж товарищей выбирать не приходится, они твои одноклассники.

А вот звено — это другое дело. Здесь можно собраться тем, кто друг другу больше нравится. Хорошо, когда в одном звене оказываются давние друзья. Хорошо, когда вместе те, у кого одинаковые увлечения.

Сами ребята должны решать, кто в каком звене будет. Кому с кем интересно. Потому что звено — это такая частичка пионерской организации, где ребята каждый день вместе. Вместе модель мастерят, вместе идут помогать ветерану войны, вместе малышам снежную горку строят... Вместе в кино бегут или сидят у кого-нибудь дома и читают вслух хорошую книжку.

Конечно, кто-нибудь может возразить:

— А у нас не так. Нам вожатая Галя из восьмого «А» велела, чтобы в каждом звене было поровну мальчиков и девочек...

— А нам сказали, что на звенья надо делиться по рядам, кто где сидит...

Неправильно вам сказали. Соединяйтесь в пионерские звенья, кто как хочет. Может быть, не сразу это получится, будут споры и шум. Мы это по себе знаем. Когда нам приходится разбиваться на звенья — экипажи парусных яхт, тоже сперва крик стоит на сборе. Один раз даже записали такой сбор на магнитофон, а через несколько дней прокрутили. Вот смеху было! Зато потом никто уже не жаловался. Потому что, если звено собралось удачное, по желанию и дружеским связям, любое дело в нем пойдет хорошо: и на субботнике работать станут дружно, и стенгазету выпускать, и... да мало ли дел у звена! И все надо делать так, чтобы от других звеньев не отстать, а еще лучше, обогнать их.

Потому что в отряде между звеньями всегда есть соревнование.

СОРЕВНОВАНИЕ

Каждому звену хочется быть в отряде первым. Хочется больше других собрать макулатуры и железного лома, хочется придумать какое-то дело поинтереснее, чем у других. Победить в отрядной спартакиаде тоже хочется. И быть первым в учебе. (Хотя если только в учебе, то что это за звено.)

Будут, наверно, и у третьеклассников, Алешкиных товарищей, такие соревнования. Только послушай, Алешка, вот что. Не всякая победа в соревновании хороша.

...В прошлом году в дни парусной регаты флотилии «Каравелла» свистел штормовой ветер. Девять яхт мчались по озеру среди пены и брызг. Изо всех сил тянули шкоты матросы. Изо всех сил вцепились в румпели капитаны. И вдруг румпель у капитана Саньки на яхте «Полюс» хрустнул и обломился. Вильнула яхта и легла парусами на волны. И экипаж в воде. При таком штормяге маленьким матросам яхту не выпрямить и руль не починить.

Издалека помчался к терпящим бедствие дежурный катер. Но еще раньше свернули с дистанции к «Полюсу» две ближние яхты.

— Эй, Санька, что у вас?

— Давайте к нам на борт, а «Полюс» мы на буксир!

Могли бы мчаться к финишу, могли выиграть гонку, а «Полюсом» пусть займутся спасатели. Но вдруг спасатели запоздают? Кому нужна победа, если у товарищей беда?

...Ну ладно, это случай редкий. А вот другой, попроще. Собирают ребята металлолом, тащит звено добычу — старые кровати, тяжелые дырявые корыта, кусок ржавого рельса. И вдруг видят: другое звено пытается выдернуть из земли непонятную громоздкую железяку.

— Эй, ребята, помогите!

Конечно, можно крикнуть: «Сами выкапывайте, это ваша добыча! У нас соревнование!» Можно дотащить до школьного двора свой металл и радостно завопить: «Ура, мы первые! У нас больше всех!»

Что, не крикнете? Остановитесь и возьметесь за железяку: «Тянем-потянем...»? Наверно, так и будет. Вы же понимаете, что победа в соревновании — это замечательно, но все же она не самое главное.

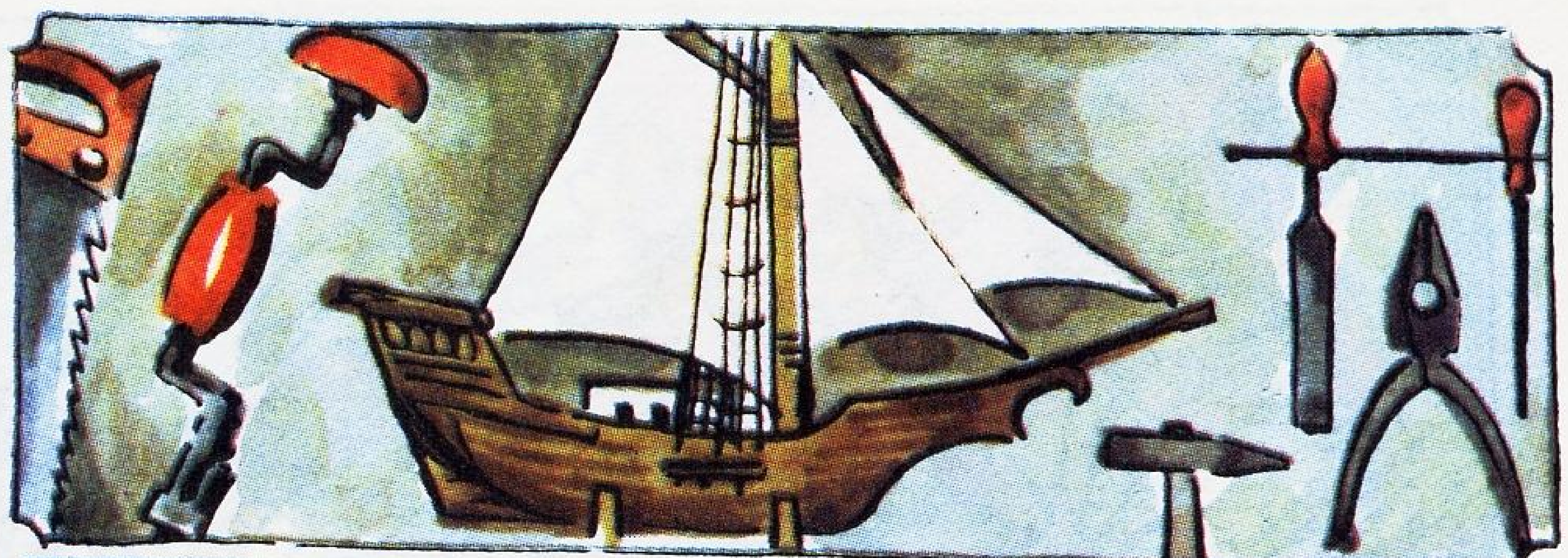
А главное — чтобы для мартенов было как можно больше сырья. Неважно в конце концов, чье звено или чей отряд собрал лишнюю тонну. Важно, что все вместе собрали много.

Хотя, конечно, победителем быть приятно. Заслуженной победой всегда можно гордиться. Только победа должна быть совершенно честной. Чтобы не пострадала ничья честь.

ЧЕСТЬ

Человек, у которого есть честь, никогда не пройдет равнодушно мимо несправедливости...

Андрюша Нахратов.
Заметка в стенгазете «Барабанщики».



Однажды мы прочитали в газете, как в какую-то школьную команду для соревнований «Золотая шайба» записали несколько ребят из другой школы. Потому что они были спортсмены хорошие. Дело это обнаружилось, и, конечно, команду с соревнований выставили.

— Во, бестолковый народ! — очень удивился наш редактор стенгазеты Максимка.— Куда смотрели-то?

— Кто?

— Да все остальные ребята! Они же знали, что к ним чужих записывают!

Кто-то из новичков заступился:

— Они не виноваты. Они о чести школы заботились.

Ох и шум поднялся! Бедный новичок только моргал и головой крутил. А когда шум приутих, Максимка пренебрежительно сморщил нос и сказал:

— О «чести»! Какая же здесь честь, если обман? Честь надо **честно** зарабатывать, эти слова похожие, от одного корня.

И в тот зимний вечер в отрядной кают-компании мы долго еще разговаривали: что такое вообще честь? Что такое честь школы, дружины, отряда, спортивной команды? Иногда спорили, но в общем-то все согласились с Максимкой: честь — это когда живешь честно.

Честь отряда — это когда ты отрядом гордишься. Товарищами гордишься, делами отрядными. Когда хочешь, чтобы отряд был впереди других, только добиваться этого надо справедливо, по чести, как говорили в старину. Честь — это когда не даешь отряд в обиду и стараешься никогда не подвести его.

Но так бывает тогда, когда тебе хорошо с товарищами, когда отряд тебе дорог.

А бывает ведь и наоборот!

Вот такая картинка: урок закончился, все портфели похватали — и к дверям. А в дверях — председатель Лилька Бобыхина:

— Вы куда! Сбор отряда будет, Анна Николаевна велела!

— Опя-ать сбор! Снова про дисциплину!

— А тебе, Петька, не нравится про дисциплину? Потому что лодырь ты и двоечник, зря тебя в пионеры приняли!.. Куда лезешь? Я скажу Анне Николаевне, мы тебе в характеристику запишем, что ты за честь отряда не болеешь! У, нахал, Петух горластый!..

И не понимает эта Лилька, что честь угрозами не воспитаешь. И обидными словами не воспитаешь.

Никакой чести у отряда не будет, если здесь не уважают друг друга — не берегут личную честь каждого.

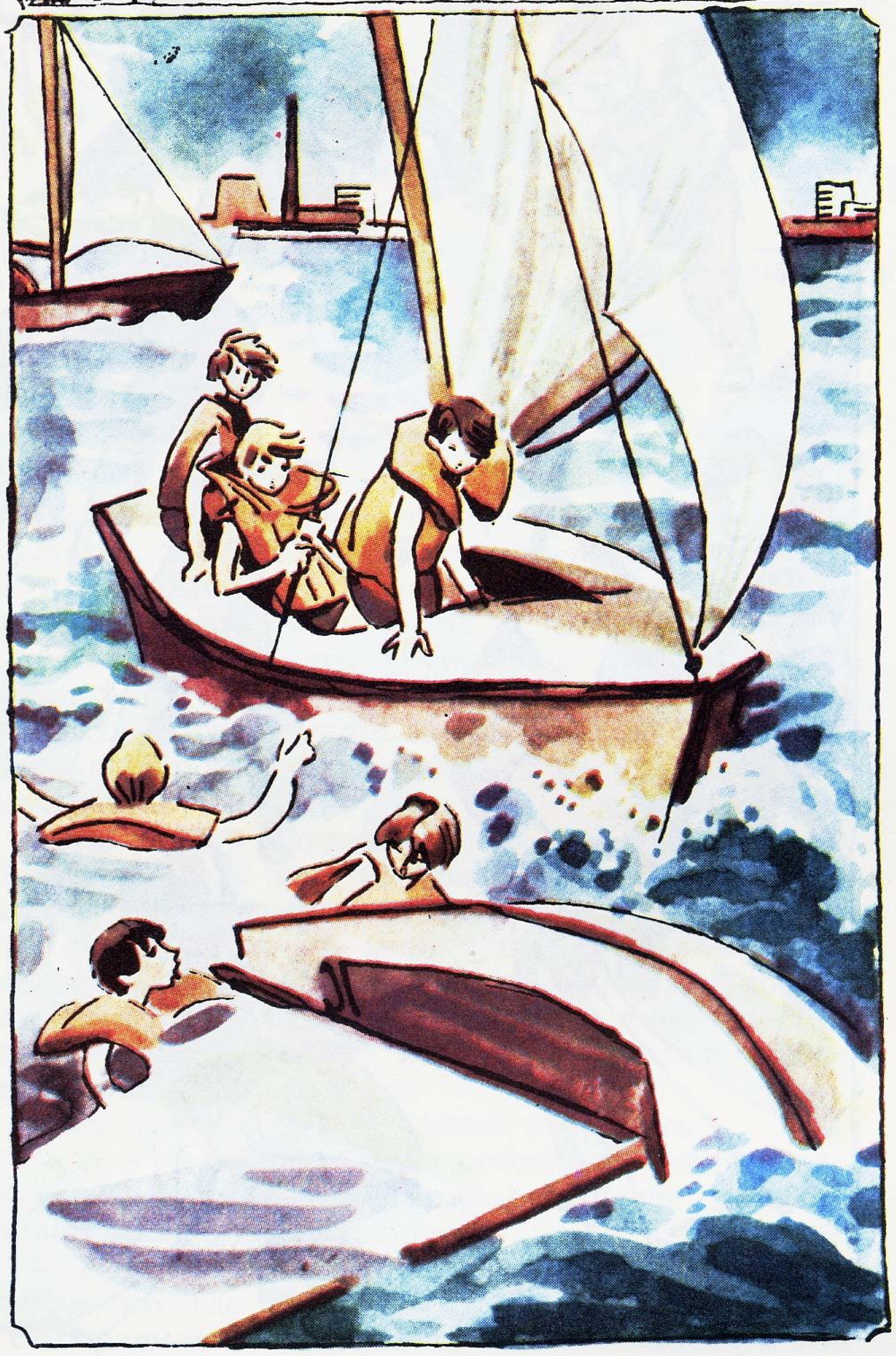
У каждого человека — и у взрослого, и у еще не очень взрослого — есть своя честь. Свое достоинство. Обижать их нельзя. Если с тобой в отряде не хотят разговаривать по-хорошему, а только грозят, если не стараются понять, а только обвиняют, что такой-сякой, разве ты будешь любить отряд? Если тебе надо в детский сад за братишкой, а тебя не хотят отпустить с затянувшегося сбора и говорят, что не думаешь о «чести коллектива» и «личное ставишь выше общественного», разве ты поверишь разговорам о доброте и чуткости, которые, заглядывая в бумажку, ведет на этом сборе Лилька Бобыхина?

А если тебя и по имени не называют, а только «Петух» или «Тяпа», станешь ты гордиться такими товарищами?

Отряд будет отрядом, когда все станут беречь честь друг друга, относиться к каждому с уважением.

— Здесь так получается,— сказал Максимка.— Обидишь кого-то другого, а выходит, что плохо сделал для себя, для своей собственной чести. Верно?

Верно. Потому что поступил несправедливо. А человек, у которого есть честь, всегда живет по справедливости: не терпит вранья, не дает в обиду слабых, от трудной работы не увиливает. Если надо — спорит, за правду воюет. То есть он честный перед другими и перед собой.



ЧЕСТНОЕ СЛОВО ПИОНЕРА

В один прекрасный летний день в штаб отряда пришла сердитая тетя. Она кричала, что в отряде все хулиганы и разбойники. И что один из этих разбойников недавно залез к ней в сад и обломал всю малину.

Тетю попытались успокоить и спросили: почему она думает на ребят из отряда?

— Потому что рубашка такая же, как вы, окаянные, носите! Синяя, и пуговицы блестящие!

Тете сказали, что такие рубашки носят многие.

— Носят многие, а хулиганите вы! Вот он лазил, я его запомнила! — Она ткнула пальцем в Альку.

Алька — первый знаменосец отряда — засмеялся и сказал, что тете это приснилось. Та закричала еще громче. Тогда Алька стал серьезным.

— Ребята, чего это она?.. Да я и близко к ее саду не подходил, честное пионерское.

И с грозной тетей перестали спорить. Сказал же человек! Что еще нужно?

Хозяйка сада пригрозила милицией и хлопнула дверью. Алька пожал плечами и пошел чинить велосипед. Про малину никто больше не говорил.

...Через много лет, когда Алька отслужил в армии и уже работал в милиции, в отряде собрались ветераны. Те, кто был мальчишками и девчонками в шестидесятых годах. Вспоминали, конечно, костры, походы, игры и всякие забавные приключения. Вредную соседку, которая не раз жаловалась на ребят, тоже вспомнили.

Кто-то спросил со смехом:

— Алька, а скажи по правде: может, ты и в самом деле провел тогда разведочку в ее малиннике?

Старшина Алексей слегка побледнел, насупился и стал похож на обиженного мальчишку:

— Вы что, с ума посходили? Я же тогда честное пионерское дал!

— Да ты не сердись! Мы ведь уже не помним подробностей.

— Зато я помню.

...Через несколько дней после встречи Алексей ехал по ночным улицам на милицейской машине вдвоем с шофером. В проеме калитки промелькнула смутная фигура притаившегося человека. А над плечом у него то ли палка, то ли... ствол?

— Дальше поедешь один, — сказал Алексей молодому водителю. — Я пройдусь...

Он вернулся в переулок, бесшумно прошел вдоль забора к калитке. Человек метнулся! Алексей наперерез!.. Одной рукой за грудь, другой — за холодную сталь ствола! Бросок!

В оружии у задержанного оказалась полная обойма. Подумать страшно, сколько жизней могли бы погубить смертельные заряды...

На следующий день Алька совсем помальчишечьи хвастался гипсом на руке. Так же, как в детстве хвалился «боевыми» ссадинами на локтях и коленках. Преступник во время схватки успел до кости прокусить ему палец.

— Бюллетень дали, — смеялся Алька. — Отдохну с недельку, книжки почитаю. Красота...

Про книжки говорил, про палец. А про то, что чувствует человек, когда в упор смотрит на него начиненный пулями ствол, — ни слова. Чего тут говорить? Он уже в детстве все сказал, когда дал себе слово, что будет бороться со всяким злом...

В детстве и во взрослой жизни бывает всякое. Не всегда удается сделать задуманное, не всегда хватает смелости и умения. Но человек, у которого есть честь, старается быть верным своему слову каждый день. Изо всех сил.

Алешка, ты тоже дал честное слово быть настоящим человеком. Это слово называется «Торжественное обещание юного пионера». Это слово не только для детства, оно на всю жизнь...

ФЛАГ

...Может, я и не так стою, как тебе нравится. Но я стою. И пусть меня кто-нибудь попробует убрать от флага, пока не пришла смена...

Ответ двенадцатилетнего капитана Саньки одной придирчивой восьмикласснице.

Ты дал Торжественное обещание. Тебе и твоим одноклассникам повязали красные галстуки. Все это перед знаменем пионерской дружины. Потом

вашему отряду вручили флаг. Он тоже маленькое знамя. Отрядное.

Что такое знамя, вам, конечно, рассказывали. Вы знаете, что людям случалось и жизнь отдавать за знамя. Потому что это не просто лоскут материи определенных цветов и с разными эмблемами. Это символ достоинства, символ объединения и силы. Это гордость и честь страны, полка, корабля, дружины. И вашего отряда.

У вашего флага — красный цвет революции. Вы это тоже, конечно, знаете.

...Вот идет по лесу отряд. Конец трудного похода, лесная поляна, привал. Кто-то скинул рюкзак и тут же сам повалился рядом на траву. Кто-то снимает с пояса фляжку. Кто-то растирает гудящие ноги. Но посреди поляны с размаху воткнуто в землю древко с отрядным флагом. И замер с ним рядом часовой.

Флаг есть флаг. Пост есть пост. Долг есть долг.

И, глядя на флаг и строгого часового, встал с травы один мальчишка, пошел за сучьями для костра. Двое других раскатали тюк с палаткой. Дежурные зазвенели посудой... Флаг — на месте, значит, все должно быть, как в отряде. Отряд не компания дачников. Ну-ка, подтянулись!..

Хорошо, когда флаг всюду с отрядом: и на параде, и на трудном субботнике, и в военной игре, и в дальнем походе. И ничего, что слегка потреплется и выгорит. Зато свой, родной.

Но скажите честно: разве не бывает наоборот?

Вот идет подготовка к смотру строя и песни, влетает в класс вожатая Галя из восьмого «Б».

— Ребята, кто у вас флаговый? Как не выбирали? Ладно, вот ты будешь! Что значит некогда? Тебе честь отряда не дорога? Иди в пионерскую комнату, возьми флажок и марш на репетицию!

А в пионерской комнате у стойки для флагов столпотворение:

— Куда тянешь, это не ваш флаг!

— А наш где? Здесь пустое гнездо!

— Галя сказала, кому не хватает пионерских флагов, можно пока октябрятские взять!

— А пыли-то сколько...

Нет, как бы ни хвалили отряд на советах дружины, каким бы он ни был правофланговым, не поверим мы, что он настоящий, если так в нем относятся к своему флагу.

...Как-то раз такая «вожатая Галя» пришла к нам в «Каравеллу» с другими строгими девочками.

— Мы хотим посмотреть, как вы живете и чем занимаетесь.

А занимались мы как раз ремонтом наших парусников — делом шумным, пыльным, но необходимым. Стук, гром, дым от горячей олифы. Кто-то борта шпаклюет, кто-то гвозди вбивает, кто-то дрелью жужжит, кто-то кистью машет. И лишь один человек стоит неподвижно: часовой у поднятого на мачту отрядного флага.

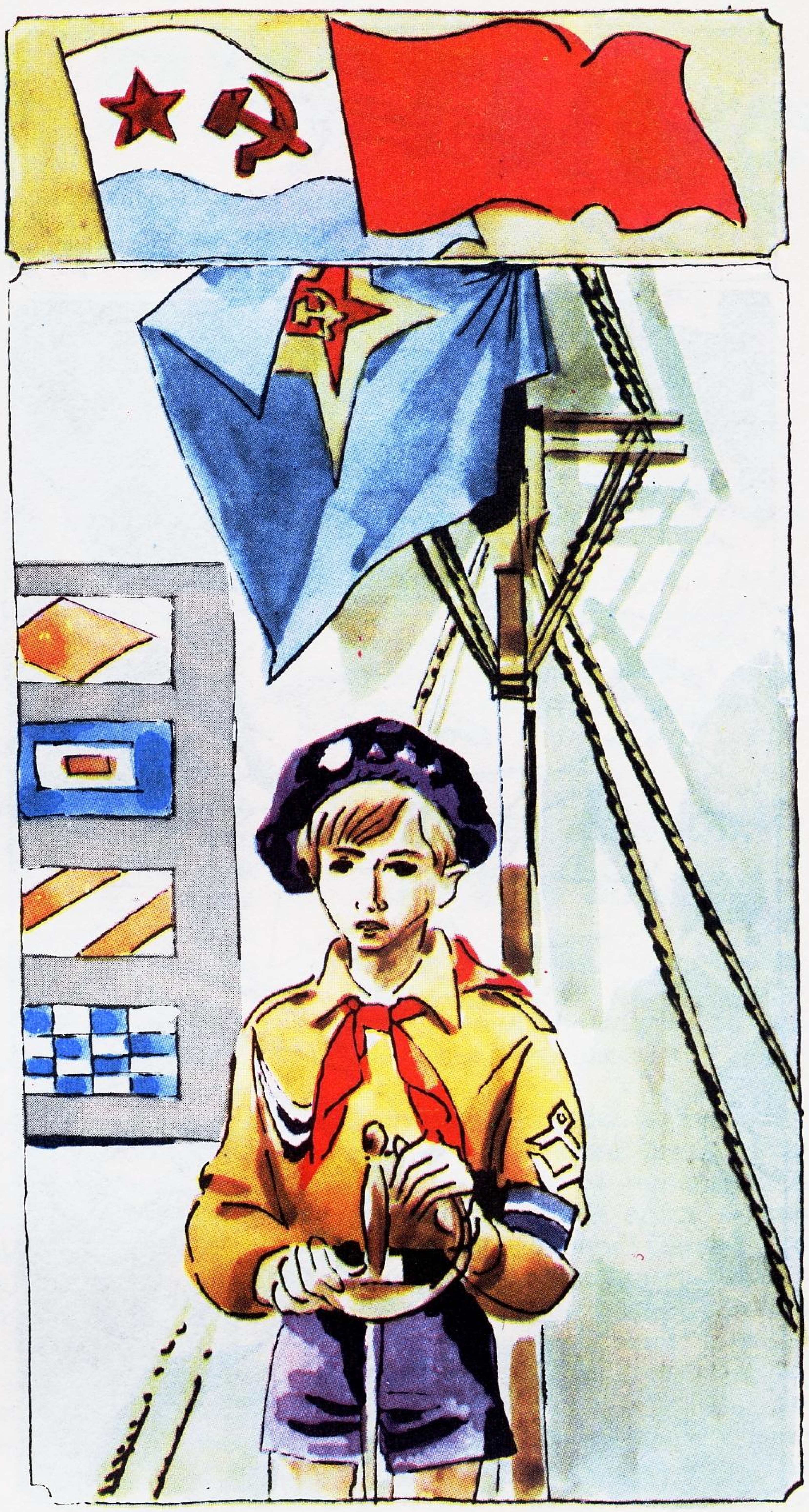
Походили девочки, посмотрели, а потом строгая Галя говорит:

— Да, интересно у вас... Только часовой стоит неправильно. Не в такой стойке, как полагается... У нас недавно смотр знаменных групп был, там за неправильную стойку очки снижали.

Переглянулись ребята. Как стоять «по правилам», оказывается, никто не знает. Глянули на часового — держится прямо, плечи развернуты, ладони — на старинной тяжелой рукояти шпаги (мы нашли ее там, где когда-то стояла крепость петровских времен, и по давней традиции пост у флага у нас всегда с оружием).

Хмурый Андрюшка ответил не очень ласково:

— Был я на том смотре. Стояли там и шагали



красиво, а потом флаги поставляли по углам и позабыли про них...

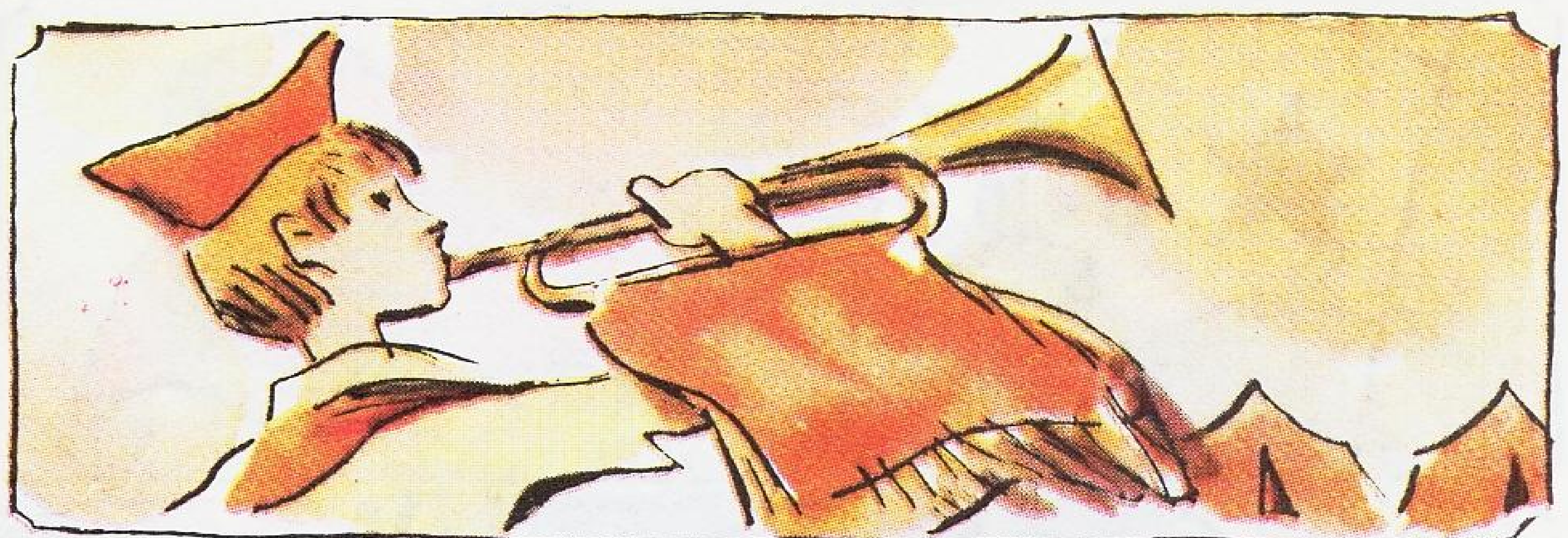
А маленький командир парусника «Горизонт» Санька, который только что сменился с поста, глянул на Галю очень серьезно и сказал слова, которые вы прочитали в начале этого рассказа...

СИГНАЛ ГОРНИСТА

Он учил сигналы без лени,
Он играл «подъем» и «тревогу»,
Но один сигнал — «отступленье» —
Разучить ни за что не смог он...

Валерий Латышев.
Стихотворение «Про трубача».

К нам часто приходят разные гости. Вожатые приезжают из многих городов, школьники, студен-



ты — бойцы педагогических отрядов. Обычно это люди хорошие и жизнерадостные. Вместе с нами хохочут, когда смотрят веселые отрядные фильмы. Вместе с нами драят яхты, если у нас ремонт. Но бывают иногда и такие посетители — вроде «строгой Гали».

Однажды такая суровая девочка спросила нас «проверяющим голосом»:

— А теперь скажите: какие у вас ритуалы и как вы относитесь к атрибутике?

— Чего-чего? — проговорил командир барабанщиков Володька и простодушно заморгал.

— Вы что? Даже не знаете, что это такое?

— Не-а,— сказал коварный Володька. И широко раскрыл наивные глаза. И сел поудобнее, обняв потрепанный в походах барабан.

Девочка обстоятельно объяснила, что ритуалами называются торжественные сборы, линейки, подъем флага и другие дела, где все строго и красиво. А атрибутика — это знамена, флаги, горны, барабаны, фанфары и так далее.

Ребята сидели с вежливыми лицами и старались не засмеяться. Они все это давно знали. Но у нас не терпят скучных казенных слов. Это наш-то истрепанный ветрами боевой мачтовый флаг — атрибутика? И высокие «суворовские» барабаны, которые мальчишки мастерили сами, гнули тугую фанеру, обдирая пальцы и царапая ладони? И золотая труба сигналиста?

...Пионерский горн — красивая и очень нужная вещь. Конечно, не всегда его используют, как надо.

Случается, что идет по тротуару нестройной толпой отряд, а горнист хрипло тутукает. Это зря. Сигнальная труба не оркестровый инструмент, марш на ней как следует не сыграешь. Зато как здорово в пионерском лагере вскакивать с кроватей, когда ваш ловкий и умелый горнист на крыльце играет веселый сигнал «подъем»! И звездочки солнца разлетаются с его горна.

А бывают у горнистов и другие сигналы — тревожные...

У нас в комнате, где хранятся знамена, висит большой старый снимок. На нем берег озера, светлая вода, черные высокие сосны и яркие полосы заката над крышами дальней деревни. Снимок не цветной, но все равно видно, что закат очень красивый, а вечер ясный и спокойный.

На бугорке среди сосен — тоненький силуэт горниста. Это наш Коля Дедушкин в палаточном лагере. Он играет сигнал отбоя:

День отшумел,
Спать по палаткам,
Спокойной ночи...

Но спокойной ночи не получилось. Когда уже догорел костер и были допеты песни, когда утихли в палатках разговоры и «страшные истории», из темных кустов поднялась шеренга парней и прыжками, с подвыванием двинулась к лагерю. Это какой-то хулиганской компании захотелось устроить «ночной налет на пионерчиков».

Только недолго они прыгали. Отчаянно врезался в воздух частый и прерывистый сигнал дежурного горниста «тревога!» (а на вахте был как раз Колька). Грохнули сигнальные пистолеты, взмыла над соснами красная ракета. В несколько секунд перед палатками встала цепь мальчишек, и в глаза «налетчикам» ударили электрические огни.

Хулиганы побежали. Молча. Так же молча их преследовал отряд. Только дыхание слышалось да ветки трещали. Потом кто-то из убегавших тонко и отчаянно заверещал. На этом все и кончилось. Наши ребята остановились и засмеялись...

После этого долго никто не ложился, опять зажгли костер и вспоминали всякие подробности недавнего приключения. Кто-то спросил:

— А чего этот длинный так орал, будто его подстрелили?

Маленький Игорек гордо сказал:

— А я ему по шее печеной картошкой попал. Он думал, наверно, что это граната.

И все расхохотались.

Только горнист Коля Дедушкин был серьезный. При свете пламени он выгибал на колене венчик сигнальной трубы. Так получилось: атрибутику надо, конечно, беречь, но если враг наскакивает вплотную, горн тоже оружие...

ОКОНЧАНИЕ
В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ.

Рисунки Е. МЕДВЕДЕВА.

Юрий КРУТОГОРОВ

КАНАЛ В ПУСТЫНЕ

Рисунки А. БОРИСОВА.

О чем напоминают узбои

Что я знал о Каракумском канале до поездки в Туркмению? Мало что знал. Так, общие сведения. Берет воду из Амударьи и тянется в сторону Каспийского моря. Я и в пустыне до того не бывал. Не доводилось испытать на себе испепеляющий жар ее белого солнца. И по пескам, в которых за несколько минут можно вкрутую сварить яйцо, не вышагивал километры. А тут, где на поезде, где пешком, где на ишаке, преодолел тысячу сто километров по всей протяженности Каракумского канала. Такая командировка.

В старых словарях сказано, что канал — это длинная канава или ров с напускной водою. Немало бы подивились наши еще не столь далекие предки, обозрев сегодняшнюю «канаву» в Каракумах! Ничего себе «канава»: по длине не уступает такой крупной европейской реке, как Эльба. Каракумский канал, впрочем, и есть рукотворная, самая настоящая река со своими многочисленными поселками, причалами для судов, с портальными кранами, насосными станциями, которые денно и нощно качают воду в отдаленные, вчера еще безжизненные уголки нашей южной пустыни.

Где мне только не приходилось бывать — в полярных областях, в тундре, в степях... У каждой географической зоны — свои обязательные приметы. Порой они не сразу бросаются в глаза. Каракумы открыты и красноречивы, как ладонь старца. Бугорки барханов, извилистые линии между ними. Это если смотреть из иллюминатора самолета. Вблизи очертания смываются — пустошь, желтизна без конца и края. И слепящий свет.

Каракумы на первом месте в стране по продолжительности солнечного сияния, количество же атмосферных осадков в год измеряется ничтожными десятками миллиметров. Безводье — вечная и неутоленная жажда пустыни, мольба о капле росы или дождя. Если и были здесь когда-то реки и озера, то солнце выпило их до самого донышка. О них смутно напоминают узбои — высохшие русла да долины, похожие на глиняные чаши.

Я приехал сюда в марте, весна только-только вступала в Каракумы, а температура в тени как возле раскаленной печки. Да и тень здесь понятие скорее условное. Какая тень от низкорослого саксаула или ежеподобной верблюжьей колючки да солянки?

Как же здесь нужна вода! Хоть глоток, хоть пригоршня. Разливы рек России, половодья, ручьи под талым снегом представляются отсюда миражами.

Шесть арыков, восемь арыков

В самом слове «пустыня» заключено что-то безнадежное. Это слово убаюкивает, как мерный ход верблюжьего каравана.

Пустыня как бы опровергает саму возможность вмешательства со стороны человека. А между тем какой здесь можно выращивать хлопок! Самый ценный — длинноволокнистый.

Хлопок нужен всем — об этом знает любой. Всякий хлопок, разных сортов. Но длинноволокнистый — особенно. Из него пряжа крепче, ткани из него можно изготовить вдвое больше, чем из обычных, средневолокнистых сортов.

Ценнейший в мире хлопок с длинным волокном, как известно, выращивается в основном

в Египте, на плантациях Нила. Количество солнечных дней там такое же, как в Каракумах, да плюс обилие влаги Нила с его полноводными притоками.

Земледельцы-туркмены издавна мечтали о большой воде. Что ни сказка, ни легенда — в ней обязательно восхищение редкими колодцами в пустыне, речками, рождающимися на вершинах Копет-Дага. Например, Албыябе, Секизябе. В переводе на русский — шесть арыков, восемь арыков. Это верный и необманный счет чабанов, погонщиков, верблюдов, хлопкоробов. Вода, колодец, арык — с этих слов начинается открытие и постижение мира. Такова арифметика и грамматика Каракумов.

В ауле Геок-Тепе я спросил у первоклассников местной школы:

— Какую туркменскую поговорку вы узнали раньше других?

— Сув дамжасы алтын денеси. Капля воды дороже зернышка золота.

Столетний дехканин Мурад Нурыев, рассказывая мне о главной заботе соплеменников, тоже произнес эти, как ручеек журчащие, слова: «Сув дамжасы алтын денеси».

Еще в начале века русский гидротехник Ермолаев составил первый проект обводнения Каракумов. Он предложил перебросить часть стока реки Амударьи в южную часть пустыни, к бывшим оазисам по берегам Мурхаба и Теджена. По тем временам это была фантастическая идея. Что можно было сделать лопатой и мотыгой? Муллы посмеивались: «Большой чудак этот русский. Всевышний его покарает...»

Он не покарал дерзкого инженера. Но и проект остался на бумаге: царскому правительству было не до судеб простых земледельцев-туркменов.

Земснаряд № 64

837-й километр трассы канала. Поселок строителей «Союз». Вы можете найти на карте Туркменской ССР это место — крошечная точка на карте: Геок-Тепе. Такое простодушно-детское имя, два звонких удара мяча. Эти два удара мячика давно оставили след на карте. На нее не нанесено пока лишь новое, разлившееся около Геок-Тепе море — Копетдагское. А оно уже сейчас вполне достойно внимания географов.

Море есть море: со штормовыми шквалами, с петушиными бурунами, с забрызганными рыбаками в брезентовых робах, с обязательным уголком тельняшки на груди. И, конечно, с чайками, этими крылатыми новоселами Каракумов.

Изумленный открывшимся, таким неожиданным в пустыне видом, я стоял у кромки моря и наблюдал, как чайки выделывают затейливые петли над гладью воды. Да наяву ли это?

Стоящий рядом инженер-гидротехник Реджеп Карягдыев, по-африкански обожженный солнцем, рассказывал, что Копетдагское море вместило 300 миллионов кубометров амударьинской воды, но скоро станет почти в два раза больше.

И я снова удивился.

Тут надо дать пояснение. Одно дело, когда водохранилище-море создается на месте естественной впадины или по крайней мере забытого русла. Пустыня же ровна, как гладильная доска. Как же собрать воду? В каких же берегах уместить плещущие волны? В том-то и суть, что готовеньких берегов тут нет и в помине. Их надо намывать из песка и глины, укреплять откосы бетоном. Час за часом, день за днем, месяц за месяцем. Работа гигантская. Ее поручено делать комсомольско-молодежной бригаде земснаряда № 64. В небольшом ковше-озерце круглые сутки, без отдыха земснаряд и бригада делают свое дело: намывают желтоватую пульпу на склоны моря. Земснаряд растит берег. Он пыхтит, как старый паровоз. Его насосы высасывают со дна озерца грунт, перемешивают с водой и толкают по трубам.

Массивные сигары-понтоны крепко удерживают земснаряд на плаву, а то он, чего доброго, стронется с места, возомнив себя морским суденышком.

Про Ильяса Атабердыева и его товарищей

Комсорг бригады Ильяс Атабердыев еще не так давно работал на Ашхабадском молочном комбинате. Готовил кефир, творог и творожные сырки с изюмом и ванилью.

А где-то, километрах в двухстах от города, кипела стройка — Всесоюзная, ударная, комсомольская. Это она вела в пустыню канал, и канал вел ее за собой.

И однажды Ильяс решил круто повернуть свою судьбу. Сел в поезд Ашхабад — Красноводск и сошел на станции Геок-Тепе. Ребята из поселка строителей «Союз», услышав, что он работал на молочном комбинате, пошутили:

— А ты знаешь, что у нас тут не молочные реки и кисельные берега?

— Знаю, знаю,— весело отмахнулся Ильяс.

Так он начал строить в пустыне рукотворную реку и создавать вокруг моря прочные берега. Учил его профессии машиниста земснаряда ЗРС-2 веселый парень Жора Бицоев. «Главное, знать электрику,— говорил Жора.— Это раньше землесосы работали на дизелях, а сейчас — на электричестве». Ильяс легко и охотно постигал эту самую «электрику», основы гидротехники и вскоре стал полноправным машинистом. Его избрали комсоргом. Здесь Ильяс нашел верного друга Есенова Ягмура. Ягмур в переводе с туркменского — дождь, ненастье. В шутку его зовут «нелетной погодой». Но на лице одного из лучших машинистов земснаряда Ягмура всегда улыбка.

Я был на комсомольском собрании бригады — обсуждали итоги месяца. Хоть и вышли по строительно-монтажному управлению «Копетдаггидрострой» на первое место, а все же можно было работать лучше. Я впервые присутствовал на комсомольском собрании в пустыне. Оно и было необычным. Сидели на кошме, поджав под себя ноги, пили из белых пиал зеленый чай — лучший напиток пустыни, обсуждали рабочие дела.

Воздух за окошком прогрелся почти до 40 градусов (а это был всего лишь март), а в вагончике гулял прохладный ветерок. Кондиционер исправно нес свою службу. И даже во время обсуждения отдельных острых вопросов, когда страсти раскалялись, температура в вагончике все равно оставалась неизменной. Страсти же на комсомольском собрании раскалялись оттого, что решали, как лучше организовывать водовыпуск и равномернее укладывать грунт на берегах моря. Веселый парень Жора Бицоев что-то кричал о своей любимой «электрике», а Ягмур Есенов доказывал, что всасывающая труба земснаряда иногда барахлит и что-то надо делать. И с ним согласились. Комсорг Ильяс Атабердыев все высказанные замечания записывал в протокол, довольный, что собрание проходит активно.

Новь старой легенды

Неподалеку от городка Бахардена есть подземное озеро Ков-Ата. Оно находится у подошвы одной из вершин Копет-Дага. Глубокий узкий лаз. Спускаешься, и минут через двадцать, после блужданий по подземным галереям, тебе открывается темное, совершенно недвижное зеркало Ков-Ата. Ученые до сих пор не решили, из каких источников родилось озеро, куда вытекают его воды: озеро проточное.

Как бы там ни было, а у Ков-Ата, как у всякого загадочного явления, есть свои легенды. Одна из них такая. Злые духи спрятали от людей воду. Лишь добрым джиннам дано поднять ее наверх, но когда они придут — никому не известно. Подзадержались что-то добрые джинны. Впрочем, не их ли работу выполняют сегодня члены бригады, где комсоргом Ильяс Атабердыев? Это они привели в пустыню живительную влагу и вон какое море отгрохали!

Между тем молодые «джин-

ны» в майках и тельняшках, обсудив жизненно важные вопросы на комсомольском собрании, заспешили на вахту. На земснаряде начиналась новая смена...

— За эту бригаду я спокоен,— сказал мне инженер-гидротехник Реджеп Карягдаев.— Копетдагское море в надежных руках.

Мы с Реджепом держим путь в следующий поселок строителей — на 894-й километр трассы. Поселок называется «Салют». Я обратил внимание: все поселки вдоль канала названы в честь космических кораблей. Не потому ли, что в освоении безжизненной пустыни есть что-то схожее с освоением космоса? По дерзости замысла, по новизне.

Новое летосчисление аула

Вода в аул пришла совсем недавно. И ей до сих пор не перестают удивляться. Одно дело — струя из редкой буровой скважины или нищенский колодец на глинистом такыре. Тут же — полноводная, щедрая река. Чего не повидали на своем веку аксакалы, а такое... Про детей и говорить нечего. Появились заядлые ныряльщики, в магазин, сельпо не успевали завозить удочки. Какая уха из амударьинских сазанов!

Но Каракумский канал пришел сюда прежде всего работать. Он большой труженик, канал. Ему нужно досыта напоить будущие хлопковые плантации.

Только что рядом с аулом построили мощную насосную станцию, чем-то внешне напоминающую электростанцию. С той разницей, что отсюда тянутся не высоковольтные линии электропередачи, а многокилометровые трубы-водоводы. Невероятная силища заключена в насосах станций: каждый из них дает полям по две с половиной тысячи литров воды в секунду! Тысячи ручейков-арыков растекаются от водоводов. Пожалуйста, сей хлопок — да не простой, а длинноволокнистый. Нужно посадить картофель? Милости просим, влаги достаточно. Пшеницу, клевер, кукурузу? За чем дело стало? Канал к вашим услугам!

Председатель колхоза «Москва» Аманулы Атаев не может скрыть радости, когда говорит, что уже нынче можно будет первую тысячу поливных гектаров включить в севооборот. Это слово он как бы пробует на зуб — оно ему нравится, в его звучании такое обещание урожая, такая щедрость: сев, сев.

— Знаешь, как чувствуют себя мои люди? — спрашивает Атаев.— Путники идут по пустыне, пить хотят. Нечего пить. И вдруг — колодец! Вот что такое для нас канал. Видишь эту бумагу? Это гарантийный паспорт. Тут все сказано. Сколько воды получим, на какую плантацию. Почему гарантийный? А строители канала гарантируют, что вода у нас будет всегда. Колхозу надо много новых грузовиков покупать. Хлопок вывозить, хлеб, овощи, фрукты.

Это старый аул. Когда-то мимо Бахардена проходили воины Александра Македонского.

С приходом канала начинается новое летосчисление аула.

В субтропики

Рядом с каналом паслись стадо верблюдов, отара овец. Застыв, верблюды жевали свою неизменную верблюжью колючку. Они не обращали внимания на бегущую рядом реку. Это были одногорбые верблюды-дромедары. Они впрок запаслись питьем. Хорошо, когда у тебя в горбе бурдюк с жидкостью. А овцы и бараны вместе с только что появившимися на свет ягнятами тронулись к бетонным откосам канала. Растянувшись на несколько десятков метров вдоль берега, отара насыщалась водой. Упираясь копытцами, пили и ягнята, похожие на пуделей.

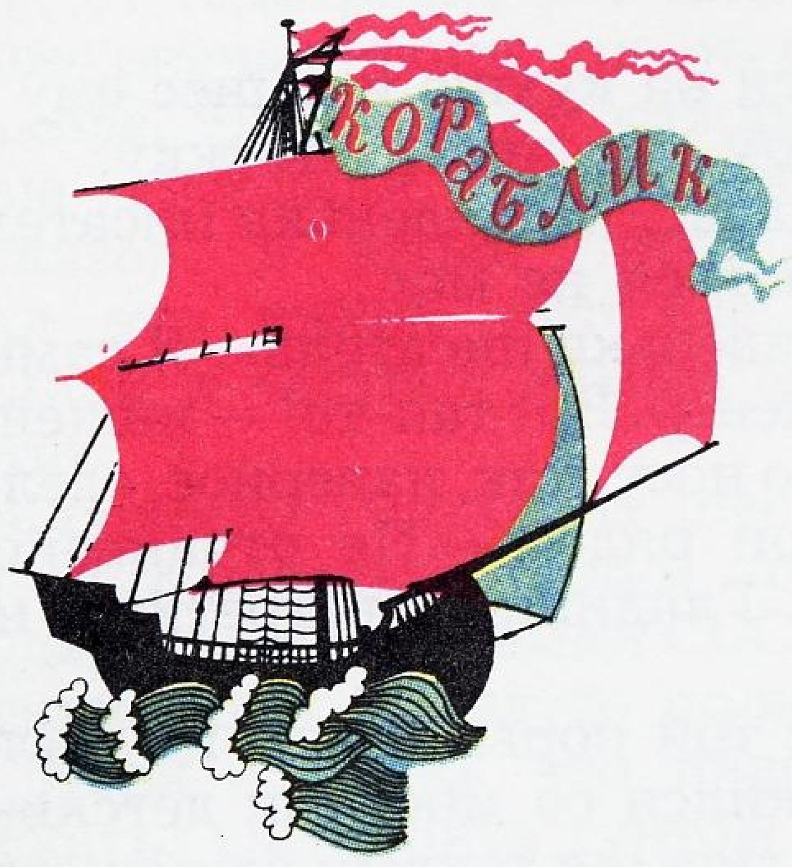
Немолодой чабан в бараньей шапке, в которой могло бы уместиться не одно гнездовье местных птиц, рассмеялся:

— Эти ягнятки думают, что тут всегда была вода. Вот глупые! Это очень хорошо, что канал дальше пойдет, на юг. Он там тоже нужен.

Да, канал уходит к югу Туркменистана, в субтропическую зону. Пока там сплошные пески и такыры. А скоро будут плантации таких субтропических культур, как инжир, гранат, маслины, финики, миндаль, цитрусовые... Недалек день, когда в субтропики переберутся передвижные отряды строителей, в том числе и бригада, где комсоргом Ильяс Атабердыев.

— Нужно прорыть еще триста километров трассы,— сказал мне Реджеп Карягдаев.— Большая работа. Справимся. Так и напиши: «Всесоюзная ударная комсомольская стройка в надежных руках...»

* «Кораблик» * Журнал в журнале * Печатает только тебя *



Наде АВЕРКИНОЙ скоро исполнится 11 лет. Она живет в Москве, учится в 5 «А» классе школы № 669, занимается в литературном клубе Дворца пионеров.

Надя давно пишет стихи. Капитан «Кораблика» приказал три ее стихотворения поднять на борт, а Надю пригласил в кают-компанию. На странице 64 ты можешь прочесть их беседу, занесенную в бортжурнал.

Крылатые кони

Утро. Роса на траве.
Зори на небосклоне.
И по густой синеве
Мчатся ночные кони.

Белый туман — узда,
Седла — огонь заката,
Вместо подков — звезда.
Кони ночи крылаты.

Гривы их шелестят,
Мерно стучат копыта,
И в синеве летят
Кони, тихи и скрытны.

А по траве летят
Тени коней летучих.
И бубенцы звенят
В дебрях лесов дремучих.

«ДОЖДЛИВЫЙ ДЕНЬ».
Оксана САВЕЛЬЕВА, *10 лет.*

Непогода

По небу туча серая ползла
И солнце яркое пологом застилала,
И небосклон совсем заволокла
Огромным темно-синим покрывалом.

И молния блеснула в вышине,
Гром грянул: хлынул ливень леденящий.
Гром грянул: в этой черной тишине
Лил ливень, и зловещий и звенящий.

*

* *

Вышел месяц золотой,
Стало жутковато.
Черный лес вдали стеной,
Тучи, точно вата.

Звезды яркие блестят,
Звездное монисто.
Тихо травы шелестят
Над рекою чистой.

«МОЙ ГОРОД».
Сандро ЭРИСТАВИ, *11 лет.*

С добрым утром, хороший человек!

В детстве я зачитывался книгами и мечтал встретиться с «живым» писателем. В моем мальчишеском воображении писатели выглядели — все, как один! — очень симпатичными: плечи широкие, лоб большой, на носу очки в роговой оправе, а на голове — модная шляпа. Думал — появись в селе писатель, я его безо всякой подсказки сразу узнал бы. Но степное село наше стояло в стороне от главных дорог, и писатели из Москвы к нам не приезжали.

Но вот однажды кто-то постучался к нам в дверь. Я выскочил из дома и ахнул: на крыльце стоял точь-в-точь настоящий писатель. Лучистые глаза его смотрели сквозь стекла очков приветливо:

— Нельзя ли водицей у вас поживиться? Заморился в дороге.

Я мгновенно бросился на кухню и вынес ему не только кружку с квасом, но еще и книжку:

— Вот... Ваши рассказы... Я, дяденька писатель, всю ночь читал, оторваться не мог...

— А я вовсе и не «дяденька писатель». Я самый обычный дяденька инженер. Вот так-то! — инженер весело щелкнул меня по носу, как, наверное, сделал бы и писатель, будь он рядом.— Не отчаивайся! Жизнь впереди долгая. Глядишь, и встретишь настоящего писателя...

Прошло много лет с той поры. Я сам научился писать книги и подружился со многими детскими писателями. Они оказались не такими одинаковыми, как я предполагал. Разные у них характеры и внешне каждый выглядит по-своему. Одного с другим не спутаешь.

Но есть среди них человек, который, как две капли воды, похож на писателя моей давней детской мечты. И ростом хоть куда, и плечи — шире некуда, и очки на носу — высший сорт! Разве вот только шляпа... Не знаю, есть ли у него модная шляпа? Постоянно вижу его с непокрытой головой.

Дело, разумеется, не в шляпе. Главное — он человек хороший, по-писательски зоркий и добрый. По-детски застенчивый даже. Молчит чаще всего. Не любит слова попусту на ветер бросать. Спокойствию его позавидуешь. Но если вдруг заметит, что кто-то бесчестно поступает или хамски разговаривает, обижает невинного или лжет беспрестанно, то тут уж держись! Не будет молчать. Непременно даст отпор обидчику, бесстрашно поднимется на защиту правды и справедливости, протянет руку дружбы каждому, кто честен и благороден, кто угодил в беду и нуждается в помощи.

Уж такой он человек — детский писатель Владимир Карпович Железников! Уверен — каждый школьник с увлечением читал его книги. Значит, и ты, мой друг-читатель, знаешь, сколько порыцарски смелых и душевно чистых героев, детей и взрослых, поселилось в его повестях и рассказах, как отважно борются они против жестокости и тунеядства, фальши и корысти, трусости и двоедушия. Положительные персонажи книг идут плечом к плечу с автором. Они друзья и соратники по борьбе. Они показывают пример другим, как надо жить и мечтать, как надо сражаться за хорошую жизнь и за хороших людей.

«Хорошим людям — доброе утро» — так писатель озаглавил одну из своих ранних книг. Как видно по названию, автор приветствует не всякого, кого встречает, а лишь хороших людей. С плохими ему не по пути, хотя и они присутствуют в его произведениях. А как же иначе? Ведь в реальной действительности далеко не все обстоит благополучно, встречаются и дурные люди. И писатель отображает жизнь такой, какой она есть на самом деле. Он не боится показать людей в жестоких жизненных стычках, в сложных ситуациях, в противоборстве.

В литературу Владимир Железников пришел уже в зрелом возрасте, в тридцать пять лет; позади были годы, опаленные войной, учение в юридическом и литературном институтах, работа в журналах «Мурзилка» и «Веселые картинки». Повидал и испытал он немало, но как бы тяжело ни складывалась личная судьба, он не унывал, не терял связей с неугомонным детским миром, который дарил ему

радость и надежду. Он черпал в этом мире вдохновение для своих книг.

Год от года росло его писательское мастерство, умение впечатляюще писать о жизни ребят в семье и школе. Чуть ли не каждый год выходили его новые сборники, составленные из повестей и рассказов, и юный читатель горячо приветствовал эти книги, которые приобщали ребят к большой и честной жизни, учили чуткости и мужеству.

За повесть «Чудак из шестого «Б», по которой был снят веселый фильм, писатель был удостоен Государственной премии СССР. «Чудак» — шестиклассник Боря Збандуто полюбился ребятам. Еще бы! Боря — парень что надо! Выдумщик, каких поискать! Октябрята гуртом бегали за ним, своим вожатым, на лету ловили каждое его слово. И он стремился оправдать доверие малышей. Уйму интересных дел и игр для них придумал, а самому времени не оставалось для отдыха. И он решил было отказаться от поста вожатого, да не смог. Заявил октябрятам: «Да, по-моему, вы без меня пропадете. Столько у вас еще недостатков! Решено, я остаюсь!»

Не только малыши, но и сам Боря незаметно для него самого обретал новые черты характера, превращался в боевого, находчивого пионера. В нем раскрылся даже педагогический талант. «Фантазия у него добрая,— сказал о Боре тренер по фигурному катанию.— А если он из своих октябрят таких же фантазеров и мечтателей сделает, это же чу́дно! Зависти нет, безразличия нет. Он, вы знаете, когда играет в шахматы, всегда поет». Да, у Бори веселый нрав — он всем дарит веселье. Боря щедр сердцем — всегда готов помочь товарищу. Боря бескорыстен. В питомцах своих он видит черты «людей XXI века»!

Каждой книгой своей Владимир Железников внушает детям мысль о том, что с ранних лет человек обязан воспитывать в себе святое чувство товарищества, быть бескорыстным и принципиальным, действовать в любых ситуациях, как подсказывает совесть, пионерская честь. Отстаивать добро и бороться со злом порой не так-то просто, и надо иметь мужество, чтобы не спасовать перед трудностями, не отступить под натиском злых сил.

Пожалуй, с наибольшей полнотой и страстностью отражено это в повести «Чучело», впервые опубликованной в журнале «Пионер» под названием «Всего-то несколько дней...». Став затем отдельной книгой, она получила в нынешнем году новую жизнь — на киноэкране.

До сих пор не смолкают в ребячьих коллективах горячие споры о «Чучеле», о шестикласснице Лене Бессольцевой. Разобраться в судьбе героини, которую одноклассники однажды с легкомысленной поспешностью необоснованно обвинили в разных смертных грехах, обозвали «чучелом» и учинили настоящее гонение на нее, многим неискушенным читателям удается не сразу. Ведь и в поступках Лены можно обнаружить досадные срывы, ошибки. Доведенная до исступления ребячьими насмешками, она, желая спасти от бесчестия своего друга Димку Сомова, приняла чужую вину на себя. Но Димка оказался малодушным человеком. Он предал Лену. Боль, нанесенная жестоким человеческим бессердечием, настроила девочку против бывшего друга, против всего коллектива.

Взволнованная, накаленная до глубокого трагизма повесть «Чучело» предостерегает юного читателя от поспешности в суждениях, от черствости и бездушия, учит бережному и чуткому отношению к каждому человеку. Страстно, во весь голос осуждает писатель жесткость и беспринципность, нерушимо отстаивает нравственные законы благородства и сострадания, рыцарского отношения к людям. Жизнь не всегда течет так благостно и гармонично, как хотелось бы. И повесть «Чучело», правдиво раскрывая жизнь современных подростков, утверждает в сознании юного читателя мысль о необходимости думать и заботиться не только о себе, но и о других людях, нуждающихся в твоей поддержке, неукоснительно следовать высоким принципам социалистической нравственности и гуманизма.

Владимир Железников щедро наделен способностью не просто пробуждать в читателе чувства добрые, но и побуждать его на поступки честные и отважные во имя человеческой радости и справедливости. И делает он это по-гайдаровски талантливо.

Вспоминаю, как мы с Владимиром Карповичем были приглашены однажды во Всесоюзный радиокомитет на встречу с пионерскими книголюбами. Договорились, что дети будут задавать нам разные вопросы, а мы — отвечать. Первой поднялась маленькая курносая девочка.

— Назовите,— попросила она, обращаясь к Владимиру Карповичу,— вашего любимого писателя. Как его фамилия?

— Аркадий Гайдар,— ответил писатель.

Детскому писателю-гайдаровцу исполнилось шестьдесят лет, и ныне он вступает в утро нового десятилетия. Так давай же, друг-читатель, поприветствуем своего любимого писателя от чистого сердца:

— С добрым утром, хороший человек!

Владимир РАЗУМНЕВИЧ

Фотография М. ВЫЛЕГЖАНИНА.

КРУГЛЫЙ СТОЛ «ПИОНЕРА»

Уважаемая редакция! Читая газеты, я иногда встречаю такие слова как «терроризм» и «политика государственного терроризма». Не могли бы вы посвятить одно из заседаний «круглого стола» обсуждению этих понятий и рассказать, почему империалисты насаждают повсюду политику государственного терроризма.

Павел ЛЕМЕХИН, 6-й класс, Липецкая обл., пос. Красное.

На вопрос Павла Лемехина, а также некоторые другие вопросы, которые ставите вы, ребята, в своих письмах, отвечают сегодня внешнеполитические комментаторы Всесоюзного радио Н. АГАЯНЦ, В. ЛЕВИН и В. СОБОЛЕВ.

В. СОБОЛЕВ: Для начала давайте посмотрим, что происходит сейчас в одном из государств Центральной Америки — Гондурасе. Вот уже два с лишним года тысячи американских солдат демонстрируют там свою мощь. Одни военные маневры сменяются другими: высаживаются десанты, пушки и ракеты обстреливают некоего «противника».

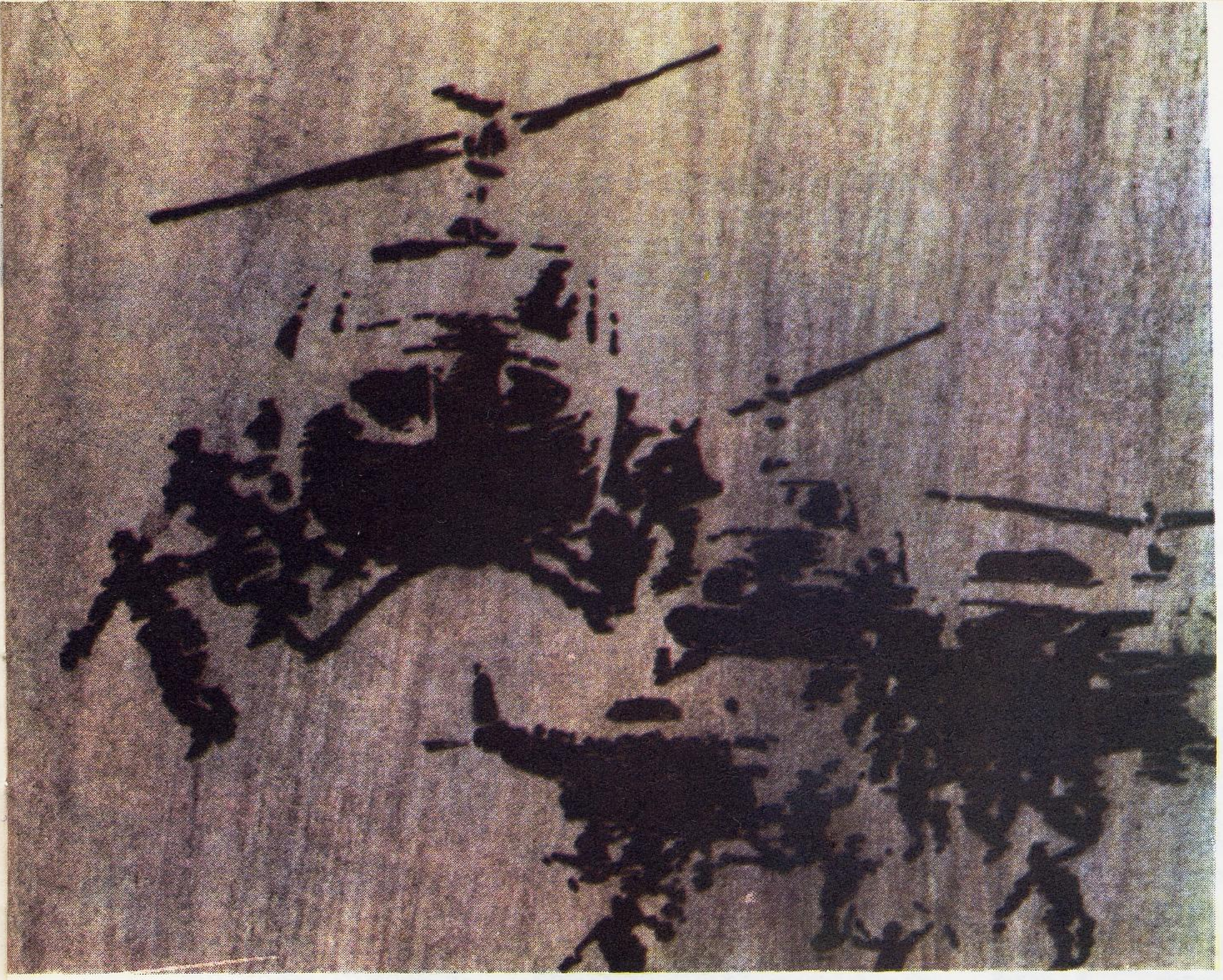
В Гондурасе есть базы, где американские инструкторы обучают наемников и отправляют их на территорию соседней Никарагуа воевать против сандинистского правительства. Наемники жгут посевы, нефтехранилища, поселки. Они минируют море у никарагуанских портов, убивают или угоняют никарагуанцев за границу, в Гондурас. При этом руководители США выделяют миллионы долларов для всех этих черных дел. И открыто говорят, зачем эти преступления творятся — чтобы запугать никарагуанцев, заставить их изменить свой государственный строй и внешнюю политику, отдать власть последышам Сомосы. И вот все то, что делают США по отношению к Никарагуа, и называется **«политикой государственного терроризма»**. А если дать более точное определение — **это политика грубого насилия, физического истребления неугодных людей, запугивания непокорных.** Это попытка добиться политических целей: изменения курса правительства или всего общественного строя в каком-либо государстве (как это было сделано в Гренаде) — при помощи уголовных методов.

В. ЛЕВИН: Я думаю, нашим читателям надо пояснить, чем отличается государственный терроризм от терроризма, если можно так сказать, обыкновенного. Об этом просят рассказать пятиклассники из Саратова — Николай и Егор Панфидины.

Прежде всего давайте посмотрим, кто такие террористы. Фанатики? Обманутые буржуазной пропагандой молодые люди?.. Среди террористов — нынешние последователи фашизма, неонацисты. Во многих странах Запада (к примеру, в ФРГ, Италии) открыто действуют неонацистские организации. Почему? Потому что главным своим врагом они называют коммунизм и коммунистов. Такие люди как раз и нужны буржуазным правительствам для осуществления политики государственного терроризма, направленной против прогрессивных сил.

Вместе с неонацистами выступают расисты разных мастей. В США это прежде всего куклуксклановцы. Как считают сами американцы, ку-клукс-клан растет, становится активнее. Куклуксклановцы вербуют в свои ряды даже детей. Близ городка Селма в штате Алабама, откуда в 1965 году борец за права американских негров Мартин Лютер Кинг начал легендарный марш мира, куклуксклановцы раскинули «молодежный лагерь». Там подростков в возрасте от 10 до 16 лет учат пользоваться огнестрельным оружием. В газетах как-то появился снимок: девочка лет двенадцати профессионально целится в мишень из пистолета. Шеф ку-клукс-клана Билл Уилкинсон заявил: «У нас в штате есть сотни таких лагерей. Мы учим стрелять не только в черных». Почему же такое положение допускают американские власти? Прежде всего по той же причине: куклуксклановцы — ярые антикоммунисты. «Меня,— сказал шеф клана в Нью-Орлеане Дэвид Дьюк,— угнетает мысль о том, что наша страна боролась против Гитлера. Мы были не на той стороне баррикад и упустили шанс выступить против коммунизма».

А вот еще террористы — израильские сионисты. Яркий пример того, как государственный терроризм сливается с деятельностью террористических организаций — биография бывшего израильского премьер-министра М. Бегина. Начинал он как обыкновенный террорист: убивал людей, взрывал здания. В одной гостинице от его бомбы погибло несколько десятков англичан. Но о «грешках молодости» Бегина руководители империалистических государств сейчас не вспоминают, так как он помогал



проводить их политику государственного терроризма на Ближнем Востоке. В западных столицах, особенно в Вашингтоне, Бегина всегда встречали сердечно. Даже выхлопотали этому убийце Нобелевскую премию мира!

В. СОБОЛЕВ: Говоря о террористах, мы коснулись, что называется, кадров политики государственного терроризма. США стараются проводить эту политику через подставных лиц. Но их надо найти, подготовить, снабдить деньгами и оружием. Где же ищут? Да среди таких, как Бегин, как клановцы, неонацисты, недобитые сомосовцы,—среди отбросов человечества. После победы кубинской революции пособники диктатора Батисты нашли убежище в США. После разгрома американской интервенции во Вьетнаме тысячи палачей вьетнамского народа, помогавших интервентам, удрали в США. В разных концах Земли происходят сейчас прогрессивные преобразования. А кто не хочет мириться с ними, кто хочет вернуть потерянную собственность, власть—тех и подбирают американские секретные службы.

Но надо сказать, что вся эта публика не надежна. Она труслива, жадна до денег, ленива. Американские прислужники вечно грызутся между собой. А будучи в США и ожидая приказа, занимаются привычной уголовщиной, торговлей наркотиками. Американские руководители не очень им доверяют. Скажем, пытались кубинские контрреволюционеры закрепиться на Плайя-Хироне—их разбили за три дня. Бьют наемников в Никарагуа, в Кампучии, в Афганистане. Поэтому американские руководители стараются иметь под рукой собственных профессиональных террористов.

Н. АГАЯНЦ: Это тоже отребье человечества: бывшие уголовники, авантюристы, любители легкой наживы. Их называют «рейнджерами», «современными ландскнехтами», «дикими гусями», «солдатами удачи». Есть в США даже журнал для этих подонков—«Солджер оф форчун» («Солдат удачи»). В нем, например, печатают объявления, вроде таких: «Умею держать язык за зубами. Ищу работу в качестве наемника». «Готов на любое дело, если хорошо заплатят», «Владею в совершенстве холодным и огнестрельным оружием, специалист по организации диверсий».

Почему этим профессиональным убийцам власти США разрешают открыто предлагать свои услуги? Потому что в этих услугах нуждаются американские власти. В американской армии есть подразделения, укомплектованные такими головорезами. Это так называемые «войска специального назначения», «зеленые береты», «морские львы» (диверсанты-аквалангисты) и так далее. В разработанных министром обороны США К. Уайнбергером «Руководящих указаниях на 1984—1988 гг.» подчеркивается: «Мы должны возродить, всячески активизировать и укрепить наши войска специального назначения, чтобы демонстрировать мощь Америки там, где применение обычных вооруженных сил было преждевременным, неуместным или невозможным». За последние три года американское военное ведомство Пентагон направило своих головорезов в 27 зарубежных государств. Они выполняют работу разного рода, начиная от покушений на видных государственных деятелей, которыми недовольны в Вашингтоне, и кончая захватом целых государств. Немало лидеров освободительных движений погибло от рук наемных убийц: П. Лумумба и А. Кабрал в Африке, Че Гевара в Латинской Америке. Кубинские контрразведчики разоблачили десятки попыток покушения на Фиделя Кастро. Упомянем здесь и Гренаду, которая была захвачена подразделениями специальных войск США. Трагедия этой страны показывает, что Соединенные Штаты, приняв на вооружение политику государственного терроризма, не останавливаются ни перед чем для достижения своих корыстных целей.

В. СОБОЛЕВ: США на международной арене вообще делают ставку на силу. Они затеяли невиданную гонку вооружений в том числе и в космосе в расчете добиться превосходства над социалистическим содружеством. Так называемая «политика с позиции силы», которую провозглашают вашингтонские деятели, это по сути своей тоже политика террористическая. Однако империалистам никогда не удастся поломать достигнутого равновесия в военной мощи и запугать мир социализма. В то же время все реже удается проводить террористическую политику в отношении молодых развивающихся стран. Некогда такую политику именовали «дипломатией канонерок». Тогда достаточно было нескольких бронированных кораблей, чтобы сместить неугодное правительство в малой стране. Заступиться за жертвы «дипломатии канонерок» было некому. Теперь картина иная. Мы начали нашу беседу с Никарагуа. Этой стране сейчас нелегко. И все же Вашингтон не может заставить никарагуанцев покориться. Весь прогрессивный мир выступил на защиту маленькой свободолюбивой страны. Ни «рейнджерам», ни прочим террористам не удастся остановить освободительную борьбу народов. Без сомнения, политика государственного терроризма обречена на провал.

Рисунок Л. ХАЧАТРЯНА.

Лев РАЗГОН

ПЯТЬ ПУТЕШЕСТВИЙ ПРЖЕВАЛЬСКОГО*

ГЛАВЫ ИЗ КНИГИ «ОТКРЫВАТЕЛИ»

Рисунки Л. ХАЙЛОВА.

Новый роман Жюля Верна «Приключения капитана Гаттераса» вышел на русском языке в 1866 году. Читал ли его преподаватель географии Варшавского юнкерского училища, штабс-капитан Николай Михайлович Пржевальский?

Пржевальский любил знаменитого французского писателя, избравшего своей главной темой то, что с детства было мечтой Пржевальского,— путешествия. Герой нового романа Жюля Верна одержим страстью: он стремится открыть Северный полюс. Он терпит одну неудачу за другой и в последней экспедиции, не выдержав тягот и испытаний, сходит с ума — его настигает «полярное безумие». Верные друзья помещают Гаттераса в больницу и через какое-то время обращают внимание, что он ходит по коридору и палате всегда в одном направлении. Роман Жюля Верна заканчивается такими строками: «Доктор, внимательно наблюдавший за своим другом, вскоре разгадал причину столь странного упорства и понял, почему Гаттерас ходил все в том же направлении, как будто его притягивал незримый магнит. Капитана Джона Гаттераса неизменно отклоняло к северу».

Вспоминал ли драматический конец книги Николай Михайлович в октябре 1888 года, когда двинулся в свое пятое — и последнее — путешествие? Он понимал, что болен, что в сорок девять лет ему не перенести лишений, которые предстоят. Но незримый магнит в отличие от капитана Джона Гаттераса заставлял генерал-майора Николая Пржевальского отклоняться не на север, а на восток, только на Восток!

Усадьба «Отрадное» в Смоленской губернии, где 31 марта 1839 года родился Николай Михайлович Пржевальский, ничем не напоминала «дворянские

* Журнальный вариант.

гнезда», описанные в романах знаменитых русских писателей. Маленькая, бедная, без огромного дома с колоннами, без клумб, оранжерей, служб. Отец — отставной военный с очень небольшим достатком — умер, когда Николаю было всего семь лет. Домом и воспитанием детей занималась мать — красивая, волевая, умная, с решительным характером. Да еще няня Макарьевна, которая пользовалась в семье не меньшим авторитетом и диктаторскими правами. Всю жизнь Пржевальский ее любил преданно и верно.

Огромный сад в «Отрадном» сливался с лесом — необозримым смоленским лесом, где полно птиц и зверей, где можно бродить сутками, не встретив ни одного человека. Лес и стал главным в жизни маленького Николая. Книг в Отрадном нет, никто не заставляет сидеть за ними. Нет ни учителей, ни гувернанток, никому нет дела до того, как он одет, куда ходит. И никто не запрещает в любую погоду бродить часами, а то целыми днями по лесу.

Сделал лук и стрелы, научился охотиться, а когда ему исполнилось двенадцать лет, дядя подарил ружье. И стал Коля Пржевальский неутомимым охотником.

Но мать Пржевальского не собиралась делать из сына одинокого охотника. Сын должен пойти по стопам отца, стать военным. А для начала следовало пройти курс в губернской гимназии в Смоленске.

Учившиеся с Пржевальским в смоленской гимназии запомнили его сосредоточенным, замкнутым мальчиком, не имевшим близких друзей. Но и врагов он не имел — прямой, справедливый, всегда верный своему слову. Да и то сказать, кому хотелось быть врагом этого высокого парня, силача с железным характером и железными кулаками. Поражала всех, кто знал Пржевальского, его необыкновенная память. Товарищи забавлялись тем, что раскрывали на любой странице знакомую Пржевальскому книгу, прочитывали одну-две строки, а дальше Николай продолжал читать по памяти...

Николай Пржевальский окончил гимназию в 1855 году. Памятный для России год. Идет Крымская война; против России — целая коалиция европейских государств; впервые после 1812 года неприятель воюет на русской земле. Пржевальскому только шестнадцать лет, но он рвется на войну, убеждает мать, что это его долг перед отечеством. И уходит вольноопределяющимся в сводно-запасной Рязанский полк. Из вольноопределяющихся и юнкеров составили особую команду. Это были дворяне, из которых готовили офицеров.

Конечно, он был лучшим учеником, его поведение было примерным, но про этого унтер-офицера Рязанского полка офицеры говорили: «Он не наш, а только среди нас...»

В конце 1856 года Пржевальский был произведен в прапорщики Полоцкого пехотного полка.

Но на войну так и не поспел, и должен был тянуть дальше армейскую лямку. Его спасало от тоски только то, что каждый свободный час он проводил в лесу. Он один ходил по лесу, охотился, собирал растения. Доставал где только мог книги по ботанике и зоологии, собирал книги о путешествиях, географические карты.

Прочитал о русских на Дальнем Востоке, на реке Амур и попросился туда. В ответ на эту просьбу начальство его посадило под арест.

У офицера, желавшего вырваться из засасывающей трясины армейской жизни, был только один путь — держать экзамен в Академию Генерального штаба в Петербурге. Пржевальский добился поездки в столицу для участия в конкурсном экзамене. Он знал, что экзамен этот труднейший, что в нем участвуют офицеры из гвардии, из привилегированных частей армии. Но его это не пугало. Он занимался по шестнадцать часов в сутки. Один, без руководителей, испытывая нужду в учебниках. Вот когда помогла его феноменальная память!

Среди тех ста восьмидесяти кандидатов, которые претендовали на место в академии, а вакансий было только девяносто — Пржевальский самый бедный, самый провинциальный. Но экзамены он сдал блестяще и был принят одним из первых. Годы, проведенные в Петербурге, учение в академии стали для Пржевальского очень важными. Он легко, без больших усилий, учил военные дисциплины, блестяще сдавал экзамены. Имел время на книги по естественным наукам, истории, географии. Он мог ходить на публичные лекции и доклады в Географическом обществе. В Петербурге для этого возможности были неограниченные.

Пржевальский не только знал, что он хочет, но знал и кем он обязательно будет. Путешественником. Больше того, знал, где он будет путешествовать. Только на Востоке. Только в Азии.

Когда ему предложили в академии выбрать тему для дипломного сочинения, он выбрал тему «Военно-статистическое обозрение Амурского края». Сочинение молодого офицера было настолько блестящим, что в 1864 году Пржевальский принят в члены Российского географического общества. Ему 25 лет. «Академисту» присвоили звание поручика и отпустили в полк.

Но жизнь в полку для Пржевальского скучна. Открылась вакансия преподавателя географии в Варшавском юнкерском училище.

Пржевальский без колебаний принимает предложение.

Варшава. Блестящий город с театрами, библиотеками, концертными залами, с обществом образованных, интересных людей. Но Пржевальский не посещает театры и концерты, не ходит в гости. Он занят чтением, изучением карт, трудов, посвященных Азии. Он одинок и говорит: «Моя профессия не позволяет жениться». Он имеет в виду профессию путешественника. Ибо только эта профессия и была его единственным и настоящим призванием.

Но это вовсе не значит, что Пржевальский плохой учитель! Нет, учителем он был прекрасным. На его лекции приходили ученики из других классов училища, ученики его любили беззаветно. Собранная им большая библиотека снабжала книгами всех желающих. И многие его ученики так и не стали военными. Они уходили дальше учиться в университет — на естественные отделения; или в Земледельческую академию — становились лесниками, зоологами, преподавателями географии и ботаники.

В 1866 году штабс-капитан Пржевальский подает заявление о переводе в Туркестанский край. Это не та Азия, о которой он мечтал, но все же Азия! И тут начинается «полоса везения», без которой нет ни одного успешного путешествия и ни одного великого путешественника. Пржевальского причисляют к Генеральному штабу, с назначением в Восточно-Сибирский военный округ. Тот самый округ, где и была настоящая полуоткрытая Азия, о которой он мечтал.

В марте 1867 года Пржевальский едет в Петербург. В Географическом обществе встречается с Петром Петровичем Семеновым, который определил судьбу большинства русских путешественни-

ков прошлого столетия. Семенов одобряет все планы будущих путешествий Пржевальского, снабжает его письмами и рекомендациями, обсуждает с ним все, что может ему помочь или помешать...

В Иркутске, сибирской «столице», где размещается штаб военного округа, существует и отделение Географического общества, издаются газеты, живут и работают множество образованных людей. Его встречают хорошо, но с некоторым удивлением: не знающий этих мест штабс-капитан рвется в далекое путешествие, за Амур, где еще не бывали русские ученые.

Ему удается получить согласие на длительное путешествие. И Пржевальский со страстью готовится к нему. На все свои деньги и небольшую денежную помощь Географического общества выписывает из Петербурга географические карты, зоологические атласы, ботанические справочники. В письмах к матери пишет: «Я рад до безумия! Главное, что я один и могу свободно распоряжаться своим временем, местом и занятием».

ПУТЕШЕСТВИЕ ПЕРВОЕ

С несколькими казаками Пржевальский переправляется через Байкал. Проходит через все Забайкалье — тысячи верст почти без всякой остановки до Сретенска на Шилке. Спускается на лодке по Амуру до маленького селения Хабаровск, плывет до озера Ханка на границе с Китаем и там делает остановку.

Его душа путешественника, охотника и ученого совершенно потрясена. Он пишет: «За время пребывания на Уссури и Ханке я успел собрать более 1200 растений, несколько земноводных, сделать 60 чучел птиц и нашел 22 вида птиц неизвестных до сих пор. Работы гибель, так что я сплю не больше 5 часов в сутки». Да, путешествовать — значит работать! Вот когда он понял эти слова Петра Петровича Семенова! Существует известная фотография. Пржевальский, возвратившийся с охоты на озере Ханка. Веселый, загорелый, обвешанный подстреленными птицами, похож на богатого помещика, занимающегося охотой для собственного удовольствия. А в действительности вслед за такой удачной охотой идут многие часы определения по атласам и справочникам птиц и растений, изготовление чучел и этикеток, подробные записи в дневнике, тщательная упаковка собранных коллекций, отправка их в Иркутск...

После озера Ханка Пржевальский движется дальше на восток. Через Сучан выходит к Тихому океану. И тут, стоя на берегу океана, он, человек сдержанный, даже замкнутый, не может сдержать радость. Сколько лет и каких усилий стоил ему этот путь до крайней точки страны!

Но надо было спешить. Уже надвигалась зима. Зимовать решил на столь полюбившемся ему озере Ханка. Там, пожалуй, было теплее и удобнее чем где бы то ни было. Но путь к озеру вел через хребет Сихотэ-Алинь. Надо было искать проходы через снежные перевалы. А мороз при почти ураганном ветре доходил до двадцати восьми градусов по Реомюру. В письме с первого привала Пржевальский писал: «Этих мест, куда я забрался, пожалуй, не знает и сам дьявол»...

Но в небольшом отряде никто не гнушался никакой работой. Отряд был военным: он состоял из казаков и офицера-начальника. Этот начальник был требователен, но справедлив. Он заставлял всех много трудиться, но сам делал больше других. И в отношениях между ним и казаками не возникало той непроходимой стены, которая в России всегда разделяла солдат и офицеров.

Зимовка на Ханке была нелегкой. Нелегко было укрыться от холода, от пронизывающих ветров. Иссякли запасы продовольствия, и стало голодно. С трудом и великим нетерпением дождались весны. Зато весна на озеро пришла такой, какой Пржевальский не мог себе представить. Он писал: «Стада гусей и уток во время пролета можно уподобить разве тучам саранчи, но и это, пожалуй, будет слабым сравнением».

Эти места, уже включенные в русскую империю и нанесенные на карты, оставались совершенно неисследованными в научном отношении. Ландшафт, почвы, водные ресурсы, животный и растительный мир — вот чем занимался Пржевальский и его помощники. Лето и осень были заполнены научными открытиями.

Новая зима заставила экспедицию остановиться в городе Николаевске — маленьком городишке в устье Амура. Зимовка в этом городе казалась Пржевальскому еще тяжелее, нежели на озере Ханка. Предстояло не только обрабатывать собранное для перевозки в Петербург, но и готовиться к следующей экспедиции.

В 1870 году Пржевальский вернулся в Петербург, где он отсутствовал три года. Географическое общество восторженно встретило путешественника. Оно устроило выставку коллекций, привезенных

Пржевальским, организовало ряд публичных лекций русского путешественника. На лекции Николая Михайловича Пржевальского приходило множество людей: преподавателей и студентов университета, Горного института, журналистов и публицистов. Военное начальство никак не могло определить свое отношение к офицеру, более похожему на ученого, нежели на штабного работника. Но сам Пржевальский уже сделал свой выбор. Он говорил: «Я всегда готов выйти в отставку и посвятить себя исключительно на посильное служение науке».

Он напечатал в Петербурге статью о жалком и унизительном положении казаков в Уссурийском крае, с которыми он проделал свое путешествие. И эта статья, возбудившая негодование у иркутских чиновников, не могла понравиться и петербургскому начальству. Но поздно было превращать офицера генерального штаба в обычного штабного служаку. Да и сам Пржевальский делал все возможное, чтобы поскорее покинуть столицу, где ему трудно дышалось после степных просторов Дальнего Востока.

Следующая экспедиция обещала быть продолжительной и трудной. На деньги военное начальство скупилось, у Географического общества их было мало, и Пржевальскому пришлось принять на себя большую часть расходов. Особенно он старался обеспечить экспедицию хорошим оружием и большим запасом боеприпасов. Он знал, что пищу придется добывать охотой.

ПУТЕШЕСТВИЕ ВТОРОЕ

О задачах этого путешествия Пржевальский писал в докладной записке Русскому географическому обществу:

«Вся восточная нагорная Азия от гор Сибирских на севере до Гималайских на юге и от Памира до собственно Китая до сих пор так мало известна, как Центральная Африка... Даже об орографическом строении всей этой громадной площади мы имеем большей частью лишь гадательные данные; о природе же этих стран, т. е. об их геологическом строении, климате, флоре и фауне мы не знаем почти ничего».

Путешествовать на этот раз предстояло по чужой стране, веками недоверчиво и даже враждебно относившейся к иностранцам. Но сначала необходимо было в столице Китая получить разрешения посетить малоизвестные окраины этого огромного государства.

Жить в Пекине пришлось немного дольше, чем предполагалось. Получение разрешения на путешествие было обставлено такими оговорками и проволочками, что у Пржевальского кончалось уже терпение. Наконец, разрешение получили и можно было начать путешествие.

Возможности отряда Пржевальского были небольшими: восемь верблюдов и две лошади. Пока отряд шел по Центральному Китаю, все обстояло хорошо. Пересекли великую китайскую Желтую реку — Хуанхэ, прошли узкими и пыльными дорогами вдоль полей, где тщательно обработан каждый клочок земли и каждая травинка, казалось,

взята на учет... Чем ближе к Монголии, тем скуднее и безжизненней становилась природа, тем реже и беднее попадались города и деревни.

Главной же целью Пржевальского была таинственная, малоизвестная «страна Тангутов», откуда начинался Тибет — уже и вовсе неизвестная страна, где еще не побывал ни один европеец. Но, чтобы подойти к Тибету, надо было пройти пустыню Гоби и всю Внутреннюю Монголию.

Испытание пустыней было для Пржевальского и его отряда совершенно новым и непривычным. Гоби и Монголия ничем не напоминали забайкальские степи с их богатейшей растительностью, неистощимой живностью. Охотиться тут было не на кого. Пользоваться приходилось продуктами, которые взяли с собой. На путешественников обрушивались песчаные бури. Дневная жара, от которой негде было укрыться, сменялась такими ночными холодами, что замерзала вода. Там, где по рассказам проводников были колодцы, их не находили, или они оказывались совершенно сухими. Случались дни, когда на всю экспедицию оставалась половина ведра воды, а то и вовсе несколько стаканов. Пить давали по одному глотку...

Начались болезни. Пали все верблюды и одна из двух лошадей. На единственную теперь лошадь погрузили остатки провианта, патроны и инструменты. Путешественников спасало только то, что иногда им удавалось наткнуться на юрту кочевого монгола и там отсидеться от песчаной бури, купить немного продовольствия. Ночевка в такой юрте казалась Пржевальскому и его спутникам верхом роскоши: тепло, в очаге тлеет аргал — сухой навоз, в золе печется лепешка, греется котелок, и можно напиться крепкого кирпичного чая перед выходом в путь.

Но чаще приходилось ночевать под открытым небом. Даже зимой. Сильный ледяной ветер рвет полотнище с трудом устанавливаемой палатки. Несмотря на усталость от дневного перехода, надо в степи искать и собирать для костра сухой навоз, искать и рубить лед, чтобы превратить его в воду. Рубить превратившийся в камень кусок оставшегося мяса. Есть приходилось только два раза в сутки. Завтрак — чай и лепешка. Обед был и ужином: кусок мяса, лепешка и кружка кирпичного чая. Как бы предупреждая тех, кто в путешествии видит лишь экзотику и романтику, Пржевальский в книге о своих путешествиях сурово предупреждал: «Путешественнику в азиатских пустынях необходимо оставить дома всякую брезгливость, иначе лучше не путешествовать. Цивилизованный комфорт даже при больших материальных средствах здесь невозможен; никакие деньги не переменят соленой воды на пресную, не уберегут от жары, морозов и пыльных бурь. В самом себе должен искать путешественник силы для борьбы со всеми этими невзгодами».

В самом себе искал и находил силы Николай Михайлович Пржевальский. И становился источником силы для своих товарищей по путешествию. Пржевальский отнюдь не был мягким человеком. Он обладал властным, не терпящим возражений характером. Но он не пользовался никакими бытовыми преимуществами и наравне с другими делил все без исключения тяготы путешествия по пустыне и горам. И если постелью в пути оказывался

кусок грязного войлока, который стелили прямо на мерзлую землю, то этот кусок истончившегося войлока у начальника экспедиции был точно таким же, как и у всех. И обращался к своим казакам Пржевальский словом «товарищи». А в конце каждого путешествия возбуждал ходатайства о награждении рядовых участников экспедиции очередными чинами и деньгами.

Казаки, бывшие с ним в путешествии, писали ему в Петербург: «Память о вас перейдет из рода в род; с вами готовы в огонь и воду...» И когда Пржевальский писал в своей книге, что успехи экспедиции зависели от стойкости и сплоченности всех ее участников, то он это писал не для красивого словца — это была правда.

Но вот Пржевальский углубился в «Страну Тангутов». По пути им встретилось озеро Куку-Нор, дальнейший путь шел по горам, ведшим в Тибет. Уже встречались караваны с тибетцами. Экспедиции приходилось иметь дело с местными горными племенами дунганов и тангутов. Но силы экспедиции убывали. Иссякли запасы. Возникла опасность растерять в трудной дороге коллекции, собранные за три года. Надо было возвращаться...

Отряд Пржевальского возвратился в главный город Монголии — Ургу (теперь это Улан-Батор), а затем вышел к Кяхте — первому русскому городу на границе с Китаем. Они пришли, как писали потом, «утратившие человеческий облик»: оборванные, покрытые ранами и грязью, совершенно обессилевшие, но не бросили в пути ни одного ящика с чучелами птиц и зверей, с гербариями растений, с картами и дневниками. За три года своего непрерывного путешествия отряд Пржевальского прошел одиннадцать тысяч верст.

Начался 1874 год. Петербург встретил Пржевальского восторженно. Три года за его путешествием наблюдала не только Россия, но и европейские ученые, европейская пресса.

Из привезенных коллекций Русское географическое общество устроило выставку, на которую стекался «весь город». Даже царь полюбопытствовал — явился и высказал одобрение. В Соляном городе — районе Петербурга, где помещался главный лекционный зал столицы,— лекции Пржевальского о его путешествии собирали тысячи людей. Пржевальский, получивший очередной чин подполковника, теперь стал гордостью Генерального штаба, где он числился. Офицеры Генштаба собрали тысячу рублей и заказали для Пржевальского в Лондоне оружейной фирме «Ланкастер» охотничий штуцер, каких было в Европе только три штуки...

Но сам Пржевальский меньше всего собирался пожинать плоды своих успехов в Петербурге. Он уже думал о новом, самом главном своем путешествии. Но прежде следовало ознакомить научный мир с результатами своего трехлетнего путешествия. Пржевальский выезжает в свою смоленскую глушь и там пишет книгу «Монголия и страна Тангутов. Трехлетнее путешествие в Восточной нагорной Азии». Книга вышла в 1876 году, и успех ее был огромен. За эту книгу Географическое общество присудило Пржевальскому самую свою высокую награду — Большую золотую медаль. Он был избран членом-корреспондентом Географического общества в Берлине и Париже.

ПУТЕШЕСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Началось оно в 1876 году. И ничто не предсказывало, что это будет не старт, а «фальстарт», как это называется в спорте.

Из Петербурга отряд Пржевальского по старой, испытанной дороге добрался до Семипалатинска, через Омск доехал до Кульджи и Верного. Он переправился через Или, углубился в Тянь-Шань и горным перевалом вышел к озеру Лоб-Нор. По плану Пржевальского отсюда должен был начаться путь к главной его цели — Тибету. Но здесь-то Пржевальского настигает первая настоящая неудача — он заболевает. Болезнь серьезная, даже железный организм Пржевальского навряд ли мог выдержать ее в условиях трудного путешествия. Пришлось возвращаться...

Два года ушло у Пржевальского на подготовку к возобновлению путешествия. И эти два года не прошли для него даром. Пржевальский постарался, чтобы в экспедиции были люди, которые могли стать не только его помощниками, но в будущем путешественниками, как и он. Он долго и тщательно подбирал таких людей. Выбор его пал на двух молодых людей, имевших нужные географические знания и не боявшихся трудностей путешествия по Азии. Ими были Федор Эклон и Всеволод Роборовский. Отряд Пржевальского состоял из тринадцати человек. Все они во главе с начальником экспедиции, произведенным уже в чин полковника, были военными. Местные, семиреченские казаки и два помощника Пржевальского, получившие младшие офицерские чины.

В январе 1879 года экспедиция выехала из Петербурга и быстро добралась до Семипалатинска. База экспедиции находилась в маленьком городке Семиречья-Зайсанский. Предстояло на этот раз двигаться в сторону Тибета, в места совершенно незнакомые, без карт, не всегда рассчитывая на опытных проводников. Поэтому все продовольствие и снаряжение надо было брать с собой. Поклажу погрузили

на тридцать верблюдов, кроме того, экспедиция имела восемь лошадей.

Степи, расположенные в предгорье, были раем для охотника. Множество антилоп, куланов... Здесь-то и обнаружили прежде неизвестный тип дикой лошади, получившей затем название «Лошадь Пржевальского». Но охотой некогда было увлекаться. Начинались горы, а приближалась осень и зима. Сначала караван шел по заброшенным караванным дорогам. Собственно, никакой настоящей дороги не было. Она обозначалась лишь мрачными приметами болезней, голода, нападения: костями верблюдов и лошадей, человеческими черепами...

Скоро отряд утерял и эти приметы. Он шел по еле угадывающейся тропе, а то и вовсе без всяких признаков дороги, там, где удобнее пройти животным. Идти приходилось пешком: верблюды и лошади были сильно навьючены. Кроме того, верблюды и лошади могли свалиться в пропасть, и самое ценное — оружие, инструменты, карты — приходилось нести людям. Каждый участник, не исключая начальника, нес по полпуда груза.

Наступал октябрь, уже прошли снеговую линию. Начались холода, снежные бураны. Ночлег устраивали под какой-нибудь скалой; огонь был скудным; собранный в горах сухой навоз больше чадил, чем грел, на приготовление чая уходило несколько часов. Но путешественники были бодры, показывал пример сам Пржевальский. Иногда устраивалась дневка, и Пржевальский уходил в горы: увидеть сверху нужный перевал, набросать на карту хребты, а то и просто полюбоваться суровой и прекрасной картиной, открывающейся ему. И была у него потребность иногда побыть одному... Вспоминая свое путешествие, он сказал: «Сколько раз я был счастлив, сидя одиноким на высоких горных вершинах! Лучшим делается человек в такие минуты. Словно, поднявшись ввысь, он отрешается от своих мелких помыслов и страстей. Могу сказать — кто не бывал на высоких горах, тот не знает грандиозных красот природы».

Чем дальше углублялся караван в горы Тибета, тем приходилось труднее. Верблюды и лошади скользили на обледенелых тропинках. Приходилось песком или глиной посыпать дорогу. Все сложнее становилось находить хоть сколько-нибудь ровное место для ночевок. Первыми не выдержали, казалось бы, самые неприхотливые животные — верблюды. Этим «степным кораблям» были непривычны горы, они падали и ломали ноги, несколько верблюдов погибло. Началась бескормица. Труднее всего было найти продовольствие для животных.

Но самые большие опасности ждали впереди. И угроза исходила не от усиливающихся снежных метелей, не от холода, а от людей. Единственная дорога соединяла Тибет и ее столицу Ахассу со всем остальным миром, и те караваны, которые по этой дороге шли, часто подвергались нападению воинственного племени еграев, бравших дань от путешественников, а то и просто грабивших их и убивающих. Караван русских показался им легкой добычей, они знали, что он малочислен. На перевале Тан-Ла еграи напали на отряд Пржевальского.

Но караван на сей раз состоял не из купцов... В отряде были профессионалы — военные, умеющие метко стрелять, располагающие хорошим оружием и неограниченным запасом патронов. И командовал отрядом решительный и храбрый человек. Бой был жестоким, нападающие понесли большие потери. Среди людей Пржевальского никто не пострадал.

Но слух о том, что в горах по направлению к столице Тибета движется вооруженный отряд русских, вызвал панику в Тибете. Навстречу Пржевальскому выехали вооруженные тибетцы, объявившие о том, что дальше без разрешения тибетских властей двигаться нельзя. Пржевальский принимал тибетцев по всем правилам этикета: в полковничьем парадном мундире, со всеми орденами... Тибетцам со всей любезностью была передана заранее приготовленная бумага с просьбой разрешить путешественникам, имеющим чисто научные интересы, приехать в столицу Тибета.

До этой столицы оставалось всего двести пятьдесят верст. Но они оказались непреодолимыми. Проходили недели за неделями, и становилось очевидно, что тибетцы не собираются пускать русских дальше. Маленький лагерь отряда расположился на большой высоте. В разреженном воздухе непривычным к горам людям было трудно дышать. Холода становились нетерпимыми. Продовольствие иссякло. Тибетцы не только не снабжали продовольствием, но и выказывали откровенную враждебность. По ночам приходилось выставлять караулы. Верблюды ослабели, передвигаться дальше пришлось бы на яках, но достать их можно было только у тибетцев.

Наконец, пришел ответ из Ахасси. Русским категорически запрещалось двигаться к священной столице тибетцев. Она закрыта для иностранцев. Это было большим разочарованием для Пржевальского, для всех его помощников. В столице Тибета не побывал еще ни один европеец, и эта заманчивая для каждого путешественника цель, казалось, так близка.

Пришлось возвращаться. В разгаре зимы, с ослабевшими людьми и животными, без кормов для верблюдов и лошадей и продовольствия для людей. Конечно, поход по Тибету не был зряшным. Пржевальский и его помощники первыми обследовали и занесли на карты серединный Тибет. Разрешились многие загадки географии этих пустынных, неизвестных мировой науке мест.

В месяцы, которые экспедиция провела в горах Тибета, она была совершенно отрезана от всего мира. Русское посольство в Пекине полгода не имело никаких известий об экспедиции Пржевальского. Считали, что она погибла в горах Тибета.

Но Пржевальский и его товарищи были живы. Теперь они двинулись обследовать верховья Хуанхэ — Желтой реки. Для географа это интересные и совершенно своеобразные места. Пржевальский писал в своей книге: «Идешь по луговому плато, совершенно гладкому, как вдруг под самыми ногами раскрывается страшная пропасть, по дну которой обыкновенно течет река». Пржевальский нанес на карты не только рельеф, но и почвенные особенности верховьев Желтой реки.

В одной из своих публичных лекций в Петербурге Пржевальский с досадой заметил, что широкая публика судит о путешественниках по пережитым ими приключениям,трудностям пути, опасностям и мало обращает внимания на ежедневную кропотливую работу. А в ней-то и состоит самая суть любого путешествия. Пржевальский и его помощники ВПЕРВЫЕ нанесли на карту Центральной Азии 11470 верст гор, равнин, рек, ущелий... И это было главной гордостью участников экспедиции.

После девятнадцати месяцев третьей экспедиции надо было возвращаться в Россию, чтобы там распаковать и привести в порядок собранное, написать очередную книгу о путешествии. Через Монголию Пржевальский доходит до Урги, а затем после короткого отдыха до Кяхты. Это уже Россия! И можно перевести дух, оглянуться на пройденный путь, подумать о будущем.

Ноябрь 1879 года. Пржевальский возвращается через Пишпек — Верный — Семипалатинск — Оренбург. На этот раз его возвращение носит совершенно триумфальный характер. Все газеты России и Европы сообщают, что экспедиция Пржевальского не погибла и возвращается домой. Во всех городах его встречают делегации и поздравительные телеграммы. В Оренбурге ему и его спутникам дают отдельный вагон-салон, в Петербурге его ожидает на вокзале торжественная встреча: сановники, академики, генералы, ученые, литераторы... Его тащат на встречи, обеды, выступления. Пржевальский с трудом выкраивает время, чтобы написать докладную записку о своем путешествии. Он ее заканчивает словами: «Всем я, как руководитель дела, обязан прежде всего смелости, энергии и беззаветной преданности своих спутников».

Пржевальского награждают, присваивают звания, вручают дипломы. Смоленск избирает его своим почетным гражданином. Почти все русские и многие иностранные научные общества избирают Пржевальского своим почетным членом. Прежде ему с трудом удавалось выпросить несколько сот рублей на инструменты для экспедиции. Теперь Петербургская городская Дума избирает Пржевальского почетным гражданином Петербурга, ассигнует тысячу пятьсот рублей на то, чтобы заказать портрет Пржевальского и поместить его в Думе. Пржевальский не без досады ответил Думе: «Решаюсь откровенно объяснить, что был бы весьма счастлив, если бы взамен постановки моего портрета, городская Дума нашла возможным упот-

ребить ассигнованные на то деньги для целей благотворительных, например, для устройства стипендий при одном из здешних реальных училищ...»

Конечно, Пржевальскому было приятно внимание к его путешествию научной общественности, приятно, что на его лекциях не было ни одного свободного места. Но его мучили светские обязанности. Надо было скорее уезжать из Петербурга. Он дарит свои коллекции Зоологическому музею и Ботаническому саду, а сам отправляется на свою Смоленщину.

В самом глухом углу губернии, в восьмидесяти верстах от ближайшей железнодорожной станции Ярцево, он покупает имение — Слободу. Там было все, что Пржевальский любил в природе: густые, нетронутые леса, реки, два озера, обилие рыбы, зверей и полнейший отдых от каких бы то ни было светских обязанностей. Он сообщает друзьям: «Написав что нужно, снова махну в пустыню, где при абсолютной свободе и деле по душе, конечно, буду стократ счастливее, нежели в раззолоченных салонах».

В Слободе Пржевальский написал книгу «Из Зайсана через Хами в Тибет и в верховья Желтой реки». Книга эта была интересна и значительна не только тем, что содержала множество научного материала, но и живостью изложения. В ней передавался характер путешественника, раскрывалась его психология. Пржевальский говорит: «Путешествие для человека, искренне ему преданного, представляет величайшую заманчивость ежедневной сменой впечатлений, обилием новизны, сознанием пользы для науки». Когда эта книга вышла в свет, она возбудила огромный интерес во всем мире, была переведена на другие языки, стала любимой книгой многих молодых читателей.

Но мысли Пржевальского уже заняты новым путешествием. И опять на Восток. Маршрут будущей экспедиции он уже наметил: снова Монголия, Китай, верховья двух великих китайских рек, бассейн озера Лоб-Нор. В том, что ему теперь дадут для путешествия все, что потребуется, он не сомневался. Он думал о своих помощниках: кого возьмет с собой?

Конечно, испытанных в трудах и опасностях Эклона и Роборовского. Но открылась возможность взять еще кого-нибудь. Нет, конечно, не «кого-нибудь», а снова человека, из которого может выйти настоящий путешественник. В желающих путешествовать с Пржевальским недостатка не было.

Он получал десятки писем с предложением услуг, некоторые особенно настойчивые претенденты не ленились даже приехать в его глухой угол. Но Пржевальский оставался равнодушен, если видел в желающих стать путешественниками жажду славы, поиски приключений... Он отыскал нужного ему человека около себя.

Близ Слободы находился винокуренный завод, и работал у его арендатора молодой конторщик Петр Козлов. Отец его батрачил у богатого скотопромышленника. Мальчиком Петя Козлов не один раз прошел пешком по России, гоняя гурты скота. Отец его все же отдал учиться в городское училище в маленьком городе Духовщине. И когда Петр окончил училище, устроил его конторщиком на винокуренный завод.

Завод стоял в самом глухом углу губернии, туда не так уж стремились более удачливые молодые люди.

Книга Пржевальского «Монголия и страна Тангутов» стала любимой книгой молодого конторщика.

Он вырезал из газет, доходивших до Слободы, все статьи и заметки о Пржевальском. В одной из них президент Лондонского географического общества Алькок писал, что путешествия Пржевальского по стране тангутов и Тибету превосходят все, что обнародовано со времен Марко Поло. И этот путешественник жил рядом...

Вероятно, Козлов никогда не рискнул бы заговорить с Пржевальским. Но однажды, в закатный час, Пржевальский обратил внимание на странного заводского конторщика, который с увлечением разглядывал небо... Проходя мимо, Пржевальский спросил юношу: «Чем вы занимаетесь?» Козлов ответил: «Любуюсь красотой неба, которое там у вас в Азии, должно быть, еще чище, еще прозрачнее...»

Образование Петра Козлова было ничтожным. Что, кроме грамоты, могло дать училище в маленьком городке? Но он жадно читал, и это были книги о путешествиях, истории, ботанике и зоологии. Пржевальский пригласил Козлова помогать ему в разборе коллекций, изготовлении чучел, приведении в порядок библиотеки, географических карт и зоологических атласов. И стал его брать с собой на охоту. Сутками бродили они по болоту, по лесным чащобам. Молодой конторщик оказался неутомимым охотником, человеком, не боящимся никаких лишений и трудностей. Это был верный человек, из которого мог выйти толк!

И толк из него вышел. Петр Кузьмич Козлов прожил долгую жизнь (умер семидесяти лет в 1935 году) и прославил свое имя как один из самых смелых путешественников по Азии, исследователь неприступных пустынь. Он открыл для науки засыпанный песками центр древней цивилизации — город Хоро-Хото.

Чтобы попасть в экспедицию Пржевальского, составленную как всегда, из одних военных, Козлов пошел вольноопределяющимся в солдаты. И, занимаясь только путешествиями, дослужился до генерал-майора.

ПУТЕШЕСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Летом 1883 года в. Петербурге Пржевальский готовит свое четвертое путешествие. Теперь уже ему ничего не приходилось выпрашивать. Ему отпускали все, что он просил. Первоклассное оборудование, специальные консервы, медикаменты, инструменты, оружие. Он брал с собой трех помощников, ему выделили нужное количество казаков. Он отправлялся снова на два года.

Что испытывает за два долгих года горсточка людей, путешествующая по незнакомой им земле, без карт, часто без проводников, нередко окруженная враждебными племенами? Этим вопросом задавались многие ученые и писатели, когда впоследствии думали о жизни Пржевальского. Хотя в этих путешествиях случалось то, что именуется «приключениями», но они влекли в неизведанные места Пржевальского и всех его помощников, начиная от офицеров и кончая казаками.

Один из помощников Пржевальского, поручик Всеволод Иванович Роборовский, потом, много лет спустя, часто думал об этом. Что его привело к Пржевальскому? Выходец из небогатой дворянской семьи, он окончил в Гельсингфорсе юнкерское училище, был выпущен в полк. Его жизнь могла катиться по испытанной и проверенной дороге профессионального военного, кадрового офицера. В свое время получал бы очередные звания, мог жить спокойной семейной жизнью. В отставку бы вышел в полковничьем звании, с достаточной пенсией.

Когда товарищ по гимназии, прапорщик Эклон, познакомил его с Пржевальским, он понял, что, оказывается, может быть совершенно другая жизнь. С другими целями, с поисками неизвестного, с ежедневной новизной.

После первого своего путешествия с Пржевальским Роборовский знал, что вся его дальнейшая жизнь станет тревожной, напряженной, трудной, но очень счастливой.

Небольшой отряд Пржевальского состоял из людей разного положения, воспитания, возраста. Но все они были объединены чувством товарищества перед лицом пустыни, лишений и опасности. Никогда Всеволод Роборовский и все другие не испытывали в путешествиях с Пржевальским одиночества, тоски. Рядом всегда были друзья — семья... И никого не удивляли слова Пржевальского о том, что он не хочет умирать дома, что он предпочитает умереть в путешествии на руках отряда — его семьи...

Всеволод Иванович Роборовский продолжил дело своего учителя. Он стал путешественником, исследователем. Но позже, в путешествиях без Пржевальского, уже не испытывал ничего подобного тому, что чувствовал в отряде Пржевальского. И вспоминал, вспоминал...

...Обычная ночевка отряда в нагорьях Тибета, где кончается пустыня. Закончен трудный дневной поход. Ночь наступила сразу, и дневной зной уже сменился холодом. Сразу остыла раскаленная земля, с дальних Тибетских гор потянуло холодом ледников и снежных вершин.

В черноте ночи слышно почмокивание отдыхающих верблюдов. Костер горит особенно ярко — в него подброшены собранные в пути ветки саксаула, в ведре варится каша — обед и ужин. Он одинаков для всего отряда — и для полковника Пржевальского, и для казака. Вокруг костра разложены войлочные матрацы, в изголовье — седла, рядом — оружие.

Каша будет вариться долго: они уже высоко в горах, и воздух разрежен. Вода закипает скорее, но крупа разваривается долго и нехотя... Почти все лежат на своих подстилках, ожидая ужина. Только Пржевальский, как будто и не устал вовсе, ходит вокруг костра и рассказывает, что может их ждать по пути к большому озеру Лоб-Нор. А иногда вместо деловых разговоров, вместо разбора итогов дня начальник отряда начинает читать стихи. Пржевальский знает множество стихов, он любит их

читать вот в такие вечера, когда благополучно прошел день, не было никаких досадных происшествий, все здоровы и завтрашний день сулит новые земли, горы, колодцы... Он читает любимое: Байрона, Лермонтова, Баратынского...

От стихов отрывает призывный возглас кашевара. Поспел ужин. Он занимает немного времени. Последние наставления начальника, и остается у тлеющего костра дежурный с винтовкой. Лагерь мгновенно засыпает, чтобы завтра рано утром проснуться от зычного и укоризненного голоса Пржевальского: он всегда встает первым.

Трудной оказалась эта четвертая экспедиция. Не только потому, что, как всегда, Азия не баловала ни ласковой погодой, ни обилием воды и растительности... Пржевальский много времени уделял чисто научной работе. Теперь у него было достаточно людей и помощников, и он стремился как можно точнее нанести на карты хребты, ущелья, измерить вершины, установить границу снеговой линии.

И много времени они посвятили исследованию озера Лоб-Нор. Они все же пришли к этому озеру, где до них не появлялся ни один европейский путешественник. Озеро было большим, вокруг него на просторных землях, заросших высокими травами, бродили стада антилоп. Тут они увидели животных, которых знали только прирученными,— диких лошадей, диких верблюдов. В камышах озера жили огромные стаи птиц невиданных прежде. После раскаленной пустыни, после обрывов и осыпей Тибетского нагорья земли вокруг Лоб-Нора казались раем, как будто специально созданным для их отдыха.

Но долго отдыхать не пришлось. Пржевальский торопил отряд. Предстояло от Лоб-Нора двигаться к Монголии и пройти ее совсем в другом направлении, нежели в предыдущих экспедициях. На этот раз Пржевальский шел не к Кяхте, а к Тянь-Шаню и Туркестану, к огромному и прекрасному Иссык-Кулю. Много озер повидал на своем бродячем веку Пржевальский, но никогда он не встречал ничего прекраснее. И вспоминал рассказы о нем Петра Петровича Семенова — первого из европейцев, кто открыл это синее чудо. Когда они вернулись на территорию России, можно было отдыхать по-настоящему: без ночлегов у костра, без ночных дежурств, без ощущения опасности. Они жили в маленьком военном городе Караколе, которому было от роду всего девятнадцать лет. Казаки приводили себя в порядок. Роборовский, Энгол и Козлов упаковывали в ящики собранные коллекции для отправки в Петербург.

Окончилось четвертое путешествие. А Пржевальский, как и раньше, думал уже о новом — самом заветном. Он еще раз пройдет по Центральному Тибету, уговорит тибетцев пропустить его в заветную, скрытую от глаз европейцев столицу Ахассу... Но прежде надо вернуться в Петербург.

Как повелось, приезд Пржевальского в столицу вызвал восторженный шум. Ему присвоили звание генерал-майора; Академия наук изготовила золотую медаль с портретом Пржевальского и надписью: «Первому исследователю природы Центральной Азии». Но жизнь в столице для него тяжела, и он снова уезжает в свою Слободу. Дом там построен по его рисункам, по его вкусу. Он наполнен трофеями охоты в горах, степях и пустынях. Его кабинет увешан картами путешествий, собрана прекрасная библиотека. А вокруг непроходимые леса и болота, где он любит бродить и охотиться. Вот только все чаще ловит он себя на том, что исчезла прежняя легкая походка, всегдашняя готовность бросить дом и в любую погоду пойти бродить на целый день. А то и два, и три... Пржевальский погрузнел, его фигура расплылась, и появилась одышка. И то сказать, скоро ему стукнет полвека. А может быть, и не в годах дело?

Но, как всегда, Пржевальский задуманное доводит до конца. За полтора года заканчивает книгу, тщательно вычерчивает план будущего путешествия. На этот раз оно будет более стремительным: не через Сибирь, как обычно, а через Среднюю Азию — и в Тибет!

Но как-то печально на этот раз начиналась новая экспедиция. Умерла в Слободе няня Макарьевна, единственно близкий и любимый человек. Оказалось, что по семейным обстоятельствам не может поехать в это путешествие испытанный помощник и спутник — Эклон. И вдруг Пржевальский почувствовал груз своих сорока девяти лет.

Но он преодолел непривычное для себя состояние. С ним ехали его друзья и помощники — Роборовский и Козлов. Он приготовил много подарков для тибетских монахов. Придумал ряд приспособлений для путешествия по горным тропам, по осыпающимся склонам, для ночевок в горах.

ПУТЕШЕСТВИЕ ПЯТОЕ

На этот раз базой экспедиции стал Пишпек (теперь это город Фрунзе). Тут они приобрели вьючных животных, подобрали состав экспедиции,

подготовили вьюки. В свободное время Пржевальский уезжал в долину реки Чу — в то самое Боамское ущелье, где ночевал много лет назад Петр Петрович Семенов перед тем, как подъехать к Иссык-Кулю. Ущелье заросло густым лесом, птицы взлетали перед самым носом. Промелькнет тень антилопы или горного козла — райское место для охотника. Внизу бурлит горная река. Осторожный Роборовский предупредил Николая Михайловича, чтобы не пил воду из реки: кругом в кишлаках и в самом Пишпеке свирепствует брюшной тиф... Но, ах, как не умел никогда беречься Пржевальский! Всех оберегал, на всех свирепо кричал, когда не слушали его предостережений. Сам никогда не берегся.

В октябре 1888 года отряд Пржевальского вышел из Пишпека. Накануне Пржевальский чувствовал себя плохо. Но он никогда не откладывал намеченного выхода. И никто не смел ослушаться начальника. Хотя и видно было, что ему худо.

На первом же бивуаке стало ясно, что Пржевальский болен. Очень болен. Но вблизи был Каракол — там госпиталь, там врачи, там друзья. Отряд спешил, как только возможно. Начальника, с высокой температурой, бредящего, везли на тряской повозке, по узкой, петляющей горной дороге.

В Караколе для больного уже была приготовлена палата в городском лазарете. Для отряда, не желающего покидать своего командира, во дворе госпиталя разбили юрты.

Казаки молча смотрели на двери, откуда время от времени выходили Роборовский и Козлов, не покидавшие Пржевальского. И все уже знали приговор врачей: отжил свое начальник, умирает их генерал... Знал это и сам Пржевальский. К нему пришло сознание, и он тихим, но по-прежнему властным голосом отдавал свои последние распоряжения: «...Похороните меня непременно на Иссык-Куле, на берегу. Надпись сделайте: «Путешественник Пржевальский»...

Он внятно распоряжался своим личным имуществом: кому какие его ружья отдать, кому книги, деньги... Под конец напомнил: в гроб положить не в генеральском мундире, а в экспедиционной одежде. Была она ему, видно, дороже и значимей генеральского мундира... И на этом кончились его силы. И жизнь. 20 октября 1888 года Николай Михайлович Пржевальский умер.

Теперь казаки могли войти в лазаретную палату. Роборовский и несколько казаков отправились искать место для могилы. В двенадцати верстах от города они выехали на гористый, обрывистый мысок, вдававшийся в озеро. Они не знали, что два года назад Пржевальский именно тут слезал с коня и часами смотрел на озеро. Но тут они выбрали место для последнего бивуака великого путешественника.

Два дня копали солдаты каменистый грунт, рыли могилу для Пржевальского. Ждали разрешения на похороны от командующего военным округом — хоронить ведь надо было генерала — такого еще в этих краях не случалось...

27 октября похоронили Пржевальского. Было все, что положено, когда хоронят генерала. И гроб на лафете, и речи, и воинский салют, и венки, венки, цветы, засыпающие могилу. И крест, который водрузили в изголовье. Простой деревянный крест с надписью «Путешественник Н. М. Пржевальский. Род. 31 марта 1839 года. Скончался 20 октября 1888 года».

Роборовский решил уйти отсюда пешком, как ходил он месяцами и годами вместе со своим командиром, своим старшим другом.

Он шел по каменистой дороге, потом не выдержал: остановился и оглянулся. Уже кончался осен-

ний ясный день, голубой край озера подернулся розовым отблеском заходящего солнца. Одинокая могила была отчетливо видна на фоне озера.

И Роборовский вдруг вспомнил последние строчки из стихотворения, которое им на ночном привале в горах читал Пржевальский:

И мы оставляем тебя одного
С твоею бессмертною славой.

Закончилась «эпоха путешествий Пржевальского» — так назвал это время самый большой географ страны Петр Петрович Семенов. Что же это была за эпоха? В чем был смысл этих годов странствий, труда, лишений, испытаний? Роборовскому хотелось это понять не только потому, что он сам был участником этих трудов и лишений, но прежде всего потому, что его не оставляла мысль о месте, которое занимал Пржевальский в его жизни, в жизни его поколения, всей страны, всего народа.

В публичной библиотеке на Садовой, где ему принесли все газеты и журналы конца 1888 года, он внимательно вчитывался во все, что писали о Пржевальском. Не было недостатка в словах восхваления, скорби, сожаления. Перечислялись все достижения покойного, говорилось о том, что он был крупнейшим путешественником в России, что он впервые исследовал огромную, малодоступную площадь Центральной Азии от Памира до хребта Большого Хингана, перечислялись открытые им горы, озера, назывались найденные им прежде неизвестные животные и растения... Все это Роборовский знал и без этих статей. Дотошные газетчики подсчитали, что Николай Михайлович Пржевальский провел в путешествиях девять лет и три месяца, прошагал и проехал 30 тысяч верст. Действительно: прошагал, проехал... Ну и что? Это и другой мог бы сделать.

И внимание Роборовского вдруг надолго, на многие часы остановилось на одной статье. Она была напечатана в газете «Новое время» от 26 октября 1888 года. 26 октября — Роборовский помнил каждую минуту этого дня. Последнего перед похоронами.

Статья в «Новом времени» была без названия. В ней не перечислялись открытия Пржевальского, не подсчитывались версты, им исхоженные, не говорилось о значении работы великого путешественника для развития империи, ее могущества, ее экономического развития. Совсем о другом размышлял неизвестный автор статьи в не самой лучшей петербургской газете.

И Роборовскому казалось, что в этой статье есть ответ на мучивший его все время вопрос: для чего жил, трудился и умер Николай Пржевальский?

Неизвестный ему человек писал:

«Один Пржевальский или один Стенли стоят десятка учебных заведений и сотни хороших книг. Их идейность, благородное честолюбие, имеющее в основе честь родины и науки, их упорство, никакими лишениями, опасностями и искушениями личного счастья непобедимое, стремление к раз намеченной цели, богатство их знаний и трудолюбие, привычка к зною, к голоду, к тоске по родине, к изнурительным лихорадкам, их фанатическая вера в христианскую цивилизацию и в науку делают их в глазах народа подвижниками, олицетворяющими высшую нравственную силу. А где эта сила, перестав быть отвлеченным понятием, олицетворяется одним или десятком живых людей, там и могучая школа»...

Роборовский снова и снова перечитывал тесные газетные строчки: «В наше больное время, когда европейскими обществами обуяла лень, скука жизни и неверие, когда всюду в странной комбинации царит нелюбовь к жизни и страх смерти, когда даже лучшие люди сидят сложа руки, оправдывая свою лень и разврат отсутствием определенной цели в жизни, подвижники нужны, как солнце».

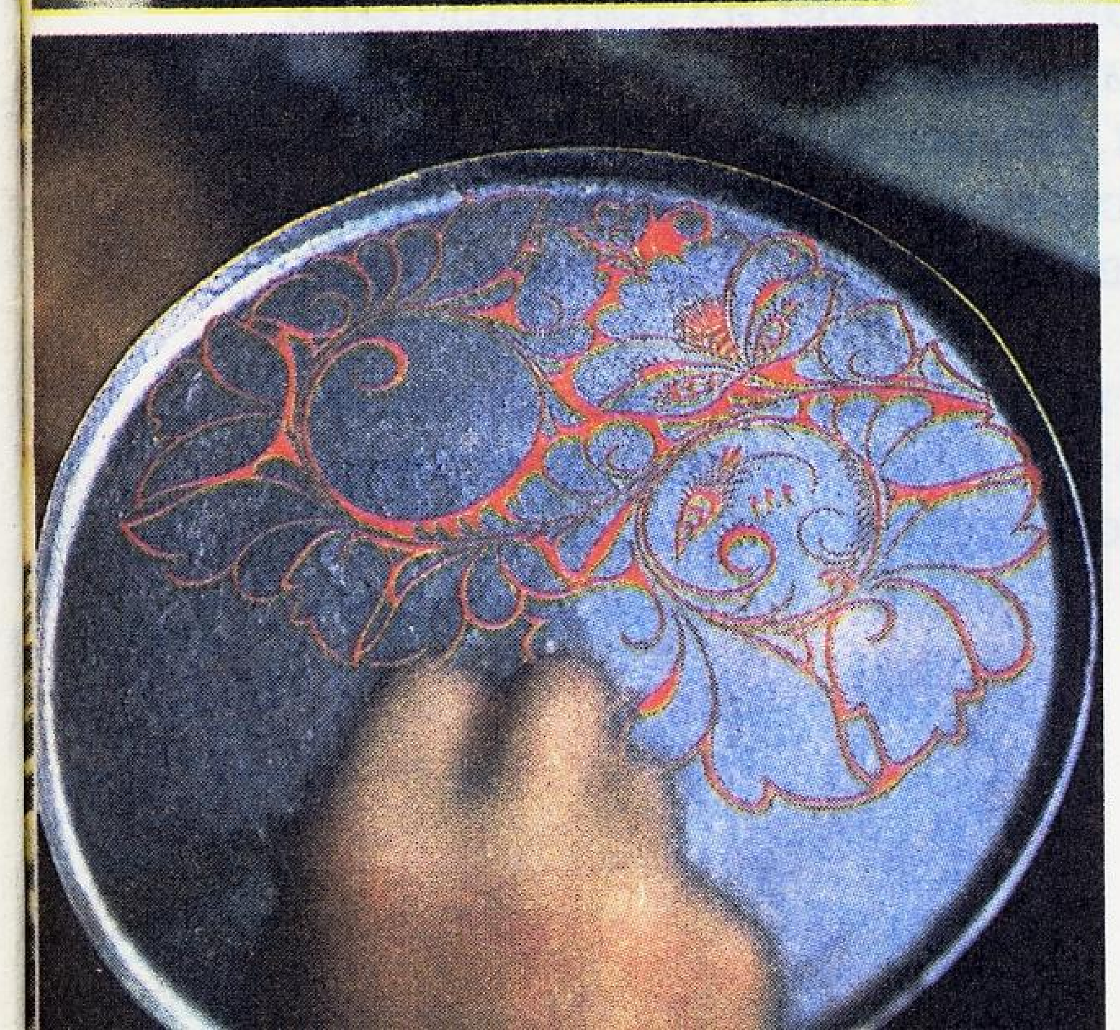
Вот какое слово — единственное правильное и точное — нашел для Пржевальского человек, писавший эту статью! Подвижник! Вот где точными и ясными словами сказано о смысле жизни этого человека!

«...такие люди, как Пржевальский, дороги тем, что смысл их жизни, подвиги, цели и нравственная физиономия доступны пониманию даже ребенка. Всегда было так, что чем ближе человек стоит к истине, тем он проще и понятнее. Понятно, чего ради Пржевальский лучшие годы своей жизни провел в Центральной Азии, понятен смысл тех опасностей и лишений, каким подвергал себя, понятны весь ужас его смерти вдали от родины и его предсмертное желание — продолжать свое дело после смерти, оживлять своею могилой пустыню... Читая его биографию, никто не спросит: зачем? почему? какой тут смысл? Но всякий скажет: он прав».

Кто же это сказал? Кто так проникновенно понял то, что не умели понять многие люди, близкие Пржевальскому, гордившиеся им!

Роборовский узнал об этом много лет спустя, когда не было в живых того человека, чьи слова о Пржевальском так его потрясли. Им был Антон Павлович Чехов.

ДЕРЕВО-ВИНОГРАД



Выросла золотая травка на ложке. Распустился красный цветок мальва на плошке. Ягода клюква поспела на поварешке. Клюет эту ягоду хохлатая птица-золотое перо.

Вы уж подумали — сказка началась? А это быль. Пробовал с такой ложкой кисель из расписной плошки. Вертел в руках поварешку с птицей на донце. И было это в деревенском доме бабушки Ульяны.

Бабушка Музеиха

Зовут в деревне бабушку Ульяну Музеихой. В своей просторной избе собрала бабушка Музеиха настоящий музей. В расписных шкафчиках россыпью лежат ложки, прижались боками чашки и бочонки, сахарницы и бокалы, высятся вазы, стоят широкие блюда. Вся эта домашняя утварь, выточенная из дерева, отливает золотом, веселит глаз затейливым узором.

В разных домах видел я такую золотую посуду, но чтобы столько разом? И стало интересно побольше разузнать про нее. Что-то в книгах прочитал. Что-то от людей услыхал. А что и сам увидал.

Стук-бряк

Издавна делали да расписывали посуду в лесных заволжских деревеньках Виноградово, Семино, Кулигино, Разводино, Хрящи. Но зовут ее не виноградовской или кулигинской, а хохломской. Почему же? А вот как это случилось.

Стук-бряк! — катят груженые подводы вдоль извилистых берегов малой речки Узолы. Стук-бряк! — погромыхивает деревянный товар. Везут его в ближнее древнее село Хохлому виноградовские и разводинские мастера. Оттуда разлетятся жар-

птицами миски да ложки по ярмаркам:

— Кому посуда для кашки, окрошки? Чудо-блюдо да чашки, ложки!

— Откуда посуда?

— К вам приехала сама золотая Хохлома.

Так и повелось — Хохлома да Хохлома. Вот и зовут по сей день расписную золотую утварь хохломской.

Птица Жар

Как же оно начиналось, это удивительное хохломское художество? Разное рассказывают старики. Говорят, будто полтысячи лет назад поселился в лесу за Волгой веселый мужичок-умелец. Избу поставил, стол да лавку сладил, посуду деревянную вырезал. Варил себе пшенную кашу и птицам пшена не забывал насыпать. Прилетела как-то к его порогу птица Жар. Он и ее угостил. Птица Жар задела золотым крылом чашку с кашей, и чашка стала золотой. Вот, мол, откуда пошла на Руси золотая посуда.

Это, конечно, легенда, сказка. А начало золотой росписи ведут от древних мастеров-живописцев. Они писали иконы на деревянных досках, покрывали их льняным маслом, прогревали в печи, и масляная пленка превращалась в золотистый лак. Потом уж и посуду стали по такому способу золотить.

Трава-мурава

Очень мне хотелось увидать, как деревянные вещи золотыми становятся. И поехал я в городок Семенов Горьковской области, где сегодня хохломскую посуду делают. Там мне показали эту работу и самому дали попробовать.

Взял я в руки миску величиной с ладонь. Она свежей липой пахнет. Поначалу я ее жидкой глиной промазал, чтобы дерево краску не впитывало, не гасило ее. Просушил, окунул в вареное льняное масло и прожарил в печи. Потом натер миску алюминиевым порошком: посеребрил ее. Теперь можно расписывать. Побежала тонкая кисть художника по ее стенкам и донышку, потянулись узором черные и красные завитки. Расписанную миску я осторожно принял из рук художника, снова ее натер льняным маслом. И в печь. От печного жара заиграла моя миска праздничным золотым светом. Узор на ней луговой, лесной. Здесь и травка, и елочка, и древко, и яблочко, и мелкая ягода-меленка. Так и называется эта роспись — «травкой». Настоящая хохломская роспись.

Цветок Махаон

А иногда из-под кисти художника выходят такие цветы и травы, что ни в каком лесу их не встретишь. Вот листья, похожие на перистых золотых рыбок. Плавают по дну чаши среди цветов-завитков и глазастых ягод. Этот жаркий цветок с черными и золотыми тычинками-усиками так и хочется назвать бабочкой махаоном.

Он широко распахнул свои лепестки, взмахнул ими и вот-вот улетит.

И самое удивительное — дерево, что расправило свои ветки на дверце расписного шкафчика. Оно увешано не яблоками, не грушами, а тяжелыми кистями винограда. Никогда такого не видал. Выросло это дерево-виноград под кистью хохломского художника.

Веселое слово Хохлома

Вот что я узнал и увидел. Но это все потом. А тогда в избе бабушки Музеихи рассматривал золоченые блюда и думал, какое странное и веселое слово ХОХЛОМА. В нем и смех слышится, и восхищенное Ох! И восторженное Ах!

— Что ж, — сказала мне бабушка Ульяна, — музей музеем, а народ эти плошки да ложки не для показу ладил.

Налила она мне клюквенного киселю в золотую чашку, дала в руку невесомую ложку, расписанную травкой, и я с удовольствием ел пахучий кисель из удивительной посуды.

Л. ЯХНИН

Фотографии А. ШПИКАЛОВА.

ВНИМАНИЕ! ВНИМАНИЕ! СООБЩАЕМ ИМЕНА ПОБЕДИТЕЛЕЙ КОНКУРСА «СОЗВЕЗДИЕ ПСА — ЗА ПОЛЧАСА!»

Больше года работало жюри конкурса «Созвездие Пса — за полчаса!». И вот наконец имена победителей названы. Это **Сафронова Оля** из Ташкента, **Фахрутдиновы Оля** и **Люда** из Алма-Аты, **Тихонова Вера** из г. Надым Тюменской области, **Кузьминский Илья** из Москвы, киевлянка **Голобородько Марина**, москвичи **Володин Антон** и **Борозденков Сергей**, **Кочкуров Володя** из села Зоново Новосибирской области, **Любас Алексей** и **Третьякова Лена** из Новосибирска, **Пасынков Сергей** из Воркуты, **Шпак Олег** из Николаева, **Бирюкова Оля** из Кандалакши, **Белозерова Оля** из Самарканда, **Зуйкова Лариса** и **Сафонина Ира** из Тулы, **Челищев Дима** и **Подхалюзина Лариса** из г. Лыткарино Московской области, **Коровкина Оля** из Новосибирска, **Пушкарь Люда** из г. Сумы.

Все эти ребята награждены почетными грамотами журнала «Пионер» и кляссерами с марками. Молодцы, ребята! От всей души поздравляем победителей!

Юрий Коваль
Полынные сказки

Окончание. Начало в №№ 7, 8, 9.

Рисунки С. ОСТРОВА.

Сказка о сломанных дрожках

Леля заслушалась.

Долго рассказывала Марфуша свою сказку, и Леля позабыла и про ледянку быстроходную, и про то, как весело было кататься с горы.

Она все думала: отчего же грустил Серебряный?

А после обеда набежали на гребень оврага школьные мальчишки.

Был тут и серьезный Максим, и Ефимко Киреев, и Мишка-солдатик. Только Вани Антошкина не было нигде видно.

А он в дрожках сидел.

Старые дрожки нашли ребята в каком-то сарае и прикатили на край оврага. Они решили съехать на дрожках вниз. Колеса были пока целы, чего бы не съехать?

Ваня Антошкин сидел в дрожках и дрожал. Ему не хотелось катиться под уклон в ломаных дрожках.

— Пускай Ваня вылезет,— сказал Максим.— Он боится.

— Да чего тут бояться! — кричал солдатик.— Ничего он не боится! Верно, Ванечка? Ты же не трус!

— Не знаю,— прошептал Ванечка.

— Чего ты не знаешь? Трус ты или нет? Говори.

А Ванечка Антошкин и вправду не знал, трус он или нет. Вроде и хотелось прокатиться на дрожках, а боязно.

Леля вышла на улицу и увидела дрожки. Она тут же поняла, что ребята хотят столкнуть их с горы.

— Да не трус он! — кричал Мишка.— Верно, Ванечка?!

— Вылезай из дрожек! — кричал Максим.

И Леля увидела, что в дрожках сидит Ваня Антошкин. Она вскочила на подножку и дернула Ванечку за рукав.

— Вылезай,— сказала она.

Бледный и серьезный, сидел Ванечка в дрожках. Он крепко уцепился за сиденье.

— Про...— сказал он,— прокатиться хочу.

И Леля увидела, что Ваня боится ужасно, но и с места его никак не отцепить.

— И я с тобой,— сказала она.

— Куда? Куда? — закричал Максим.— А ну, Леля, слезай!

Мишка-солдатик отпустил дрожки на минутку — и медленно дрожки поехали вниз.

Максим ухватился было, да удержать дрожки не смог. Они уже неслись под гору, а Максима потащили за собой.

Максим держался, держался, да не выдержал, отцепился, остался на снегу — и бешено и страшно засвистели в овраг старые, поломанные дрожки.

Колесо свалилось — и с треском перевернулись дрожки, и отлетело второе колесо, и уже не дрожки, а черный ком катился на дно оврага, разваливаясь на глазах. И врылся в сугроб, и разлетелся вдребезги.

Леля и Ваня Антошкин вылетели на самую макушку сугроба и зарылись в снег. Они не расшиблись, и не ударились, и даже почти не испугались.

Сверху с горы слышались крики. Ребята были уверены, что Леля и Ваня расшиблись насмерть.

Потом они увидели, как две маленькие черные фигурки поднялись на гребень сугроба. Они стояли и стояли, не двигаясь. Почему-то они не спешили назад, на горку.

— Уцелели, кажется,— сказала Леля.

— Угу,— шепнул Ванечка. Он все-таки немного дрожал.

— Постоим,— сказала Леля.

И Ванечка кивнул. Он, пожалуй, и не мог бы сейчас никуда двинуться. С каждой минутой становилось почему-то все страшней, как они летели на дрожках в овраг.

А солнце уже закатилось, посинела снежная степь, и в том месте, где коснулся снег неба, появилась великая розовая полоса. Розовый цвет сгущался, темные брусничные искры зажигались в небе.

— Глянь, Ванечка,— сказала Леля.— Там линия горизонта. Интересно посмотреть, что там, за нею? Хочешь посмотреть?

— Боюсь,— шепнул Ванечка.

— Чего ты боишься-то?

— А линии-то этой.

— А почему?

— Я и сам не знаю. Боязно.

— Это не страшная линия,— сказала Леля.— Она красивая. Знаешь почему?

— Чего почему?

— Почему она красивая?

— Не знаю.

— Так ведь из-за нее же солнце встает. Понял теперь?

А ведь правда, оттуда, из-за этой линии, каждое утро подымалось солнце и каждый вечер уходило за горизонт на ночлег. А на следующее утро опять вставало — еще ярче, еще веселей, еще моложе.

Леле так казалось: с утра солнце молодое, а к вечеру стареет, а на другой-то день снова молодое.

— Чудо! Правда, Ванечка?

Ванечка в этом деле не видел особенного чуда: встает солнце — вот и хорошо. Но спорить с Лелей он не хотел, он просто глядел на самую красивую линию на свете и шептал потихоньку:

— Угу.

Сказка о приходе весны

Зимнее солнце короткое.

Только выйдет на небо, глядишь — нет его, уже вечер, уже ночь на мороз. И спит деревня Полыновка, только в окнах школы горит сосновая лампа, и вечные звезды дрожат над снежною степью.

Долго и долго тянулась зима, но вот задули ночные тяжелые ветры. Они не были такими пронзительными и сухими, как зимой. Они наваливались на степь, прижимали к земле деревню, и они — эти странные ветры — были теплее снега.

Как-то ночью Леля проснулась оттого, что ветер особенно тяжко выл и гудел за окном.

Леля лежала, не открывая глаз, но видела все, что происходило на улице за стеною дома.

Двигался снег. Как огромная шапка, вздрагивал он и пытался ползти. Он не был холодный и мертвый, он теплый был, тающий и живой. Плохо ему стало сегодня ночью, душно и тягостно. Он метался и не мог ничего поделать, никуда спрятаться, потому что он был огромный. И Леле стало жаль снег.

И она услышала тихий стон, как будто бы снег стонал под окном, но тут же поняла, что это стонет мама, и напугалась. Снег должен стонать, должен метаться, а мама — никогда.

Леля вскочила, подбежала к маминой кровати, забралась под одеяло.

— Леленька,— шептала мама, просыпаясь.— Ну что ты? Что ты?

Мама была жаркая, влажная, она целовала Лелю, и так, обнявшись, они заснули, и снег всю ночь стонал за окном.

А утром обрушилась на деревню Полыновку великая весна.

Все сразу и все кругом раскрылось — и небо, и земля.

Снег, измученный ночными ветрами, таял, и забурлила в овраге речка, подхватила разбитые дрожки, понесла, ударили в небе жаворонки, а ледянка быстроходная обратилась в решето.

А Леля в решете этом таскала из-за дома снег. Она хотела уберечь снежные часы, которые подарила Ванечке. Она рассыпала снег по краям циферблата, вокруг палки, вколоченной в землю.

Но солнце заливало поляну, на которой были снежные часы. Снег таял, таял, и Леля поняла, что надо строить новые часы, весенние.

Великая весна обрушилась на деревню Полыновку, а зима, которая тоже была великой, потускнела и забылась.

Да и что толку вспоминать о зиме, когда подснежники охватили землю, а гуси и жаворонки раскрасили небо? Кто вспомнит о великой зиме, когда идет босиком по одуванчикам?

Пожалуй, только Леля и помнила, как мучился снег однажды ночью. Она радовалась гусям и одуванчикам, а еще больше радовалась, когда находила в оврагах остатки снега.

«Уберегся, милый», — думала она.

И ей очень хотелось, чтоб все на свете всегда уберегалось.

Сказка о гусиных буквах

Печальной для Лели была эта великая весна. Заболела мама.

Она похудела и как-то притихла.

— Мам, съешь яичко печеное, — уговаривала Леля.

— Не хочется.

Скоро и ученики заметили, что Татьяна Дмитриевна переменилась. На уроках она вдруг подходила к окну, открывала форточку и долго молчала, вдыхая весенний ветер.

А ветер весенний ширился, если ветер может шириться. Но Леле казалось: ширится и, главное, расширяет небо.

По широкому ветру летели над степью на север дикие гуси — казарки и гуменники.

Они летели, летели и выстраивали на небе русские буквы.

Вот летит караван, как буква «У»!

А вот, как буква «А», и даже на месте перемычки-палочки четыре летят гуся.

И буквою «Ж», и буквою «Х» летели казарки и гуменники, а уж Лелина буква — буква «Л» — встречалась чаще всего.

Леля глядела в небо, читала гусиные буквы и свою букву чаще всего. И она точно знала, что ее букву — букву «Л» — и через сто лет, и через двести понесут по небу весенние гуси.

Но вот кончились гуси, прошли журавли, пролетели небесные буквы, а в школе появилось новое слово.

Вначале это слово никто не понял. Только Татьяна Дмитриевна понимала, да не хотела пугать учеников.

— Экзамены, — говорила она. — Вот какое слово интересное!

И ребята повторяли за ней:

— Экзамены... эгзамены, — а что за «эгзамены», они не понимали. А может, это такие вроде пирогов с капустой?

— А завтра последний урок, — сказала Татьяна Дмитриевна. — Все младшие ученики до осени покидают школу. А вот старшие, третьеклассники, через неделю будут держать экзамены.

И тут младшие закричали и засмеялись. Они любили школу, да ведь и погулять пора! И только четыре человека — Максим, Марфуша, Ефимко и Павляй — сидели тихо.

Экзамены! Вот слово-то какое. Страшноватое. И как же это их держать? Да кто же на свете удержит такое слово?

Младшие ученики вылетели на улицу, а третьеклассники остались. Татьяна Дмитриевна успокаивала их как могла. Но она и сама волновалась. Шутка ли, впервые в полыновской школе четыре человека окончили третий класс! Это ведь были самые первые грамотные люди в полынных степях.

Но первые грамотные люди совсем оробели. Они поняли, что в школу приедут через неделю чужие и очень важные люди и станут им вопросы задавать. И если они правильно ответят — получат редчайшую бумагу под названием «Свидетельство». И ни у кого на свете такой бумаги нет, а у них будет.

— Не надо мне этой бумаги, — сказал Павляй. — Я лучше вообще на экзамены не приду. Боюсь.

— Я тоже не приду! — крикнул Ефимко. — Я не боюсь, а все же побаиваюсь.

Марфуша и Максим молчали. Они были лучшие ученики. Они-то не боялись, а все-таки побаивались.

— И ты придешь, Ефимко, и ты, Павлик, — сказала Татьяна Дмитриевна. — Только чтоб руки были чистые и уши вымыты. Ясно?

— Ясно, — ответил Павляй, хотя и не очень-то понимал, зачем на экзаменах чистые уши.

— Наверное, там на экзамене чужие и важные люди будут нам в ухи дуть, — сказал Ефимко.

Сказка о строгом празднике

С утра хлынул в школу весенний степной и очень ясный свет.

Повсюду — на столах, на окнах — стояли букеты ранних лесных и полевых цветов — медуницы и ветреницы, подснежников и фиалок. В школе чувствовался праздник. Но это был какой-то строгий праздник.

А вокруг школы собрались все полыновские ребятишки, пришли хоть издали глянуть на экзамены и взрослые.

В новом темно-синем платье с белым кружевным воротником на крыльце стояла Татьяна Дмитриевна. Бледная, но спокойная, она не обращала внимания на тех, кто собрался у школы. Она ждала.

Но, конечно, она очень волновалась. Ведь ее ученики были первыми грамотными людьми в полынной степи. И сегодня чужие и важные люди должны были проверить, чему она их научила.

За спиною Татьяны Дмитриевны виднелся и дед Игнат. Ради такого дня он принарядился. Вместо лаптей надел сапоги, расчесал бороду.

— Идут! Идут! — закричали ребятишки.

На дороге показались Максим и Марфуша, Ефимко и Павляй.

В белоснежных льняных рубашках, подпоясанных цветными поясками, шли они к школе, на

ногах золотились свеженькие лапти, сплетенные для этого случая.

За ними шли их матери и отцы. Папаши несли глиняные кувшины с медом, а мамаши — пироги, завернутые, конечно, в полотенца. И мед, и пироги были дары для тех важных людей, которые пока не приехали.

На крыльце поклоном встретила учеников Татьяна Дмитриевна. Каждого взяла за руку и ввела в школу. Дед Игнат складывал пироги в огромную ивовую корзину.

— Едут! Едут! — закричали в толпе.

Вдали, у линии горизонта, показалось облачко пыли. Оно росло, приближалось. Кто-то ехал к деревне, а кто — непонятно.

Но вот обозначились дрожки. С грохотом прокатили по деревне, стали у школы. Из дрожек вышли две женщины, одетые в черное, строгое.

— Вон оно чего! — сказал мужичонка Кузя, который случайно затесался в толпу. — Бабы черные.

Полыновцы удивились. Они никак не ожидали, что приедут женщины, да еще целых две.

— Важные, наверно,— шептались в толпе, глядя, как Татьяна Дмитриевна кланяется гостьям.

— Небось поглавней генерала,— сказал Кузя, который случайно затесался.— Да неуж бывают бабы главней генерала?

А это были учительницы из двух соседних школ. Да только их никогда в Полыновке не видели. Одна-то школа была в двадцати километрах, а уж вторая — в пятидесяти.

— Едут! — снова закричали ребятишки, и новое облако пыли явилось в степи за деревней.

Оно было мощней первого, и все поняли: в этом облаке едет кое-кто поглавней двух черных женщин. А если они важней генерала, так кто же это тогда едет?

Красивая рессорная бричка подкатила к школе. Большой и полный, и вправду на вид чрезвычайно важный господин — в шляпе! — вышел на улицу.

— Барин, барин,— зашептались в толпе. Тут уж не только Татьяна Дмитриевна, все от мала до велика ударились в поклон.

Золотые очки тонко поблескивали под шляпой, имелся под очками и мясистый нос, а уже под носом — черные усы, которые ловко подчеркивали, что и розовые щеки тоже имеются.

Это был и вправду очень важный господин. Это был попечитель школ, и приехал он в Полыновку из далекого и крупнейшего в мире города, который назывался Пенза!

Вот как! Попечитель! Из Пензы!

Это было сверхъестественное явление.

Попечитель между тем оглядел всех собравшихся, слегка поклонился Татьяне Дмитриевне и, перекрестившись на церковь, сказал басом:

— Ну вот и приехали.

В толпе на мгновение замерли, а потом кое-кто тихонько засмеялся. А дед Игнат, который колом торчал в своих сапогах возле крыльца, вытаращил глаза. Все вздохнули посвободней и почему-то решили, что Попечитель добрый.

Между тем, как только Попечитель вышел из брички, явился и батюшка-поп. Он давно уж поглядывал в окно: не едет ли господин Попечитель? Появляться раньше ему было неловко.

Попечитель пошел ему навстречу, батюшка благословил Попечителя, и господин Попечитель поцеловал батюшке руку. Тут батюшка-поп снова в глазах полыновцев поднялся на небеса, с которых к этому моменту немного опустился.

Батюшка и Попечитель взошли на крыльцо, дверь школы закрылась, и на поляне настала полнейшая тишина.

Из школы тоже не доносилось ни звука.

Потом-то все-таки послышался некоторый звук. Некоторый топот, некоторое упиранье и кряхтенье.

Дверь раскрылась, и дед Игнат вытолкал на улицу Мишку-солдатика. Оказывается, Мишка все это время сидел под партой, чтоб посмотреть на экзамены.

Сказка о Сеятеле

А Леля и Ваня Антошкин спрятались на печке. За занавесочкой. Их никто не видел, а они-то видели, как сверкнули очки господина Попечителя, как прошествовали в класс батюшка-поп и две черные женщины. Потом дверь в класс закрылась. Они теперь не видели ничего, зато слышали.

Первым делом батюшка-поп отслужил молебен.

Потом господин Попечитель и чужие учительницы спрашивали учеников, одного за другим. Все отвечали очень хорошо, и господин Попечитель всех хвалил. Он и вправду оказался добрым и почему-то часто повторял своим басом:

— Спасибо, Татьяна Дмитриевна.

Особенно понравилась ему Марфуша. Он расспрашивал ее и так и сяк, а она все отвечала. Наконец, господин Попечитель засмеялся, расцеловал Марфушу и снова сказал:

— Спасибо, Татьяна Дмитриевна.

Все шло гладко, пока не дошло до Ефимки Киреева.

— Ефим Киреев,— сказал Попечитель. — Как называется эта книга?

— «Сеятель», господин Попечитель.

— А что это такое — сеятель, скажи нам, Ефим Киреев.

— Это книжка,— сказал Ефимко.

— Хорошо, Ефим Киреев, молодец. А что это еще такое, кроме книжки, скажи-ка нам, Ефим Киреев.

— Сеятель — это сеятель, господин Попечитель.

— Так-так,— сказал господин Попечитель. — Ну, а что он делает, сеятель-то этот?

— Что полагается,— сказал Ефимко.

— А что же полагается делать сеятелю?

Ефимко, как видно, задумался. В классе была тишина.

— Сеятелю полагается делать то,— сказал, наконец, Ефимко,— что полагается.

Господин Попечитель слегка засмеялся.

— Ладно,— сказал Попечитель. — Последний вопрос. Вот скажи, а Татьяна Дмитриевна, она-то кто? Сеятель она или нет?

— Татьяна Дмитриевна-то? — растерянно переспросил Ефимко.

Леля и Ваня Антошкин не видели, что в этот момент Ефимко посмотрел на Татьяну Дмитриевну и она легонько кивнула ему.

— Татьяна Дмитриевна — сильный сеятель,— с облегчением ответил Ефимко.

— Вот молодец,— сказал Попечитель. — А что же она сеет?

— Ну как чего? — улыбнулся Ефимко. — Коноплю.

— Ну, а еще-то чего?

— Да я не знаю,— сказал Ефимко. — Лук, наверно, салат.

Тут господин Попечитель засмеялся, а чужие учительницы о чем-то зашептались. Ефимко понял, что подвел Татьяну Дмитриевну.

Татьяна Дмитриевна вдруг встала со своего места, подошла к окну. Она открыла форточку, вздохнула. Чужие и важные люди, которые сидели за столом, удивленно посмотрели на нее. Они не поняли, зачем она встала, а Ефимко понял.

— Ну что ж, Ефим Киреев,— сказал Попечитель.— Прочти нам теперь стихотворение наизусть.

Татьяна Дмитриевна оглянулась. Она была бледная и дышала тяжело, но ласково смотрела на Ефимку.

Ефимко задумался. Он хотел было прочесть стихотворение про весну, но все эти разговоры насчет сеятеля навели его на другое.

— Сейте разумное, доброе, вечное,— начал он.

— Сейте, спасибо вам скажет сердечное Полынный народ.

В полной тишине, что таилась в классе, раздалось некоторое хмыканье господина Попечителя.

— Кто скажет спасибо? — спросил он.

— Полынный народ,— ответил Ефимко.

— Нет, Ефим, ты ошибаешься. В книжке написано по-другому. На-ка книжку, прочти.

Ефим взял книжку и прочел:

Сейте разумное, доброе, вечное,
Сейте, спасибо вам скажет сердечное
Полынный народ.

— Там написано по-другому,— сказал господин Попечитель.— Там написано «русский народ».

— Так ведь это одно и то же,— ответил Ефимко.

Господин Попечитель задумался, а потом засмеялся.

— Ну что ж, Татьяна Дмитриевна,— сказал он.— Еще раз спасибо вам.

Дунина сказка про рябину

Сразу после экзаменов мама уехала. Она уехала в Пензу, великий и далекий город, к врачам.

Леля осталась одна.

Нет, не совсем, конечно, одна. В школе посапывал на печке дед Игнат, Марфушка часто забирала Лелю к себе: не одна и все-таки одна.

И долго, очень долго в этом году не зацветала сирень.

Уже все цветы — и купальницы с незабудками, и ландыши — расцвели, а сирень все молчала. Бутоны-то уж были, да никак не могли они созреть, раскрыться — заговорить.

Приехала Дуня, Леля стала жить с нею.

Как-то вечером Леля сказала:

— Дуня, расскажи мне сказку.

— Сказку? — удивилась Дуня.— Я сказки не рассказываю. Я песни пою.

— А ты спой сказку.

— Ну что ж,— согласилась Дуня.— Слушай.

И Дуня запела:

Что стоишь, качаясь,
Тонкая рябина?
Головой склоняясь
До самого тына?

Дуня пела, и Леля слушала, и в голове у Лели сказка эта сложилась так.

Жила-была в полынной стороне рябина.

Она росла у забора на самом краю деревни.

Скучно, одиноко жила рябина: степь раскинулась вокруг, степь. А за забором росли яблони, цвела сирень. На рябину никто и внимания не обращал.

Иногда только поздней осенью, когда на ветвях ее поспевали красные ягоды, люди, проходящие мимо, останавливались.

— Какая красивая рябина в этом году,— говорили они и шли дальше.

А некоторые так просто проходили мимо, не замечая рябиновой красоты.

Рядом с рябиной, у самых ее корней, вилась дорога. По дороге мчались кони, громыхали телеги. Пыль из-под конских копыт оседала на ветвях.

А за дорогой была река, и на том берегу рос могучий дуб.

Рябина давно заметила его, а дуб, пожалуй, ее не замечал. Он был огромный, крепкий, и даже самый сильный ветер не мог согнуть его, только листья обрывал с веток.

Как-то поздней осенью задул особенно сильный и пронзительный ветер Рябина гнулась

под его порывами, последние ягоды осыпались с ее ветвей.

И рябина захотела поговорить с дубом.

— Дуб, эй, дуб! — прошептала она. — Слышишь меня?

И ветер подхватил ее слова, но дуб молчал, спал, наверно, убаюканный ветром. И долго еще шептала рябина, пока дуб отозвался:

— Слышу тебя...

— Мне надо к тебе перебраться... Скучно здесь, одиноко. Да и ветер очень сильный.

— Так ведь дерево где растет, там и растет. Как переберешься-то?

— А я бы прижалась к тебе,— шептала рябина. — Легче было бы...

Дуб долго молчал, а потом уж ветер донес до рябины:

— Хорошо бы.

— Перенеси же меня через реку, ты ведь большой и сильный. Или сам иди ко мне.

И дуб тряхнул ветвями, хотел раздвинуть плечи, но не смог сдвинуться с места...

Дуня спела песню, замолчала, а Леля не удержалась и заплакала. Эта сказка про рябину как-то вдруг оказалась связанной с болезнью мамы, и вот мамы все нет, и когда же она вернется?

— Ну, ну, не плачь,— сказала Дуня. — Ты ведь не знаешь, чем кончилась сказка.

— А чем? — всхлипывала Леля.

— Однажды утром люди проснулись и вдруг увидели, что рябина растет рядом с дубом.

— Неужели перебралась?

— Конечно.

— А как?

— Наверно, добрый человек все понял, осторожно выкопал рябину да и перевез на лодке через речку.

И Леля, засыпая, думала, что если она увидит когда-нибудь одинокую рябину — обязательно перевезет ее через речку, к дубу. Только бы выкопать ее осторожно, корней не повредить.

А когда заснула окончательно — ясно увидела, как идет рябина к дубу сама, как тяжело вынимает из земли свои корни, как гнется, как качается, переходит речку, чтоб прижаться к дубу.

Сказка о черте с рогами и с бородой

И еще день прошел — сирень не зацвела, и еще, и еще.

И вот однажды вечером — Леля уже легла — вдруг услышала в сторожке какой-то стук по полу, а потом плач. Только нерусский какой-то плач, нечеловеческий.

Леля вскочила, выбежала в сторожку и увидела маму.

Мама и Дуня сидели на лавке, тихо смеялись, обнимались. А дед Игнат стоял в стороне и держал на веревке что-то непонятное.

Но Леля и не смотрела, что там держит дед Игнат. Она кинулась к маме, обняла ее, прижалась к ней. И долго-долго так сидела, уткнувшись носом в мамино плечо.

И тут снова послышался этот странный звук, вроде как плач, да только нерусский.

— Посмотри, Лелесь, кого я привезла,— сказала мама.

Леля оглянулась и охнула.

Небольшой серый чертик стоял на полу и блистал золотыми глазами.

Над горящими глазами, острые и кривые, торчали рога, кривились длинные губы, и бородка желтая тряслась под губами.

— Нечистый!

— Да что ты,— засмеялась мама. — Это Катька.

Тут Катька дернулась, натянула веревку и нацелила рога прямо на Лелю.

— Мнэ-э-э! — закричала она.

— Это коза,— объясняла мама. — Катька. Понимаешь, коза! Ну вроде как маленькая коровка.

Леля не знала, что такое коза. В Полыновке не держали коз, а только коров и овец. Полыновцы думали, что коза уж больно на черта похожа. А если похожа на черта, кому она нужна?

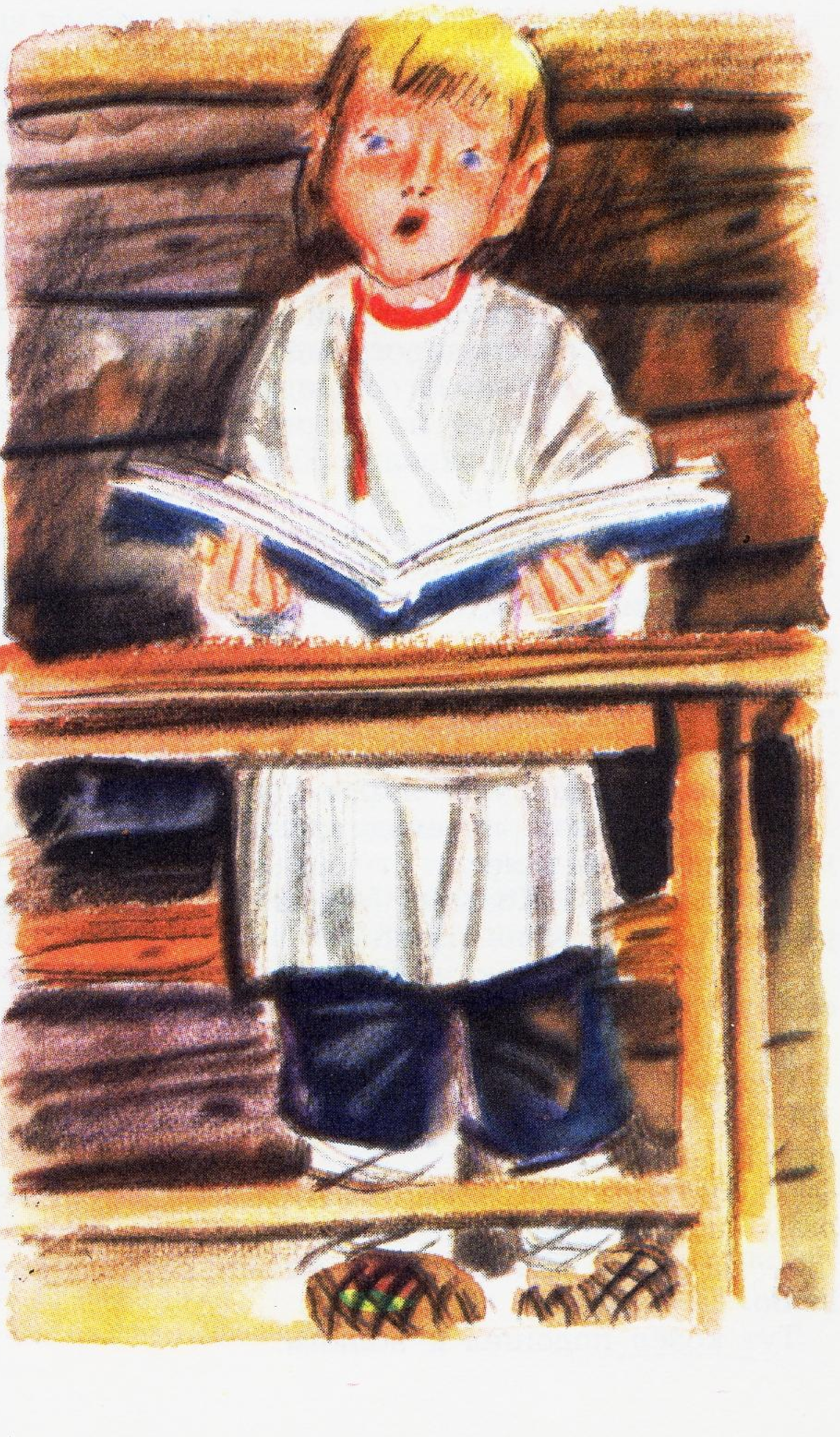
— Козье молоко очень полезно,— сказала мама. — Врачи велели мне его пить. И тебе, Лелесь, надо будет пить Катькино молоко. Согласна?

Леля кивнула. Она была рада, что мама вернулась. Тут уж что угодно выпьешь, лишь бы мама дома была.

Лелю снова уложили в постель. Но она все ворочалась, всё думала о том, что наконец-то мама вернулась, и еще она думала о чертовой козе Катьке. Вот ведь рогатое чудовище! Наверно, все мальчишки смеяться будут. Что там ни говори, а уж больно на черта похожа.

Леля все ворочалась, а мама с Дуней шептались, и странные слова доносились до Лели:

— Перемены... перемены... ожидаются перемены... это все волчки...



— Ну что там за перемены? — спросила, наконец, Леля. — Где волчки?

— Спи,— подошла к ней мама. — Спи.

Но Леле никак не спалось.

Мама вернулась в сторожку и снова потихоньку рассказывала Дуне новости из далекого города Пензы, и опять доносилось:

— Перемены... во всей стране... перемены.

А издалека, из чулана, слышался странный, плачущий голос козы Катьки.

Леля ворочалась и вздыхала, ей тоже хотелось узнать новости из далекого города Пензы, и наконец пришел к ней дед Игнат.

Покашливая, присел он рядом с Лелей.

— С козой приехали,— ворчал он. — На кой нам пес коза? Сена теперь надо... отрубей...

Так ворчал дед Игнат, и понемногу, слово за слово, из ворчанья из его появилась сказка. Сказка про козла, про Катькина брата.

Сказка деда Игната про козла Козьму Микитича

В одной деревне жил ленивый мужичок.

Не было у него никакой скотины, а только козел да баран.

Поленился мужичок накосить летом сена, а тут и зима пришла — нечего есть козлу и барану.

Стали козел да баран на весь двор реветь:

— Покорми нас, хозяин!

Рассердился ленивый мужичок, схватил кнут и давай стегать козла да барана.

— Вот вам сено! Вот вам отрубя!

— Делать нечего,— сказал потом козел. — Надо нам в лес убегать. Давай убежим в лес. Найдем там стог сена и станем жить.

— Давай убегать, брат Козьма Микитич,— баран говорит. — Хуже нам не будет.

Вот сговорились они. Козел пошел в дом да и стащил у хозяина ружье, заряженное пулями, а баран пустой мешок из сеней уволок.

И вот идут путем-дорогою. Козел ружье несет, баран пустой мешок за собою тащит.

Вдруг видят: лежит на дороге волчья голова.

— Брат баран,— сказал Козьма Микитич. — Возьми эту голову да и сунь в мешок.

— А на кой нам пес волчья-то голова, Козьма Микитич? — баран говорит. — И так идти тяжело.

— Возьми голову, брат баран. Придем на место — студень сварим.

— На кой нам пес студень? — баран ворчит. — Нам бы сенца клок.

Но все-таки послушался козла, взял волчью голову и в мешок положил.

Шли они шли путем-дорогою, и дорога-путь нырнула вдруг в лес.

— Холодает, Козьма Микитич,— баран говорит. — Хвост у меня иззяб.

— А вон смотри-ка огонек в стороне. Пойдем к огню, согреемся.

И пошли прямо на огонь.

Глядь — волки! Сидят у костра, греются!

Семь волков-бездельников — семеро брательников.

— Ну, брат Козьма Микитич,— шепчет баран,— нам теперя крышка!

— Не робей, брат Баран Борисыч, а делай, как я велю.

Тут козел подошел к волкам.

— Здорово, ребята!

— Здравствуйте, Козьма Микитич,— скромно ответили волки.

— Ну вы чего тут расселись-то? — козел говорит. — Замерзли, что ли?

— Греемся...

— Ну-ну,— сказал козел. — Конечно... холодает... Это, Баран Борисыч, чего у тебя там в мешке-то? Давай-ка сюда! Надо нам студень сварить. Главная забота против холоду — это чтоб не замерзнуть с голоду. Тащи, короче.

Смотрят волки на козла да на барана и думают: «Бог-то все-таки есть. Козла да барана нам прямо к костру прислал. Вот он, ужин-то!»

— Подвинься-ко! — сказал козел младшему брательнику. — Расселся тут. Дай-ка и мне к огню пригреться, копыта свои старые потомить... Ну, ты чего там, Баран Борисыч, доставай-ка из мешка волчью голову. Да только смотри выбирай, чтоб старый волк был, чтоб студень вышел понаваристей.

Баран вынул из мешка волчью голову и подал козлу.

— Вот тут есть какая-то,— сказал он и закашлялся.— Не знаю, сгодится ли, Козьма Микитич?

— Не та,— сказал козел. — Там в мешке есть другая голова, позубастее! Тащи ее!

Баран стал копаться в мешке. Копался, копался и снова тащит ту самую голову.

— Эх, Баран Борисыч,— вздохнул козел. — Ты, прости господи, и вправду баран. Опять не та. Посмотри, на самом низу которая лежит. Ту мне надобно.

— Да пес его знает,— сказал баран. — Настригли тут разных голов, а мне разбирайся!

Покопался он в мешке и снова несет ту же самую голову.

— О! — сказал козел. — Во! Она! Она! Хорошая! Ха-ха — ушки-то ушки! Самый раз на студень! Сейчас заварим! А что, ребята? — говорит волкам.— Нет ли у вас котелка или ведра недырявого?

Поперепугались волки. «Ну,— думают,— нету бога. Ужас-то какой! Целый мешок волчьих голов настригли! Надо нам тягу давать!»

— Есть, есть у нас ведерко, Козьма Микитич,— брательник старший говорит. — Оно там... под осинкой спрятано, под гнилой черемухой. Сейчас, сейчас принесем! Эй, Митька, Вавилка! Бегите за ведерком! Сашка! Аркашка! Давайте за водой! Мишка! Никишка! Беги за дровами! А я за вами приглядывать побегу!

Повскакивали волки, побежали со всех ног. Бегут, бегут, задыхаются, глаза выпучили, а навстречу медведь.

— Вы куда? Взбесились, что ли? Куда вас пес несет?

— Ну, Михал Ваныч, беда! Пришел к нам козел... Ну, этот ...Микитич. А с ним баран. Целый мешок волчьих голов притащили. Мы и убоялись... бежим теперя.

— Эх, дураки вы все-таки,— сказал медведь. — Козла убоялись! Да Барана Борисыча! Пошли назад — ужинать пора!

Тут козел увидел, что волки назад идут с Михал Ванычем, и говорит:

— Лезь, Баран Борисыч, на этот дуб, да повыше забирайся! А я следом за тобой полезу. Где ружье-то?

Брат баран полез на дуб, да не может залезть. Кое-как за нижний сук ногами зацепился, висит. А козел изловчился — повыше вспрыгнул.

— И где козел? — медведь говорит. — И где Борисыч?

— Не знаем, батюшка Михал Ваныч. Только что тут сидели!

— М-да... — сказал медведь. — Придется гадать. Меня тут одна бабка гадать научила. По желудям. Наберите-ка, ребята, желудей, я по ним гадать стану, где козел, а где баран. Желуди не соврут. Точно покажут.

Вот волки пошли к дубу, на котором висели козел да баран.

— Козьма Микитич,— шепчет баран.— Упаду, ей-богу, упаду, мочи нет, копытам больно.

— Падай,— шепчет козел. — Как волки подойдут, так и падай! Только с прицелом падай. Норови кому на голову попасть.

Вот подошли волки к дубу, и старший брательник говорит:

— Не видать что-то желудей... Постой, а это что висит?!

Тут баран и грохнулся брательнику на голову. А козел приладился к прикладу, взвел курок и выстрелил изо всех сил.

— Медведя держи, Борисыч! — заревел козел. — Волки — ладно, наплевать! Нам бы медведя добыть! Вот уж студень-то будет! Прямо холодец!

Ужасно теперь поперенапугались волки, побежали в разные стороны, а медведь Михайло Ваныч от страху ополоумел — пуля-то мимо него просвистала.

Побежал Михайло Ваныч, сам не зная куда, да в дуб, на котором козел висел, лбом и вперся!

Рухнул козел. Да с прицелом! Прямо на медведя свалился.

— О боже мой! — закричал медведь, воздел лапы к небу и в лес убежал.

А козел с бараном пошли к костру, сварили студень, к ленивому мужичку решили никогда не возвращаться.

— А на кой нам ленивый-то мужичок? — сказал баран. — Ну его ко псам.

— И то верно,— сказал Козьма Микитич. — Давай срубим в лесу избушку и станем в ней сами по себе жить.

Срубили они в лесу избушку и жили в ней ровно сто лет и три года. А волки им на побегушках служили, сено им летом косили, да потом ворошили, да в стога на зиму складывали.

Сказка про Катьку

Утром Леля встала пораньше, чтоб поглядеть на козу.

Катька-коза стояла в чулане, трясла бородой и жевала что-то.

— Кать, Кать,— сказала Леля,— на хлебушка... на мякиша...

— Мнэ-э-э-э... мнэ-э-э-э... — сказала Катька и схватила мякиш с Лелиной ладони.

Леля погладила рога. Крепкие да костяные, витые и длинные — удивительные были эти рога. Леля вообще-то раньше никого за рога не трогала, а тут вдруг трогает. Приятно. Крепкие да костяные, витые и длинные, они были еще и теплые.

«Теплые»,— подумала Леля. — Кать, Кать, хочешь картошечки печеной?

— Мнэ-э-э-э,— сказала Катька. Ясно было, что картошечки она хочет.

Катька, как вскоре выяснилось, хотела все, а как Леле нечего ей стало давать, Катька поднялась на задние ноги, а передними ударила изо всех сил в чуланную перегородку. В тесовую.

Перегородка дрогнула.

Катьке это понравилось, и она ударила другой раз.

Перегородка задрожала, а Катька разогналась и теперь грянула по доскам рогами.

На грохот явился дед Игнат. Кряхтя и ворча, привязал он на шею козе крепкую веревку, вывел Катьку на улицу.

В том самом месте, где стояли когда-то снежные часы, дед вбил в землю крепкий осиновый кол, привязал к нему веревку.

Дед ушел обратно в школу, а Леля глядела на Катьку и вдруг поняла, что теперь у нее есть новые часы, весенние. Тень от осинового столба показывала часы, а Катька, которая ходила вокруг него на веревке, показывала минуты.

Но Катька, конечно, не думала ни о каких минутах. Она думала только о траве и с каким-то особенным козьим хрустом жевала ее.

Тут набежали на пришкольную поляну полыновские ребятишки.

Они запрыгали от радости, что увидели живую козу.

— О-го-го! — кричали они. — Черт на веревке!

— С бородою!

— С рогами!

— Давай скакать вокруг черта!

И они принялись скакать и вопить на разные голоса:

— Черт! Черт! Черт!

— Да не черт это,— объясняла Леля. — Это коза, вроде маленькой коровки.

Но голос Лели тонул в скакательном крике.

Между тем Катька на крики никакого внимания не обращала. Она внимательно щипала траву, обходя циферблат солнечных часов.

Мишка-солдатик с Ефимкой Киреевым подобрались к ней поближе. Ефимко встал на четвереньки и полез к Катьке, как будто хотел ее забодать.

— Бодай ее, Ефимко! — кричал Мишка.

Глупый Ефимко подполз поближе, и тут Катька подняла голову и увидела его. Она глядела на него задумчиво и жевала траву. А потом наклонила голову и прямо с места ударила Ефимку рогами в лоб.

Бедного Ефимку оттащили к колодцу и долго поливали ему голову весеннею ледяной водой. Но, конечно, на лбу у него все равно выросла эдакая фигурная и витая бесконечно козлиная шишка.

С тех пор никто из полыновских мальчишек с Катькою больше не бодался.

А вот Ваня Антошкин Катьку очень стеснялся. Он даже старался ей угодить. Сорвет лопушок и несет Катьке:

— Кать, Кать, на лопушка сладенького.

— Мнэ-э-э,— говорила Катька и глядела на Ванечку золотым своим глазом. Ей Ванечка почему-то очень нравился.

Сжует лопушок, начнет Ванечке ладонь лизать шершавым языком и снова говорит:

— Мнэ-э-э.

И Ванечка несет ей новый лопушок, нежеваный.

И Леля, и Ванечка иногда отвязывали Катьку и шли с нею по деревне гулять. Катька на веревке, а за нею Леля и Ванечка. Встречные ребятишки и даже взрослые издали кланялись.

— Здравствуй, Леля,— говорили они. — Мир козе твоей, Катьке.

— Мир вам! — отвечала Леля. — И скоту вашему, и коровам, и овцам.

И Катька ходила по деревне спокойно, иногда только останавливалась там, где была особо сладкая травка.

А однажды вот что случилось. Леля и Ванечка заговорились. Катька дернула веревку, вырвалась у них из рук и прыгнула через забор да пошла топтать чужой огород. Пока Леля с Ванечкою перелезали через забор, Катьки и след простыл.

Долго бегали они по деревне и вдруг услышали знакомый голос:

— Мн-э-э... Мнэ-э-э...

Голос слышался откуда-то сверху, с неба.

А Катька стояла на крыше сарая! Да еще какого сарая! Того самого, где лавочник Чернов бакалею держал.

Кое-как сманили Катьку вниз, приманили ее лопушком нежеваным и хлебным мякишем.

— Знаешь чего, Лель,— сказал тогда Ваня Антошкин,— давай ее куда-нибудь привяжем, а то снова на крышу вскочит.

— Давай,— сказала Леля, и они привязали Кать-

ку к церковной ограде, только не снаружи, не с улицы, а изнутри. Там была особенно хорошая трава, сочная, высокая...

— Козлятинская,— сказал Ванечка.

Весь день щипала Катька козлятинскую траву, а с вечера начиналась в церкви служба.

Сторож церковный дядько Матвей-рябой пришел отпирать церковь. И он взошел на паперть — на эту площадку перед входом — и увидел вдруг, что на паперти лежит настоящий черт с рогами и с бородой.

Закричал дядько Матвей-рябой, схватил метлу, ударил по рогам. Катька ускакала в кусты, но как только дядько Матвей-рябой отпер двери, тут же выскочила из кустов и вспрыгнула в церковь. Долго бегал за нею дядько Матвей-рябой, махал метлою и в конце концов, конечно, поймал Катьку, выставил ее на улицу. Но с тех пор Катька очень в церковь полюбила ходить.

И тут, наконец, зацвела сирень.

Сказка о счастливой сирени

Свет, свежий сиреневый свет, холодный и радостный, осветил Лелину комнату.

Кисти сирени светились за окном, а все равно комната теперь преобразилась, она была полна цветущей сирени. Ведь стекло, ведь окно — это не преграда для души, которой хочется смотреть на сирень.

— Там есть счастливый цветок,— сказала Марфуша. — У всех четыре лепестка, а у него пять. Кто найдет его — будет счастливым.

— Я и так счастливый,— сказал Мишка-солдатик. — На кой мне цветок?

— Где ж твое счастье? Ни отца, ни матери.

Мишка задумался. А ведь и правда, счастье-то его было невелико.

— Зато у меня вон чего есть,— сказал он и достал из-за пазухи живого галчонка. Галчонок хлопал крыльями, таращил глаза, в которых тоже не было особенного счастья.

— Отпусти его,— сказала Леля, и Мишка почему-то сразу послушался, выпустил галчонка. Пролетев пять шагов, тот уселся на куст сирени.

— Давайте искать,— сказал Максим. — Найдет ли кто счастливый цветок?

— Я и найду,— сказал Мишка.

— А может, я?

— Я! Я найду!

Только Ваня Антошкин помалкивал. Он-то уж точно знал, что не найдет.

Мишка забрался на забор, чтоб достать самую высокую махровую кисть.

— Здесь оно, счастье, наверху! — кричал он.

Другие ребята рвали сирень с земли.

Леля тоже подошла к кусту сирени. Она не могла дотянуться до тех высоких кистей, которые нависали над оградой.

А совсем внизу, в тени, она увидела маленькую веточку. На ней, заслоненной от солнца, настоящая кисть не получилась, толком не расцвела. Но Леля все-таки сорвала цветок и сразу увидела пять лепестков.

На этом, на счастливой сирени, мне и хочется закончить книгу полынных сказок.

КОНЕЦ.

Елена ГРИГОРЬЕВА

Я — портниха

Я хочу быть известной артисткой
или, может быть, фигуристкой,
чтоб к ногам моим сыпались розы,
чтобы мне задавали вопросы,
чтоб снимали в кино и по телеку,
чтобы я прилетела в Америку!
Кем я буду, пока не решила,
но для мамы я кофточку сшила.
И сказала мама мне тихо:
— Из тебя бы вышла портниха...

— Я — портниха? Ну вот, это ново!
Я пою, как сама Пугачева!
Кем я буду, пока не решила,
но для бабушки фартук я сшила.
И сказала бабушка тихо:
— Из тебя бы вышла портниха...

— Я — портниха? Как это нелепо!
Я — в Большом! И партнер мой — Лиепа!
Кем я буду, пока не решила,
но весь дом между делом обшила!
И соседка сказала мне тихо:
— Ты будешь известной портнихой!
Сразу снимут в кино и по телеку
и отправят на конкурс в Америку!

Если так, я, пожалуй, согласна —
я и правда ведь шью первоклассно!

На волне

Раздел ведет В. НИКИТИНА.

Рисунки Н. ДОБРОХОТОВОЙ.

Кто что изобрел

ТАЙЯДАВУКУ ИЗ РОДА КРАСНОЙ КУРТКИ

Чингачгук, Оцеола, команчи, апачи, гуроны...— кто не слышал об индейцах, коренном населении американского континента?! Воображение рисует всадника, сжимающего лук. Замшевая рубаха украшена бисером и узором из игл дикобраза, головной убор из орлиных перьев... Вот-вот в призывном жесте взметнется рука, и под боевой клич индейский отряд помчится навстречу врагу.

Таким предстает нам индеец со страниц книг Фенимора Купера и Майн Рида, с экрана кино. Но сейчас мы хотим рассказать о том, как бесстрашные охотники и наездники помогли ученым прочитать интереснейшую страницу истории человеческого общества.

...Как и многие мальчишки из городка Аврора в штате Нью-Йорк, маленький Льюис Генри Морган, родившийся в 1818 году в семье зажиточного землевладельца, увлекался играми в индейцев. Игры проходили еще интереснее оттого, что партнерами ребят были их сверстники из расположенной по соседству ирокезской резервации. К началу XIX века индейские племена уже давно лишились своих некогда обширных владений на востоке США и жили в нищете в крошечных резервациях. Но яркие страницы героического прошлого могущественной Лиги ирокезов оживали в преданиях стариков и завораживали юных индейцев и их маленьких белых друзей. Закончив колледж и став юристом, Морган не потерял интереса к своим детским увлечениям. Большую роль в этом сыграла дружба с Эли Паркером, способным ирокезом, сумевшим получить высшее образование в стране, где многие считали индейцев «полудикими животными, заслуживающими смерти».

...Подлогом и подкупом крупная земельная компания скупила за бесценок земли в родной резервации Эли Паркера. Индейцам угрожало полное разорение. Узнав об этом, Льюис отправился в Вашингтон и потребовал, чтобы его заслушали на заседании конгресса. Вскрыв преступные махинации землевладельцев, он добился отмены мошеннического договора. Благодарное племя сенека признало молодого юриста своим полноправным членом, а потомок грозного вождя Красная Куртка усыновил Моргана. Льюис получил имя Тайядавуку («лежащий поперек», или «тот, который связывает» с белыми), и молодой ученый стал желанным гостем в любом вигваме...

Изучая жизнь ирокезов, Морган сделал интересное открытие. Много времени потребовалось ему, чтобы разобраться в индейской системе обозначения родственников. У ирокеза было гораздо больше родителей, чем мы к этому привыкли. Его «отцами» считались родные и двоюродные братья его настоящего отца, а «матерями» назывались все тетки по материнской линии. Дети братьев его отца и сестер матери были его «родными» братьями и сестрами, а вот дети сестер отца и братьев матери — уже двоюродными.

Посетив в 1858 году резервацию племени оджибве на озере Верхнее, Морган установил, что оджибве называют своих многочисленных родных так же, как и ирокезы. Но ведь оба племени говорили на совершенно непохожих языках!

В чем же тут дело? Чтобы ответить на этот вопрос, требовалось сравнить полученные данные с системами терминов родства у других племен.

Уже в следующем году ученый отправляется в путь — колесит по штатам Канзас и Небраска, поднимается на допотопном пароходике вверх по полноводной Миссури. Его можно встретить на озере Виннипег в Канаде, на берегу Гудзонова залива, у индейцев Скалистых гор на Дальнем Западе. Только за одну поездку Морган покрыл расстояние в 8 тысяч миль. В результате — чемоданы исписанных листов, пухлые дневники, не умещающиеся на письменном столе подробные таблицы.

Догадки Моргана о единстве индейских племен подтвердились, но ученый в своих размышлениях шел дальше. Напрасно друзья убеждали его ограничиться обработкой американских материалов. «Я должен продолжать, я уверен, что найду это у тамилов и дравидийских племен Южной Индии»,— отвечал Морган. Самому весь мир не объездить, и Морган обратился за помощью к путешественникам, проникающим в глухие уголки разных континентов. Обработка ответов на разосланную им анкету заняла много лет. Но какие она дала результаты! Культура племен, которые прежде считали дикарями, оказалась вовсе не примитивной, как предполагали заносчивые европейские колонизаторы. Более того, схожими у разных народов планеты были не только системы обозначения родственников, но и органы власти, религия, черты быта. Много общего было у индейских племен и у древних германцев, галлов, славян и других предков европейских народов, о которых поведали труды античных историков...

Выводы ученого произвели настоящую научную революцию. Все народы земли равны по своим способностям, все они прошли через одинаковые стадии развития. Представляете, как обозлились церковники и расисты? Они хотели навечно с помощью креста и меча поработить туземцев.

Карл Маркс и Фридрих Энгельс высоко оценили труд Моргана. Многие положения его итоговой книги «Древнее общество» вошли во всемирно известную работу Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства».

До конца своей жизни Морган продолжал изучать этнографию индейцев и древнюю историю человечества. Умер он в 1881 году, завещав свое состояние, богатую этнографическую коллекцию и библиотеку местному университету. А в памяти людей он остался талантливым исследователем, превратившим юношеское увлечение индейцами в важное научное открытие.

А. АНДРЕЕВ

Самый-самый!

Крылатый богатырь

Из небесной выси стремительно скользнула к аэродрому семидесятиметровая громада. Сверкнули на солнце скошенные, как у ласточки, крылья. Понеслись по земле четыреста тонн металла. А когда смолкли четыре могучих двигателя, началось совсем уж необычайное. Нос самолета откинулся вверх. Спереди и сзади машины разверзлись два люка, спустились до земли мощные трапы. И по крылатому исполину, как по туннелю, пошла тяжелая техника — тракторы, экскаваторы, «Икарусы».

Новый транспортный самолет «АН-124» демонстрировал себя во всем великолепии.

Всего двадцать лет назад советские авиаконструкторы удивили мир самым большим воздушным кораблем «АН-22». За мощь, силу, огромные размеры его назвали «Антеем». А теперь из того же конструкторского бюро, где под руководством академика Олега Константиновича Антонова создавались почти все наши крылатые грузовозы, вылетел новый «птенец» — богатырь «АН-124». И имя ему дали богатырское — «Руслан». «Руслан» стал мировой сенсацией 1985 года.

Еще в «Антей» можно было погрузить корабль на подводных крыльях или железнодорожный вагон, буровую вышку или железобетонную ферму для моста, ковшовый экскаватор или партию тяжелых тракторов. Он вез их в любое время года в пустыни и в тундру, в самые недоступные районы, куда никаким другим транспортом громоздкую и тяжелую технику не доставить.

«Руслан» вобрал в себя удвоенную мощь «Антея». Он понесет блоки гигантских конструкций на стройки Сибири и Дальнего Востока, в считанные часы переправит сверхтяжелые грузы с континента на континент. Он поднимает груз весом 150 тонн, заменяя сразу несколько самолетов.

Но «АН-124» — рекордсмен среди самолетов не только из-за своей силы. У него самая большая площадь крыла и самый длинный фюзеляж, самые мощные турбовентиляторные двигатели и самая новая система шасси. Именно это многоколесное шасси позволяет самолету садиться и взлетать прямо с грунта, там, где нет бетонных полос. И еще одно «самое». При своих внушительных размерах «Руслан» удивительно красив. Иначе и быть не может: генеральный конструктор Антонов совершенно серьезно утверждал, что некрасивый самолет никогда не взлетит!

Н. ПИПКО

Знаешь?

В городе Сыктывкаре есть район под названием Париж.

* * *

Иван Андреевич Крылов был не только великим баснописцем, но и выдающимся музыкантом.

* * *

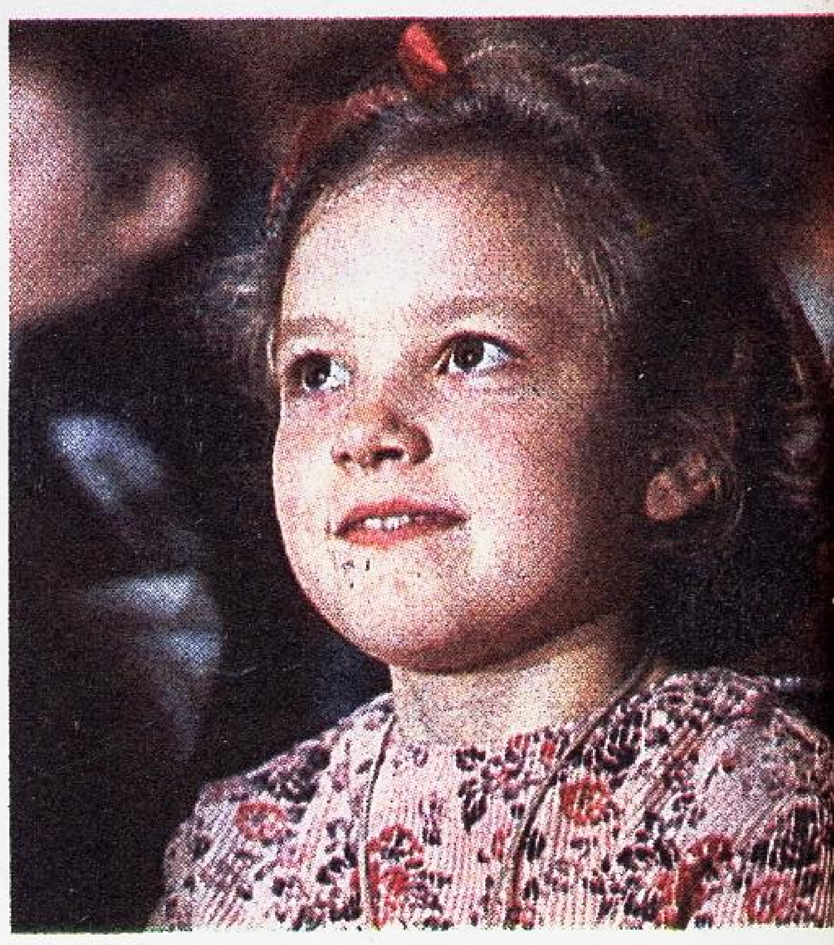
В Государственной Публичной библиотеке в Ленинграде обнаружены редчайшие книги Джордано Бруно с авторскими пометками на полях.

* * *

В Лондонском музее хранятся солнцезащитные очки фараона Тутанхамона.

* * *

По голосу космонавта можно определить состояние его здоровья и настроение на орбите.



З. КОРОГОДСКИЙ,

главный режиссер
Ленинградского театра юных зрителей,
народный артист РСФСР

ПОДРОСТОК

«Пионер» прислал мне вопросы ребят, которые интересуются нашим театром. Есть среди них вопросы частные, обращенные ко мне. Есть более общие, в которых ребята проявляют глубокое и тонкое понимание театрального искусства. Есть забавные и неожиданные. Вот они все передо мной. И отрадно видеть, какой живой интерес вызывает у ребят театр, с какой откровенностью и чистосердечной радостью пишут они о нем.

Начну с первого попавшегося: ***Почему вы стали режиссером детского театра?***

Как просто бывает маленькому человеку спросить, и какую бурю воспоминаний и размышлений поднимает вопрос в душе взрослого.

Почему я стал режиссером детского театра? Наверно, судьба, стечение обстоятельств и, конечно же, память о собственном детстве, привязанность к Детству вообще. Бывает так, что в фактах биографии что-то ведет человека к определенной цели. Он может не осознавать этого, даже сопротивляться, но неизбежно внутренняя скрытая склонность при благоприятных условиях берет верх.

Может быть, в моем случае решающую роль сыграли необыкновенно яркие и сильные впечатления собственного детства. Я рос среди многочисленной родни, и до сих пор сохранил ощущение радости от того, что тебя окружающие любят. Это не была слепая безоглядная любовь, скорее, доверие или, как мы сегодня говорим, естественное уважение к маленькому человеку. Сейчас мне кажется, что из этого-то доверия, отсутствия опеки и сложился мой характер, раскрылась энергия, стремление быть вожаком необходимого дела, в моем случае — строительства театра.

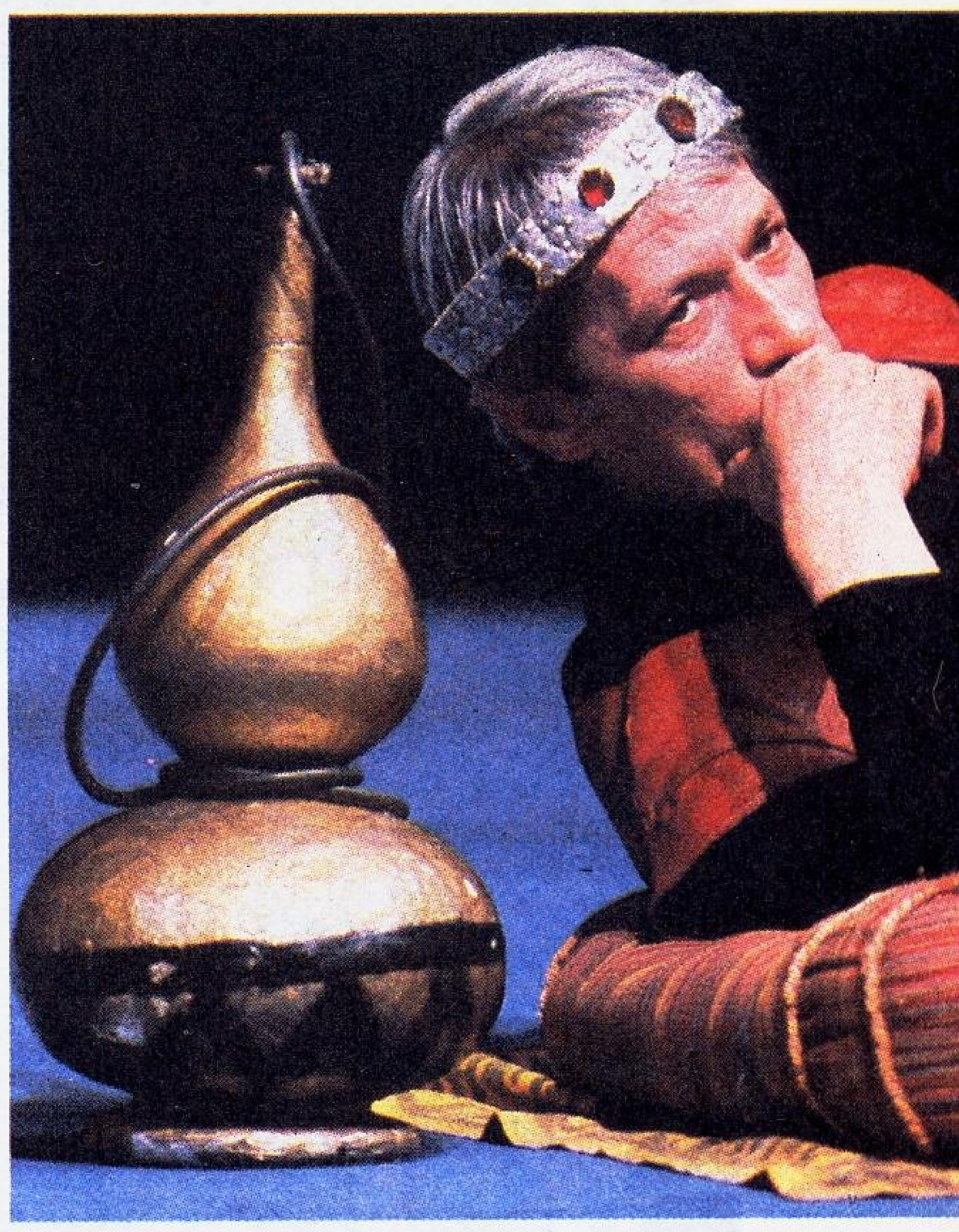
А дети мне всегда были интересны: и в 18 лет, а сейчас — тем более. В них меня радует живое и непосредственное восприятие жизни, готовность ее творить и переделывать к лучшему.

Расскажите о вашем первом посещении театра. Какие впечатления он оставил?

Свой первый спектакль всегда вспоминаю с

Продолжение. Начало в № 9.

«...есть люди, которые, храня память о собственном детстве, умеют угадать серьезное в мире юных и рассказать об этом интересно, как бы про себя и для равных себе». Такие вот люди и создают спектакли Ленинградского театра юных зрителей.



– ДИТЯ НА ПОДРОСТЕ

благодарностью и при любом случае рассказываю о нем. Мне было лет шесть. Помню, что это было летом в городе Томске. Мама, моя молодая мама, которая была почти девчонкой, работала уборщицей в летнем театре. В этот день меня почему-то нельзя было «подбросить» бабушке, и маме пришлось взять меня с собой на работу. Однако вечером в театр детей не пускали, поэтому она должна была меня спрятать. Мама посадила меня где-то на балконе, подальше от чужих глаз. Когда публика уже заняла места, я вылез из укрытия и пристроился к барьеру. Помнится, что, став на колени, облокотившись на барьер балкона, я буквально впился глазами в сцену. Какое шло представление, мне стало известно потом, от мамы. Она не отличалась особым образованием, но была впечатлительным и заразительно живым человеком.

Помню с пронзительной отчетливостью: зал, сцену. Какая-то засасывающая глубина (так туда и хотелось влезть), и в этой глубине, в этой далекой «коробочке» — прекрасное, как в сказке. Что-то голубое, желтое, подобие какой-то крыши, потом какой-то залы. Но больше всего запомнилась молодая, конечно, очень красивая девушка (может быть, кто-то и считал ее некрасивой, но для меня она была просто сказочно красивой!). Она — в желтом шелке... И он — стройный блондин, нарядный, в голубом. Запомнилась какая-то женщина, крупная, богато одетая, и немолодой человек в белом парике и еще — огромная скрипка.

Я потом спросил маму: почему скрипка такая большая? У мамы хватило знаний, чтобы объяснить: это виолончель.

А смотрел я — «Коварство и любовь» Шиллера.

Первый спектакль в моей жизни произвел на меня впечатление огромное. Я поверил, что на сцене могут происходить очень интересные, иногда даже необыкновенные вещи и что все зависит только от фантазии тех, кто на сцену выходит, чтобы играть спектакль. И тогда я решил создать свой театр.

«Игра в театр» стала самым большим увлечением моего детства. Я устраивал театр в коридоре нашей квартиры, во дворе, и втягивал в это всех,

кого можно вовлечь. Делал театр из кукол и игрушек, которые мне дарили мои близкие. Собрав компанию зрителей, я играл куклами, сидя за каким-нибудь ящиком или забором, и игрушки оживали — замечательная игра! А какую радость это доставляло зрителям, моим сверстникам! Может быть, тогда, совсем незаметно для меня самого, и возникло желание когда-нибудь поставить спектакль в настоящем театре, зрителями которого были бы дети. По крайней мере, когда я, уже профессиональный режиссер, да еще с педагогическим образованием, получил предложение возглавить Ленинградский ТЮЗ — сомнений у меня не было.

Чем отличается работа режиссера и актера в детском театре от работы в театре для взрослых?

Ничем не отличается. Разве что большей чуткостью к любым переменам в жизни детей и большей тревогой за зрителя.

Меня всегда восхищали детские врачи. Какие слова находят они, чтобы понять маленького человека и помочь ему, еще не умеющему выразить свое страдание? То, что они делают, кажется мне магией. Но работа детского театра в каком-то отношении близка работе детского врача. По едва заметным приметам мы пытаемся определить, что волнует и беспокоит нашего сегодняшнего зрителя. Мы стремимся помочь ему, поддержать, иногда остеречь, чтобы он был нравственно здоров потом всю жизнь.

Поэтому прежде всего и с самым серьезным вниманием мы в театре относимся к подростку. Именно в этом возрасте на человека просто лавиной обрушиваются новые впечатления. Горизонт резко раздвигается, часто даже называют это явление вторым рождением. Подросток входит в жизнь. В толковом словаре Владимира Даля слово «подросток» объясняется так: «дитя на подросте». «На подросте» ребенок начинает отвечать за свои поступки, соотносить свои мечты и желания с действительностью. Его основное внимание сосредоточивается на человеке, его внутренней жизни, на взаимоотношениях между людьми. Подросток оп-

Посмотрите на эти фотографии, порадуйтесь: состоялось рождение нового прекрасного спектакля. Называется он «Опровержение», автор его — Сергей Михалков.
Весь спектакль в фотографиях увидеть на страницах журнала невозможно, но одну сцену — пожалуйста. И еще можно увидеть радость театрального коллектива и автора после премьеры. Радость общую. Радость заслуженную.

ределяет свою роль в обществе, познает его законы. И в этом возрасте значение театра неоценимо. У нас в репертуаре целый ряд спектаклей адресован ребятам от 12 до 16 лет. Спектакль «Дети, дети, дети» создан по лучшим произведениям советских писателей о детстве и о вечных проблемах, с которыми сталкивается маленький человек... «Благо тому, кто сохранит юность до старости, не дав душе своей остыть, ожесточиться, окаменеть» — эти слова Белинского предпосланы нашему спектаклю, обращенному ко всем детям, маленьким и взрослым, детям, у которых есть дети, и детям, у которых непременно будут дети. «Не уходи никогда», «Профессия Айзека Азимова», «Открытый урок»... К подростку мы обращаем спектакли, казалось бы, на первый взгляд не связанные непосредственно с современностью. Их сюжеты отошли в историю: декабристы, народовольцы, гражданская война, Великая Отечественная. Но мы убеждены, что история — это наши корни, то, из чего растет Человек.

В чем разница, чем отличается драматург для взрослых от драматурга для детей, театр для взрослых от театра для детей...

А чем отличается взрослый от ребенка? Как хочется нащупать вам эту разницу! Вы думаете, наверное, что, поняв ее, можно легко и свободно перейти во взрослое состояние. Но это не так, и тем более обидно, что часто в жадном стремлении повзрослеть вы упускаете неповторимые, бесценные впечатления детства и отрочества, не придавая им особого значения. А именно они потом определяют ваш характер, создают ваш личный внутренний мир. Что может вырасти из ребенка, который с детства был охвачен одной мечтой — поскорее стать взрослым? Его душа, не знающая радости первого открытия богатства мира, первого выбора между добром и злом, мужеством и трусостью, любовью и ненавистью, останется неразвитой, сонной, не приученной к ежедневному труду.

Я уверен, что с детьми надо говорить обо всем и — с предельной честностью. Привычка слушать и говорить правду, пусть даже иногда суровую, сможет в дальнейшем защитить молодого человека, создать у него своеобразный иммунитет к несправедливости. Мир многоцветен, и ребенок должен видеть все его краски, знать, что добро часто сталкивается со злом, милосердие — с жестокостью, красота — с уродством. Так происходит в жизни, так стремятся говорить о жизни лучшие спектакли нашего театра. Вот почему я думаю, что нет такой профессии «драматург или режиссер для детей». Просто есть люди, которые, храня память о собственном детстве, умеют угадать серьезное в мире юных и рассказать об этом интересно, как бы про себя и для равных себе. Среди драматургов, писателей я вижу таких людей в Евгении Шварце, Радии Погодине, Михаиле Рощине, Владимире Тендрякове, Булате Окуджаве и еще многих и многих других — всех их отличает человеческая чуткость, отзывчивость, умение остро реагировать на изменения в мире, обществе, жизни.

Главная цель нашего театра в диалоге со зрителем — пробуждение в человеке человеческого.

Как часто, привыкая к будням, мы теряем наблюдательность, а следовательно, и радость жизни. И начинается это подчас очень рано. Глохнет доброжелательность, исчезает сердечная открытость и доверчивость к миру. Их надо поддержать. Надо научить человека беречь ближнего, беречь и ценить весь мир в его богатстве и противоречиях. В нашем театре эта тема проходит через все спектакли. Мы говорим в одном обращении перед спектаклем о высоком предназначении человека на земле. Что́ значат эти слова — мы и пытаемся открыть зрителям.

А вот замечательный вопрос: ***Зачем создавать специальные детские театры?***

Было бы незачем, если бы взрослые театры считали постановку спектаклей для детей своим художественным долгом. Но творческая энергия взрослых театров не направлена к детям, и хорошие спектакли для них появляются редко, «взрослой» труппе играть их трудно. Вот почему детский театр необходим как особая творческая организация, чьи силы и поиски подчинены целям нравственного и эстетического развития детей.

И тут наблюдение другого моего корреспондента: ***Когда смотришь, как взрослые изображают школьников на сцене взрослого театра, становится как-то неловко за них: видишь, что взрослые дяди и тети, переодевшись детьми, стараются нам подражать. А в вашем театре веришь, что перед тобой ребенок, даже если взрослый играет пятилетнего. Как это у вас получается?***

Причина здесь одна — та, что наши актеры, выходя на сцену, не пытаются снизойти до понимания зрителя, они разговаривают с ним на равных, с уважением к их заботам, к их жизни и их проблемам. Во взрослом же театре актер нередко движим уверенностью, что все, связанное с ребенком, менее значимо, менее важно по сравнению с миром взрослых. И в результате детей изображают не такими, какие они есть на самом деле, а демонстрируют лишь свое, **взрослое** представление о них. За это, конечно же, становится неловко.

Потеря чуткости друг к другу — вот, на мой взгляд, проблема сегодняшнего дня. Взрослые покровительственно посматривают на детей, дети, каждый в меру своих сил, пытаются отстоять самостоятельность, а в результате возникает непонимание, барьер — страдают и те, и другие.

Я был у вас на спектакле «Открытый урок», был с родителями. Вы там показываете отношения между детьми и родителями. Мне кажется, я-то понял, что вы хотели сказать этим спектаклем. А мои родители посмеялись и — ничуть не изменились. Когда я им потом сказал, что они обращаются со мною и младшим братом так же, как те мамы и папы, над которыми они сами смеялись на спектакле, родители обиделись, сказали: нет, мол, это было не про них. Как сделать, чтобы взрослые лучше понимали смысл ваших спектаклей?

Мальчик посмотрел спектакль и остался в уверенности, что высмеивались его родители. А родители, судя по всему, восприняли спектакль с другой стороны, увидев в нем изображение собственных детей. Но весь наш спектакль — единое целое: он и о взрослых, и о детях, об их непростых взаимоотношениях. Если человек, приходя в театр, замечает только то, что можно отнести к другим, и не узнает себя — это плохой зритель, невнимательный. Театр не сможет помочь ему — это все равно, что пытаться докричаться до глухого. Поэтому мы и говорим о чуткости как об основном свойстве талантливого зрителя, да и вообще талантливого человека.

Но это уже другая огромная и сложная проблема — как воспитать талантливого зрителя. Однако об этом в следующий раз...

ОКОНЧАНИЕ
В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ.

Фотографии М. ВЫЛЕГЖАНИНА.

В стране шаха — владыки черных и белых полей

Победитель турнира «Белая ладья» — команда города Москвы со своим тренером Э. Шехтманом.

«Белая ладья» в Самтредиа

«Мечтаю о том, чтобы у меня были такие спортивные результаты, как у международного мастера Валерия Салова из Ленинграда. Валерий раньше играл в финальных турнирах клуба «Белая ладья», и у него были хорошие личные результаты».

Так сказал ученик 52-й самаркандской школы Саддык Сакдакбаров. У Саддыка первый спортивный разряд. На недавних, уже семнадцатых финальных соревнованиях клуба «Белая ладья», проходивших в грузинском городе Самтредиа, узбекский школьник добился лучшего результата среди мальчиков, набрал девять очков из десяти возможных.

«И у меня есть мечта,— вступает в разговор Аня Ратнер, семиклассница 25-й житомирской школы. Аня тоже рекордсменка турнира в Самтредиа. Играя с девочками, она набрала 9 очков из десяти.— Знаю, что так выступала не раз в финалах школьница из Фрунзе Светлана Матвеева. Трижды она получала призы журнала «Пионер». Сейчас Светлана — чемпионка нашей страны. Она принимает участие в борьбе за первенство мира. Вряд ли мне добиться таких успехов, но буду стараться играть лучше».

Да, желание идти вперед в спорте, в шахматах, при настойчивом труде, умении преодолевать неудачи — вот верный путь к спортивному мастерству.

«Меня научила играть в шахматы мама,— рассказывает ученик четвертого класса 222-й ленинградской школы Костя Сакаев.— Очень мне понравились шахматы. Стал читать книги по теории, записался в секцию при Дворце пионеров, играл в турнирах. Поначалу много проигрывал, потом стали получаться неплохие партии. Одну из них поместили в журнале «Пионер». Внимательно разбираю теперь партии Карпова, они очень много дают для понимания шахматной стратегии».

Косте — одиннадцать лет, а он уже кандидат в мастера, лидер команды своей пионерской дружины.

Самым юным участником соревнования в Самтредиа был Боря Чибрадзе, ученик второго класса школы села Набакеви Самтредского района. Боре восемь лет. Он любит не только играть в шахматы, но и составлять шахматные задачи. Одну из его задач мы поместили в журнале «Пионер».

У Бори много разных увлечений. Недавно он стал лауреатом республиканского смотра художественной самодеятельности.

«Очень хочу стать сильным шахматистом,— говорит Боря.— Для этого надо хорошо потрудиться, так я и буду поступать».

Вы уже знаете, ребята, что почетные призы ЦК ВЛКСМ и нашего журнала завоевали в финальном турнире «Белая ладья» ребята из 22-й московской школы. Они были награждены золотыми медалями чемпионов. Серебряные медали получили юные шахматисты из 31-й челябинской школы, бронзовые — ребята из ленинградской школы № 222.

По правилам в соревнованиях клуба «Белая ладья» выступают команды, состоящие из четырех мальчиков и одной девочки. Но были и исключения из этого правила. Так, в команде 52-й самаркандской школы играли сестры

Участницы финала «Белой ладьи» — Ирина и Инна Брандис из Молдавии.

Шаиста и Дилрабо Рахматуллаевы, а их брат Дмамшед возглавлял команду.

А в команде школы № 13 города Кишинева играли сестры — близнецы Ира и Инна Брандис, они учатся в пятом классе, у них первый спортивный разряд.

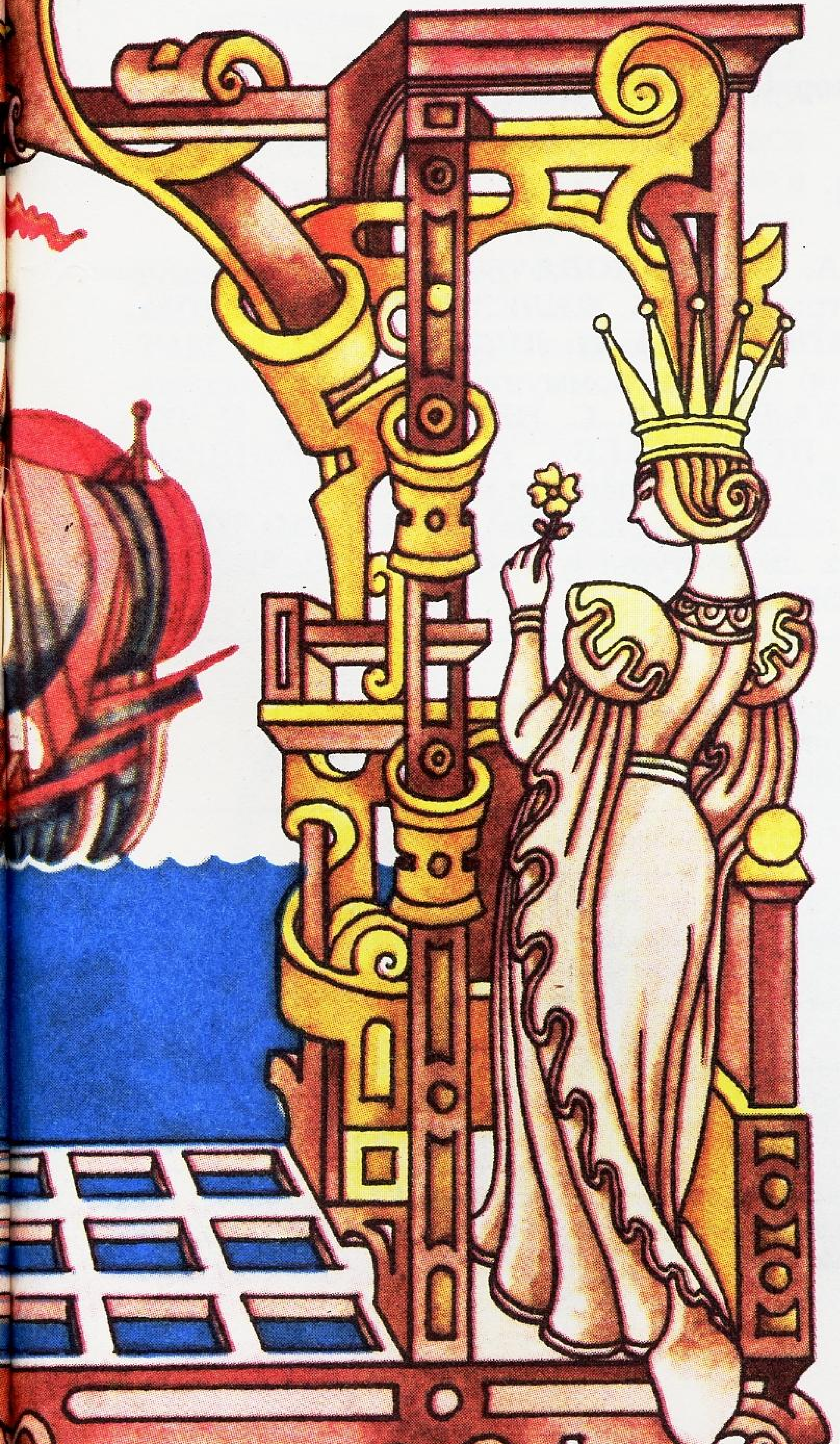
Некоторые ребята считают, что в финальный турнир могут попасть только команды больших городов, где ребята могут заниматься в спортивных секциях под руководством мастеров Так ли это?

«Конечно это мнение ошибочно, — говорит заслуженный тренер СССР Анатолий Быховский. — Успех приходит к командам тех школ, где ребята понастоящему любят шахматы, где создан дружный спортивный коллектив, в котором все за одного и один за всех».

Именно таким является коллектив школы №5 маленького литовского города Кедайняй. Здесь командой пионерской дружины руководит учитель Альгис Аугустайтис. Участники команды Шарупас Шулькис, Альгирдас Аугустайте, Даугела Донатас, Михас Петройтис, Вилия Лапинскайте все получили недавно первый спортивный разряд. Они много занимаются шахматами, крепко дружат между собой, хорошо учатся в школе.

За высокие спортивные достижения, за коллективизм, любовь к спорту редакция нашего журнала премирует шахматистов этой пионерской дружины пятью шахматными часами.

Пятью шахматными часами премируем мы и пионерскую дружину школы №2 Фарабского района Туркменской ССР. В команде этой дружины два перворазрядника — Бабакулы Анпаков и Азат Некесов, у остальных ребят второй спортивный разряд. Занимаются юные шахматисты в клубе «Колхозчи» под руководством учителя Шакира Хакимова.

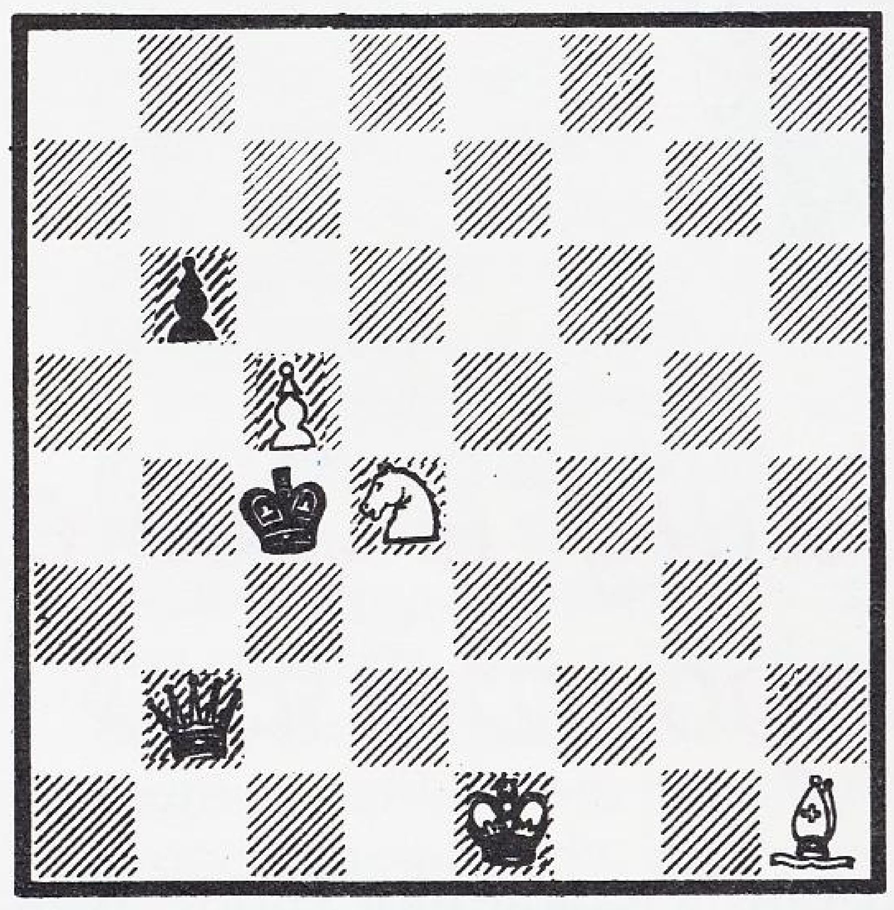


Конкурс «Белая ладья»

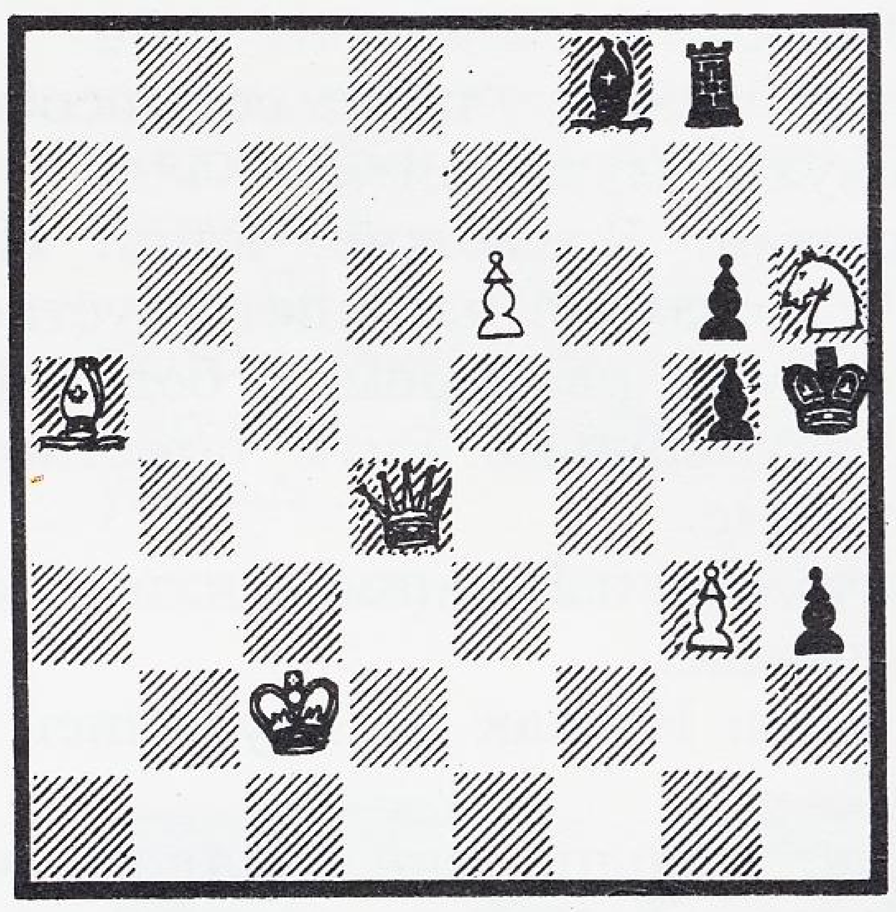
Давно не встречались мы с вами, ребята, в наших заочных соревнованиях. И вот теперь новое нелегкое испытание: конкурс «Белая ладья».

Вам предлагаются три интересных задания. Для победителей конкурса установлено 15 премий. Главный приз — шахматные часы. Остальные призы — шахматные книги.

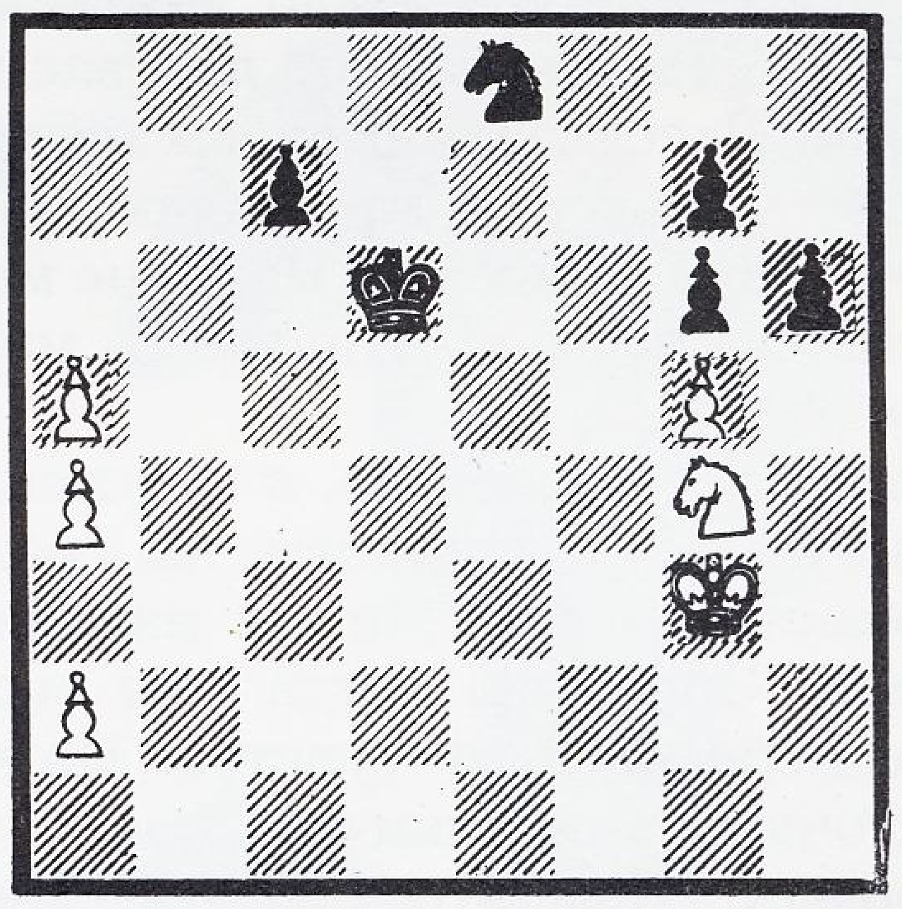
Только учтите наше условие. Каждый участник конкурса должен, посылая решения заданий, коротко написать о том, есть ли у него в школе шахматный кружок, проходят ли соревнования клуба «Белая ладья». Итак за дело!



Найдите, как в этом положении белые дают мат в два хода.



В этой позиции мат достигается в три хода.



А это этюд, в котором белые начинают и выигрывают.

Напоминаем, что во всех заданиях игру начинают белые. Решения надо отсылать не позднее, чем через месяц после получения журнала. Правильные решения будут учитываться и для присвоения спортивных разрядов.

Ждем ваших решений, ребята!

Рисунок Н. ДОБРОХОТОВОЙ.

В кают-компании «Кораблика»

«Пишу в момент очарованья...»

Боцман: Уважаемая Надя! Как же получаются у вас такие складные, ритмичные стихи? Наверное, сначала вы рисуете размер стиха, а потом, как по нотам, пишете стихотворение?

Надя: Нет, уважаемый боцман, о размере я совсем не думаю. Он складывается сам собой, невольно.

Юнга: Может, у поэта есть особое чувство ритма, как слух у музыканта?

Капитан: Возможно, юнга. Поэтому хороший поэт никогда не напишет грустное стихотворение «плясовым» размером, а бодрый марш — медленным, заунывным. Ритм помогает поэту передать настроение.

Юнга: Вот и Надины стихи об осени медленные, задумчивые...

Боцман: Но как же научились вы, Надя, писать стихи?

Надя: Раньше мне казалось, что писать стихи очень просто: надо лишь уметь рифмовать. Я ходила по улицам и придумывала рифмы: улицы — курицы, дорожки — ножки. Это получалось у меня легко, и я считала себя поэтом. Но сейчас я понимаю, что стихи пишутся не ради рифмы и писать их мне еще надо учиться.

Юнга: Что же главное для вас в стихотворении?

Надя: Рассказать о своем настроении, чувствах. Передать их верно, красивым, но точным языком.

Боцман: Уважаемая Надя, не могли бы вы сейчас сочинить стихи об отважных моряках и морских странствиях?

Надя: К сожалению, я не умею писать стихи на заданную тему, сочинять их сразу.

Боцман: Но как же вы находите темы?

Надя: Сочиняю, когда мне весело или грустно, когда переполняют чувства. Но чаще пишу в момент очарованья чем-то...

Боцман: И в этот момент сразу складываются стихи? Смотрите на морскую яхту и пишете о ней?

Надя: Не всегда сразу, боцман. Стихи складываются по-разному. Как-то зимой мне очень надоел снег, это белое однообразие. Я вспомнила осень. Вернее, одну очаровавшую меня осеннюю краску:

Отзвенело лето быстро,
И дожди идут гуськом...
Вдруг зажглись рябины кисти
Горьким, красным кумачом.

Капитан: Дорогие читатели, расскажите и вы: что для вас главное в стихотворении? Как складываются у вас стихи?

Бортжурнал ведет Н. ДАВЫДОВА.

СОДЕРЖАНИЕ

Ты и реформа
Билет в XXI век. — Е. Плетнева .... II обл.
Впервые в библиотеке. Знаки препинания. Субботник. На уборке листьев. Тает первый снег. Яблоко. Зимние скворечники. — Стихи Л. Фадеевой. Рисунок С. Соколова 4
Отряд говорит с отрядом. — Рисунки А. Вовиковой 6
Книги. — Повесть А. Яковлева. Рисунки А. Ивашенцевой 8
Про мир и дом, где мы живем 15
Здравствуй, отряд! — Продолжение. Рисунки Е. Медведева 16
Канал в пустыне. — Ю. Крутогоров 21
«Кораблик» 25
С добрым утром, хороший человек! — В. Разумневич 26
Круглый стол «Пионера»
Терроризм: сделано в США 28
Пять путешествий Пржевальского. — Л. Разгон. Рисунки Л. Хайлова 30
Дерево-виноград. — Л. Яхнин. Фотографии А. Шпикалова 43
Внимание! Внимание! 44
Полынные сказки. — Ю. Коваль. Окончание. Рисунки С. Острова 45
Я — портниха. — Стихотворение Е. Григорьевой 55
На научной волне 56
Подросток — дитя на подросте. — З. Корогодский. Фотографии М. Вылегжанина 58
В стране шаха — владыки черных и белых полей. — Рисунок Н. Доброхотовой 62
В кают-компании «Кораблика» 64
Переменка
Переходящий приз. — Юмореска О. Назарова. Рисунок Е. Шабельника .... III обл.
Трубачи Первой конной. — Музыка Г. Крылова, стихи П. Синявского .... IV обл.

На обложке:
Преображенная пустыня. — Рисунок А. Борисова.

Главный редактор С. А. ФУРИН.

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

Т. А. ГАЙДАР, А. В. ДРУЯНОВА (редактор отдела внутренней жизни страны), **В. К. ЖЕЛЕЗНИКОВ, В. И. ИВАНОВ, В. П. КРАПИВИН, А. И. ЛЯШЕНКО, М. В. МАТВЕЕВА** (редактор отдела коммунистического воспитания), **С. В. МИХАЛКОВ, А. С. НЕКРАСОВ, И. Н. НИКИТИН, М. П. ПРИЛЕЖАЕВА, В. Л. РАЗУМНЕВИЧ, Е. В. СЕЛЕЗНЕВА** (ответственный секретарь), **Л. С. СИМОНОВА** (зам. главного редактора), **И. Н. ХРИСТОВАЯ** (редактор отдела литературы и искусства), **Ю. М. ЧИЧКОВ, Ю. Ф. ЯРМЫШ.**

Редактор отдела оформления **А. М. ГРИШИН.**
Технический редактор **Е. Г. ЕВДОКИМОВА.**
Макет **В. П. ДУДКИНА.**

© Издательство «Правда», «Пионер», 1985.

Адрес для писем: **101459, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14, 11-й этаж.**
Телефон 212-14-17.

Сдано в набор 02.08.85.
Подписано к печати 19.08.85. А 04616. Формат 84×60 1/8.
Офсетная печать. Усл. печ. л. 7,44. Учетно-изд. л. 9,00.
Усл. кр.-отт. 31,16. Тираж 1 650 000 экз. Изд. № 2188. Заказ № 1310.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, Москва, А-137, ГСП, ул. «Правды», 24.

Олег НАЗАРОВ

ПЕРЕХОДЯЩИЙ ПРИЗ

ЮМОРЕСКА

Идет заседание совета отряда. Человек шесть дисциплинированных отличников обсуждают плохую успеваемость Квочкина. Сам Квочкин вальяжно развалился перед собравшимися и глубокомысленно рассуждает:

— Вот вы все твердите: учись, Квочкин, да учись. А сколько можно повторять одно и то же? Где ваш психологический подход к воспитанию Квочкина, то есть меня?

Отличники затравленно переглядываются.

— Вы должны не пугать меня двойками, а заинтересовать учебой! — гремит Квочкин. — Подогреть во мне желание стать образованным! Расшевелить все самое хорошее, что есть у меня в характере! Пробудить мой творческий... этот самый... как его... Во! Потенциал!

Совету отряда становится не по себе.

— А вы что вместо этого делаете? Подбегаете по очереди на переменах: Квочкин, выучил историю? Квочкин, решил задачу? Квочкин, принес макулатуру? Квочкин, Квочкин... Я уже двенадцать лет как Квочкин. Второй десяток идет, а вы все бегаете за мной, дергаете, отвлекаете от учебы...

— Мы?! — ужасаются отличники.

— Вы, вы, кто же еще! А я не могу со всеми управиться. Я один, а вас вон сколько. Один говорит: учи географию, другой — пиши диктант. Когда мне успеть? Вот вы проведите между собой соревнование, выявите лучшего. Его-то ко мне и прикрепите. А в следующий четверг — новое соревнование, новый лучший! А я у вас вроде переходящего приза буду. Кто в вашем соревновании победит, тот и будет со мной заниматься!

Совет отряда начинает о чем-то шептаться, потом один из отличников куда-то исчезает. А Квочкин вскакивает и начинает ходить по классу:

— Я буду не только призом, но и главным судьей вашего соревнования! И смотрите у меня! Чтоб и учеба, и поведение были безупречными! И общественная работа на высоте! Помните, я достанусь только лучшему из вас! Так что соревнуйтесь! Вы обсудите мое предложение, а я пока пошел, у меня дела...

— Погоди, Квочкин, — прерывает его председатель совета отряда. — Мы тут подумали над твоим предложением и решили его принять. Но с одной оговоркой, не возражаешь? Ты у нас будешь призом не переходящим, а постоянным. Ну, а лучший среди нас — это, конечно, гордость нашей школы, отличница Мила Коновалова.

Председатель указывает на дверь, где в сопровождении исчезнувшего отличника появляется капитанша школьной баскетбольной команды с суровым лицом. Она чуть не вдвое выше Квочкина.

— Да уж, достался я победителю, — ошарашенно бормочет Квочкин. — От судьбы, видно, не уйдешь...

Рисунок Е. ШАБЕЛЬНИКА.

6/5-77

Трубачи Первой конной

Музыка Геннадия КРЫЛОВА.

Стихи Петра СИНЯВСКОГО.

К нам приходят легенды
Из эпохи борьбы.
Слышен голос победы
В гордых звуках трубы.

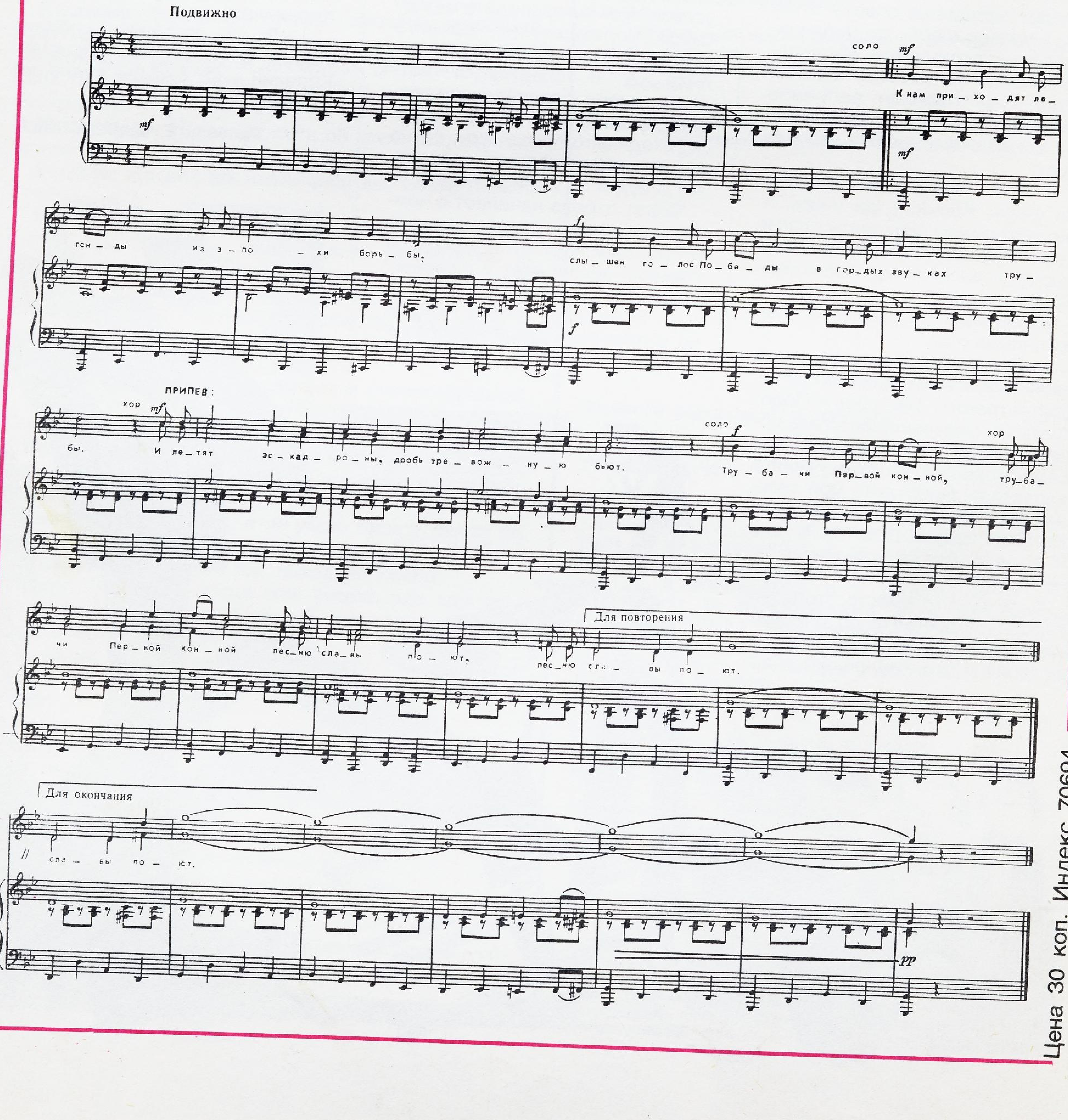
Припев:
И летят эскадроны,
Дробь тревожную бьют.
Трубачи Первой конной
Песню славы поют.

После воинской чести—
Раскаленная степь.
Стали трубы в оркестре
Жарче сабель блестеть.

Припев.

И звучат эти годы
Для грядущих веков
Орудийным аккордом
С пересвистом клинков.

Припев.



ISSN 0130—8009

Цена 30 коп. Индекс 70694.